

Виктор
ПЕТЕЛИН

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ
XX века
1953 — 1993 годы

Л. Леонов

Михаил Шолохов

АЛЕКСАНДР
ТВАРДОВСКИЙ

В. Распутин

Виктор Петелин

**История русской литературы
второй половины XX века. Том II.
1953–1993. В авторской редакции**

«Центрполиграф»

2013

Петелин В. В.

История русской литературы второй половины XX века. Том II. 1953–1993. В авторской редакции / В. В. Петелин — «Центрполиграф», 2013

Во второй половине XX века русская литература шла своим драматическим путём, преодолевая жесткий идеологический контроль цензуры и партийных структур. В 1953 году писательские организации начали подготовку ко II съезду Союза писателей СССР, в газетах и журналах публиковались установочные статьи о социалистическом реализме, о положительном герое, о роли писателей в строительстве нового процветающего общества. Накануне съезда М. Шолохов представил 126 страниц романа «Поднятая целина» Д. Шепилову, который счёл, что «главы густо насыщены натуралистическими сценами и даже явно эротическими моментами», и сообщил об этом Хрущёву. Отправив главы на доработку, два партийных чиновника по-своему решили творческий вопрос. II съезд советских писателей (1954) проходил под строгим контролем сотрудников ЦК КПСС, лишь однажды прозвучала яркая речь М.А. Шолохова. По указанию высших ревнителей чистоты идеологии с критикой М. Шолохова выступил Ф. Гладков, вслед за ним – прозападные либералы. В тот период бушевала полемика вокруг романов В. Гроссмана «Жизнь и судьба», Б. Пастернака «Доктор Живаго», В. Дудинцева «Не хлебом единым», произведений А. Солженицына, развернулись дискуссии между журналами «Новый мир» и «Октябрь», а затем между журналами «Молодая гвардия» и «Новый мир». Итогом стала добровольная отставка Л. Соболева, председателя Союза писателей России, написавшего в президиум ЦК КПСС о том, что он не в силах победить антирусскую группу писателей: «Эта возня живо напоминает давние рапповские времена, когда искусство «организовать собрание», «подготовить выборы», «провести резолюцию» было доведено до совершенства, включительно до тщательного распределения ролей: кому, когда, где и о чём именно говорить. Противопоставить современным мастерам закулисной борьбы мы ничего не можем. У нас нет ни опыта, ни испытанных ораторов, и войско наше рассеяно по всему простору России, его не соберёшь ни в Переделкине, ни в Малеевке для разработки «сценария»

съезда, плановой таблицы и раздачи заданий» (Источник. 1998. № 3. С. 104). А со страниц журналов и книг к читателям приходили прекрасные произведения русских писателей, таких как Михаил Шолохов, Анна Ахматова, Борис Пастернак (сборники стихов), Александр Твардовский, Евгений Носов, Константин Воробьев, Василий Белов, Виктор Астафьев, Аркадий Савеличев, Владимир Личутин, Николай Рубцов, Николай Тряпкин, Владимир Соколов, Юрий Кузнецов... Издание включает обзоры литературы нескольких десятилетий, литературные портреты. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

© Петелин В. В., 2013

© Центрполиграф, 2013

Содержание

Часть первая	8
Часть вторая	31
Литературные портреты	60
Александр Александрович Фадеев	60
Михаил Михайлович Зощенко	64
Николай Алексеевич Заболоцкий	70
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Виктор Петелин
История русской литературы второй
половины XX века. Том II. 1953
—1993. В авторской редакции

*Галине Ивановне – за любовь и верность —
и нашим детям Ивану, Алексею и Ольге Петелиным
с глубокой благодарностью за участие
в моей творческой судьбе*

V. V. Petelin

Часть первая

Русская литература 50-х годов.

Об искренности в литературе

После смерти Сталина начались перемены в политике и культуре, в литературе и искусстве. А в начале 1953 года русская литература продолжала своё существование в острой борьбе между различными направлениями, то и дело возникали конфликты между патриотической и либерально-западной группировками писателей. В «Новом мире» (1952. № 7—10) вышел роман «За правое дело» Василия Гроссмана, тут же появились в печати положительные рецензии о романе С. Львова в журнале «Огонёк» (1952. № 47) и Б. Галанова в «Молодом коммунисте» (1953. № 1). 13 октября 1952 года роман был поставлен на обсуждение на секции прозы Союза писателей СССР, выступили А. Авдеенко, Г. Бровман, В. Гоффеншефер, Л. Субоцкий. Придя к выводу, что опубликован «замечательный роман», секция единогласно выдвинула его на Сталинскую премию. 6 января 1953 года в передовой статье «Новый литературный год» «Литературная газета» дала высокую оценку роману. 15 января та же «Литературная газета», подводя итоги года, дала роману В. Гроссмана положительную оценку и отнесла его к «крупным произведениям». Но неожиданно всё изменилось. 13 февраля 1953 года «Правда» опубликовала материал М. Бубеннова «О романе Гроссмана «За правое дело», рукопись статьи читал И.В. Сталин и рекомендовал к публикации. Главная мысль М. Бубеннова заключалась в том, что роман «За правое дело» Василия Гроссмана содержит клевету на защитников Сталинграда. То, что было одобрено И.В. Сталиным, было принято на веру.

В. Кружков и В. Иванов направили «Записку Отдела художественной литературы и искусства ЦК КПСС о недостатках редакционной статьи «Литературной газеты» о романе В. Гроссмана «За правое дело» секретарю ЦК КПСС тов. Н.М. Михайлову: «21 февраля с. г. «Литературная газета» напечатала редакционную статью «На ложном пути» – о романе В. Гроссмана «За правое дело», в которой правильно в основном вскрыты крупные недостатки этого ущербного произведения. В этой статье газета справедливо критикует тех, кто ошибочно оценивал роман В. Гроссмана, проходя мимо его пороков, и необоснованно захваливал это произведение, в частности рецензентов журналов «Огонёк» и «Молодой коммунист» С. Львова и Б. Галанова. Газета правильно отмечает в этой статье недостатки обсуждения романа в Союзе советских писателей: «Вместо того чтобы указать писателю на всю серьёзность самого характера той цепи идейных ошибок, которая содержится в его романе, ряд критиков и писателей при обсуждении романа В. Гроссмана в московской секции прозы встали на вредные для дела позиции безудержного захваливания... В статье «На ложном пути» ни слова не сказано об этих ошибках «Литературной газеты» при оценке романа В. Гроссмана...»

В «Записке» авторы упоминают главного редактора «Литературной газеты» К.М. Симонova, который «несамокритично» высказал в газете два разных мнения об одном и том же произведении за последние два месяца 1953 года.

Естественно, за этим последовало заседание Президиума Союза писателей СССР 24 марта 1953 года всё о том же – о романе В. Гроссмана «За правое дело» и о работе редакции журнала «Новый мир», полностью поддержавшее статью М. Бубеннова в «Правде» и статью «Роман, искажающий образы советских людей» в журнале «Коммунист» (1953. № 2). В постановлении Президиума Союза советских писателей СССР прежде всего говорилось о серьёзных ошибках в романе В. Гроссмана, писателя упрекали в проповеди буржуазной идеалистической философии, дескать, не показал типического образа Сталинградской битвы, «роман в целом рыхлый и композиционно плохо организованный», «автор поставил в центр произведения людей мелких, незначительных, обывателей», а «редколлегия журнала «Новый мир»,

напечатавшего роман В. Гроссмана, допустила большую ошибку, не проявила необходимой бдительности и требовательности к идейно-художественному качеству произведения». Президиум напоминает о том, что журнал «Новый мир» в 1951—1952 годах опубликовал антипатриотическую статью А. Гурвича «Сила положительного примера» (1951. № 9). Резко критиковались в редакционной статье «Правды» «Против рецидивов антипатриотических взглядов в литературной критике» (1951. 28 октября) порочные произведения «Сердце друга» Э. Казакевича, стихи Н. Асеева, «Ясность» В. Огнева. Президиум пришёл к выводу, что снисходительное отношение к роману В. Гроссмана высказали Фадеев, Симонов, Твардовский, Сурков, а, наоборот, критическое отношение, которое высказали Бубеннов, Агапов, Катаев, Кожевников, Грибачёв, не было использовано в постановлении Президиума.

Это постановление Президиума, подписанное А. Фадеевым, было направлено секретарю ЦК КПСС тов. П.Н. Пospelову.

Так вновь обострилась литературная борьба между различными группировками среди писателей, композиторов, художников, театральных деятелей, начатая в период борьбы с «безродными космополитами».

Предчувствуя серьёзные решения партийных органов и предвзято их суровую неизбежность, А. Фадеев, А. Сурков, К. Симонов написали «Записку» Правления Союза советских писателей в ЦК КПСС «О мерах Секретариата Союза писателей по освобождению писательских организаций от балласта» и направили её Н.С. Хрущёву. В «Записке» говорилось о 150 писателях, которые по разным причинам совершенно бесполезны Союзу писателей, но пользуются всеми привилегиями членов Союза писателей, они должны быть исключены из Союза: «Значительную часть этого балласта составляют лица еврейской национальности» (*Культура и власть от Сталина до Горбачёва. 1953—1957 / Документы. М., 2001. С. 32*). 24 марта 1953 года письмо было доставлено В.С. Кружкову, а в Отделе художественной литературы и искусства ЦК КПСС внимательно следили за настроением писателей, и в тот же день В.С. Кружков составил «Записку» о «неблагополучном» положении в ССП и реорганизации Правления ССП и отправил её секретарю ЦК КПСС тов. П.Н. Пospelову, в которой работа в Союзе писателей признана неудовлетворительной и жёстче звучали мысли о перестройке работы Правления Союза писателей СССР. Кроме известных поэм А. Твардовского, А. Недогонова и А. Кулешова, за последнее время не создано ни одного крупного поэтического произведения, пьесы схематичны, критика не отвечает своему призванию, ограничивается пересказом содержания тех или иных произведений, а все эти недостатки и просчёты объясняются тем, что Секретариат и Президиум плохо работают: «Работа Союза писателей сводится к текучке, к самотёку», «Секретариат ССП по существу является безответственным органом», Фадеев год был в творческой командировке, а год болел, другие руководители часто бывают в заграничных командировках, «то и дело передают друг другу обязанности по руководству Союзом писателей без всякой ответственности». В.С. Кружков предлагает реорганизовать работу Секретариата и Президиума, как это предлагалось на заседании Секретариата ЦК КПСС 23 декабря 1952 года.

Сложные интриги развернулись между членами Политбюро в борьбе за власть. В центре властной группировки стояли Маленков, Берия, Молотов. По-разному отнеслись к смерти Сталина его товарищи и коллеги. Хрущёв не входил в центр политического руководства, но все предчувствовали в нём силу и ловкость лидера. «Именно в это время Берия стремился сблизиться с Хрущёвым, завоевать его расположение, – вспоминал А. Аджубей. – Случалось, поздней осенью поджидал его на шоссе по дороге на дачу, чтобы побеседовать... Пассажиры первой машины беседовали. Мне оставалось разглядывать стволы берёз... По рассказам Хрущёва, в дни, когда мучительно умирал Сталин, Берия перестал сдерживать свои истинные чувства. Злобно ругал Сталина, никого не стесняясь, а когда тот на миг приходил в сознание, бросался к нему, целовал руки, лебезил. Едва наступил конец, Берия, не подойдя даже к плачущей дочери умершего, тут же умчался из Волынского, чтобы первым оповестить друзей и приспешников.

«Я сказал тогда Булганину, – говорил Никита Сергеевич, – как только Берия дорвётся до власти, он истребит всех нас, он всё начнёт по новому кругу...» (*Аджубей А. Те десять лет // Знамя. 1988. Июнь. № 6. С. 112*). Но Хрущёв опередил всех претендентов на власть, стал сначала первым секретарём партии, а потом и председателем Совета Министров СССР. А началось всё с того, что Маленков, как председатель Совета Министров СССР, отменил все льготы партийных руководителей («конверты», содержание которых в несколько раз превышало их зарплату, персональные машины, бесплатный отдых в санаториях и т. д.) и поднял в два-три раза заработную плату государственным чиновникам. Решением Маленкова партийные работники были понижены в статусе и не имели права вмешиваться в качестве решающего голоса в государственные дела. Это было, в сущности, решение Сталина, увидевшего, что партия коммунистов стала управлять государством, а это нарушало равновесие в стране, и он поручил Маленкову, как самому близкому соратнику, представить это решение обществу. Три месяца шла жестокая партийная борьба за возвращение льгот, многие партийные руководители обращались к Хрущёву, как секретарю ЦК КПСС, с просьбой отменить решение. Хрущёв обещал это сделать. На сентябрьском Пленуме ЦК КПСС 1953 года Хрущёва избрали первым секретарём ЦК КПСС, и льготы не только были восстановлены, но ещё и возросли, а главные партийные руководители стали во главе государства, Хрущёв стал к тому же и председателем Совета Министров СССР, то есть полновластным хозяином страны. Это была коренная ошибка ЦК КПСС, приведшая к новому культу личности, льготы не отменил и Брежнев, что привело к полному разложению партийных и государственных чиновников.

28 апреля 1953 года сотрудники Отдела науки и культуры ЦК КПСС А. Румянцев и П. Тарасов подготовили «Записку» об ошибках редакционной статьи «За боевую театральную критику!» в «Литературной газете» 23 апреля 1953 года. Документ был отправлен секретарю ЦК КПСС тов. П.Н. Поспелову, который 5 мая 1953 года оставил на «Записке» резолюцию: «Согласен». «При чтении статьи создаётся впечатление, – говорится в «Записке», – что в настоящее время невозможны вообще рецидивы космополитизма в театральной критике, что вопрос борьбы с подобными рецидивами снят сейчас с повестки дня. «Литературная газета», по существу, амнистирует грубые идейные ошибки критиков-космополитов, когда обращается с прямым призывом «занять место в авангарде нашей театральной критики» к таким театральным критикам, как Б. Алперс, С. Мокульский и др., в своё время раскритикованным в нашей печати за космополитизм и эстетство.

Следовало бы обратить внимание главного редактора «Литературной газеты» т. Симона на эту ошибку газеты» (*Культура и власть. С. 65*).

Смерть И.В. Сталина многих отрезвила, напомнила деятелям культуры об их ответственности перед государством и народом. Тогда же А.А. Фадеев вновь задумался о прожитом пути и своей руководящей деятельности в Союзе писателей СССР. О том, как он с увлечением работал над романом «Молодая гвардия», получил Сталинскую премию, сотни писем и десятки рецензий, статей и дружеских поздравлений с успехом, а потом состоялась беседа со Сталиным, в которой тот сказал много хорошего и указал на недостатки романа: слабо показана роль партии в подвиге молодогвардейцев. В «Правде» 3 декабря 1947 года появилась статья, которая многое перечёркивала в романе, многое необходимо было дописать, таково было требование партии, таково было требование И.В. Сталина. И он услужливо взялся исправлять роман, вновь искал факты, встречался с людьми, пережившими немецкую оккупацию... Фадеева тяготило раскаяние – он подписал немало писем о «враждебной троцкистской» деятельности многих писателей, расстрелянных или сосланных в лагерь, понимал: будет пересмотр многих дел, невинные восстанут и будут жаловаться на него, кроме того, его обвиняют в том, что Секретариат и Президиум не работают. И 23 мая 1953 года А. Фадеев написал личное письмо своему другу А.А. Суркову, заместителю генерального секретаря Союза советских писателей, чтобы он переслал его письмо о реорганизации Союза советских писателей в ЦК

КПСС, лично в ЦК он не может обратиться по сложному и противоречивому состоянию своей души. А. Сурков, сохраняя в тайне это письмо, лично его перепечатал, «а машинистка я не очень квалифицированная», и послал П.Н. Поспелову. В письме А. Фадеева говорилось о том, что он «болен психически», совершенно «неработоспособен», но он видит, в каком трагическом положении оказались чуть ли не все писатели, которые чаще всего занимаются общественными делами, а не писательскими, творческими. Нужно освободить писателей «на четыре пятых» от «бремени руководства», «чтобы их творческая работа, их собственная работа над собственными произведениями стала их главной деятельностью». Корнейчук, Симонов, Погодин, Лавренёв, Леонов, Ромашов, Софронов, Суров, Арбузов, Якобсон – «все эти люди, за некоторыми исключениями, работают над пьесами урывками, никто не успевает доработать свои пьесы до необходимого уровня, все пишут либо торопливо, либо вообще слишком мало пишут, либо уж вовсе не пишут, как Леонов, а без их высокого примера талантливую молодёжь воспитать невозможно»: «Какая может быть поэзия, если такие поэты, как Твардовский, Симонов, Тихонов, Бажан, Самед Вургун, Грибачёв, Исаковский, Кулешов, Венцлова, Сурков, Рыльский, Щипачёв и некоторые другие, работают не на все тысячи и тысячи отпущенных им Господом Богом поэтических сил, а на две собачьи силы, которые удаётся высвободить из-под бремени так называемых «общественных нагрузок»... Проза художественная пала так низко, как никогда за время существования советской власти. Растут невыносимо пухлые, скучные до того, что скулы набок сворачивает, романы. Написанные без души, без мысли, а в это время те два-три десятка отличнейших прозаиков, которые одни только и могут дать сегодня хотя бы относительные образцы прозы, занимаются всем, чем угодно, кроме художественной прозы. Стоит появиться хотя бы одному новому со свежим пером честному прозаику, вроде Кочетова в Ленинграде, появиться с первым свежим, чистым произведением, как этого талантливого человека, к тому же больного туберкулёзом, по уши завалили так называемыми «общественными нагрузками», и человек уже начинает гибнуть на наших глазах как писатель, а ведь ему столько нужно ещё учиться!» (Там же. С. 91—92). А за всем этим глубоким и точным анализом современной литературы, к которой ничего не надо добавлять, одна просьба: освободите меня от нагрузки, дайте мне отпуск для завершения работы над романом «Чёрная металлургия».

29 мая 1953 года А.А. Сурков, К.М. Симонов и Н.С. Тихонов направили секретарю ЦК КПСС Н.С. Хрущёву письмо, в котором выразили несогласие с позицией А.А. Фадеева по вопросам реорганизации Союза советских писателей, с «неверной панической оценкой состояния литературы и неполадок в руководстве ею»; для Секретариата Союза писателей совершенно ясно, что это можно объяснить лишь «болезненным состоянием» А.А. Фадеева.

А.А. Сурков, К.М. Симонов и Н.С. Тихонов предложили предоставить А.А. Фадееву отпуск для завершения романа, собрать два пленума ССП СССР и начать работу по подготовке II Всесоюзного съезда советских писателей.

Одновременно с этим А.А. Сурков направил письмо секретарю ЦК КПСС П.Н. Поспелову с предложением утвердить в числе секретарей Союза СП СССР Н.С. Тихонова, Б.Н. Полевого, М.Б. Храпченко, К.М. Симонова, а главным редактором «Литературной газеты» назначить Б.С. Рюрикова.

30 мая 1953 года секретарь ЦК КПСС П.Н. Поспелов передал «Записку» о реорганизации Союза советских писателей Н.С. Хрущёву, полностью соглашаясь с предложениями А.А. Суркова и утвердив его в должности первого секретаря Союза писателей, а также утвердив в должности освобождённых секретарей К. Симонова, Н. Грибачёва, Н. Тихонова, В. Озерова. Поспелов предложил освободить А. Суркова от обязанностей главного редактора журнала «Огонёк», назначив на это место А. Софронова, освободить К. Симонова от должности главного редактора «Литературной газеты», назначив на его место Б. Рюрикова.

Хрущёв ознакомился с «Запиской» Пospelова, дал её прочитать вместе с письмами А. Фадеева и А. Суркова секретарям ЦК и обсудил очередные вопросы работы Союза писателей на Президиуме ЦК КПСС.

Всё чаще стали появляться докладные записки А.А. Фадеева в ЦК КПСС о том, что литературное дело одолевают бюрократические извращения, о том, что в работе с писателями надо думать о внимании к творческой индивидуальности, «о просторе мысли и фантазии в художественном творчестве» (Там же. С. 157).

Однако предложения Союза писателей СССР о пленумах, о II съезде Союза писателей, о руководстве – все эти вопросы были уже обсуждены, решения приняты на заседании Президиума ЦК КПСС. А письма А.А. Фадеева всё ещё беспокоили руководящих работников партии. 24 декабря 1953 года секретарю ЦК КПСС Н.С. Хрущёву была отправлена «Записка Отдела науки и культуры ЦК КПСС о предложениях А.А. Фадеева по изменению системы руководства искусством и литературой»:

«Писатель А. Фадеев в ряде писем в Президиум ЦК КПСС выражает неудовлетворённость общим состоянием советского искусства и литературы и приходит к выводу о том, что эти области идеологической работы переживают серьёзное отставание и застой.

Причины этого он видит якобы в неправильной системе руководства искусством и литературой со стороны государственных органов и вносит несколько предложений. Существование предложений т. Фадеева сводится к тому, чтобы изъять идейно-творческое руководство из ведения Министерства культуры СССР и передать эти функции непосредственно партийным органам, которые бы опирались при решении данных вопросов на творческие союзы.

Отдел науки и культуры ЦК КПСС считает неверной общую пессимистическую оценку, которую даёт советскому искусству и литературе в своих письмах т. Фадеев. Такой взгляд можно объяснить продолжительной оторванностью т. Фадеева от жизни творческих организаций и его болезненным состоянием...» Но сотрудники ЦК КПСС не увидели в письмах А.А. Фадеева главного – его боли от номенклатурного руководства литературой и искусством, когда движение литературы и искусства теряет свою самостоятельность и индивидуальность и превращается в незыблемое детище партийного руководства, теряется искренность, правдивость, писатели и деятели искусства превращаются в нечто вроде «клоунов» под пристальным взглядом «режиссёров» от ЦК.

В это время у М.А. Шолохова возникли трудности с публикацией романа «Они сражались за Родину». Несколько глав романа напечатали в 1949 году, а потом дело застопорилось, уговорили дописать сначала вторую книгу романа «Поднятая целина». Шолохов всё лето 1953 года с увлечением писал вторую книгу, осенью послал несколько глав романа в газету «Правда» с просьбой напечатать, главы тут же, в ноябре 1953 года, переслали Н.С. Хрущёву. 3 января 1954 года М.А. Шолохов передал 126 страниц романа главному редактору газеты «Правда» Д.Т. Шепилову с просьбой напечатать в газете. Редактор подсчитал – нужно 14 газетных подвалов. 4 января 1954 года Д.Т. Шепилов писал Н.С. Хрущёву:

«За эти дни я имел несколько бесед с Шолоховым. Он настойчиво просит опубликовать в «Правде» весь присланный им отрывок романа. Со своей стороны считаю опубликование всего указанного текста в «Правде» нецелесообразным.

В настоящее время Партия и Правительство рядом крупных мер поднимают роль и значение руководителей колхозов – вожаков социалистического труда. Одна из задач художественной литературы состоит в том, чтобы создать вокруг передовых деятелей колхозного строя ореол славы, почёта и уважения. Между тем в представленных главах романа Шолохова председатель колхоза Давыдов (впрочем, как и секретарь ячейки) на протяжении всех 126 страниц пока ни одной минуты не работает. Он то томится любовной страстью к Лушке, то выслушивает всякие уголовные романы, то размышляет о влюбившейся в него Варьке. И на полевую бригаду он выезжает не для дела, а под давлением томящих его чувств.

Многие части с точки зрения художественной формы сделаны хорошо. Но вместе с тем представленные главы густо насыщены натуралистическими сценами и даже явно эротическими моментами (курсив мой. – В. П.). В силу этого данный отрывок романа Шолохова, с моей точки зрения, для публикации в «Правде» не подходит. Целесообразнее обнародовать его в одном из наших литературно-художественных журналов... М. Шолохов не согласен печатать лишь часть текста и по-прежнему ставит вопрос так: либо печатать в «Правде» весь представленный отрывок (14 подвалов), либо не печатать ничего».

Н.С. Хрущёв написал резолюцию: «Согласен с предложением т. Шепилова. Разослать секретарям ЦК. Н. Хрущёв. 06.01.1954». «Беседовал с т. М. Шолоховым. М. Суслов. 19.01.1954». 9 марта 1954 года глава из романа была опубликована в «Литературной газете». Это была своего рода высокая цензура: видимо, эти 126 страниц романа, так и не увидевшие свет ко II Всесоюзному съезду советских писателей, были опубликованы в «Огоньке», а затем отредактированы и опубликованы в «Правде» лишь 12—17 апреля 1957 года, затем 25 мая, 31 августа, 3 сентября, 7 и 31 декабря 1958 года (*Культура и власть*. С. 193—194). Это было первое вторжение в рукопись М. Шолохова.

1954 год был периодом острой партийной борьбы против Г.М. Маленкова за абсолютную власть Н.С. Хрущёва в партии и государстве, забота о романе М.А. Шолохова казалась мелочью, отвлекающей от главной цели. В самое ближайшее время нашлось столько явных «ошибок» Г.М. Маленкова, что он сам попросил отставки с поста председателя Совета Министров СССР.

Д.Т. Шепилов в своих воспоминаниях дал яркую картину того, как Н.С. Хрущёв в начале своего правления подбирал кадры:

«Сделавшись Первым секретарём ЦК, Н. Хрущёв начал планомерно осуществлять гигантскую перестановку кадров в стране: от секретарей ЦК и союзных министров до секретарей обкомов и горкомов, председателей исполкомов и хозяйственных органов.

Хрущёв без особого стеснения говорил, что нужно убрать «маленковских людей» и всюду расставить «свои кадры». Состав выдвигаемых новых работников был очень пёстрый. Часто совершенно случайные и ничем не примечательные люди вдруг по воле и прихоти Хрущёва назначались на сверхответственные посты. Иногда здесь происходили вещи поразительные. Но как только Хрущёв укрепил своё положение, он получил возможность учинять такие вещи беспрепятственно. И он широко использовал это в своих честолюбивых целях» (*Шепилов Д. Непримкнувший. М., 2001. С. 297*). Выдвигал он тех, кто курил ему фимиам, а всех талантливых генералов и маршалов, героев Великой Отечественной войны, «изгнал из Вооружённых сил или фактически превратил в «свадебных генералов» (Там же. С. 299).

И это существенно отразилось на идеологической обстановке, на литературе и искусстве.

Вряд ли кто из писателей накануне II съезда писателей Советского Союза не читал острую статью Владимира Померанцева «Об искренности в литературе», опубликованную А. Твардовским в журнале «Новый мир» (1953. № 12). Знали и о том, что материал по рекомендации высоких органов сняли из шестого номера, автор кое-что поправил, но суть осталась. И статью с жадностью читали все образованные читатели. Речь шла о наболевшем, но были и оплошности, торопливые высказывания. Статья обсуждалась везде – в журналах, газетах, на кафедрах, в Союзе писателей, в библиотеках, её одобряли, но отдельные положения и критиковали. Статья разбудила свободолобивый дух писателей, режиссёров, художников, музыкантов, напомнила художникам о необходимости искренности в искусстве, о правде и непосредственности, то есть о том, что всегда было движущей силой русского и мирового искусства.

Но почти сразу появилась статья В. Василевского «С неверных позиций» (Литературная газета. 1954. 30 января), в которой говорилось, что талант и искренность – это хорошо, но главное – «идейно-художественное качество». На статью В. Померанцева началась подлинная атака, достаточно посмотреть «Комсомольскую правду» (1954. 6 июня), обсуждение «Нового

мира» в августе 1954 года и целый ряд других негативных статей о В. Померанцеве. Накануне II съезда Союза писателей СССР появились статьи А. Суркова «Под знаменем социалистического реализма» (Правда. 1954. 25 мая) и В. Ермилова «За социалистический реализм» (Там же. 3 июня), в которых подверглись осторожной критике не только статья В. Померанцева, но и недостатки работы Ф. Панфёрова, Б. Пастернака, Л. Зорина. В августе 1954 года при обсуждении работы «Нового мира» А. Твардовский был снят с поста главного редактора, а отдел критики назван «болотом нигилизма и мещанства». Главным редактором вновь стал К. Симонов, выступивший с программной статьёй «О дискуссионном и недискуссионном» (Знамя. 1954. № 7). Главная мысль этой статьи – искренность нужна, но только на основе коммунистической партийности. Привлекла внимание общественности и честная статья В. Овечкина «Поговорим о насущных нуждах литературы» (Литературная газета. 1954. 31 июля). В «Литературной газете» появился отдел «Чего мы ждём от съезда».

После смерти И.В. Сталина во всех сферах жизни началось оживление надежд и упований. Но в спорах и дискуссиях свобода была до тех пор, пока в эти дискуссии не вмешивалась руководящая рука ЦК КПСС.

8 февраля 1954 года Отдел науки и культуры ЦК КПСС направил секретарю ЦК КПСС П.Н. Поспелову записку о «нездоровых» настроениях среди художественной интеллигенции, в которой, в частности, говорилось о стремлении художников к свободе творчества, к «свободе направлений», к пересмотру постановлений партии о музыке оперы «Великая дружба», в частности, упоминался композитор Хачатурян, который в журнале «Советская музыка» (1953. № 11) «ратует за «свободу творчества», выступая против «руководящих указаний» в области искусства». Записка утверждала:

«Чуждые социалистическому реализму тенденции проявляются и в некоторых выступлениях в печати. Так, в журнале «Новый мир» № 12 за 1953 год опубликована статья В. Померанцева «Об искренности в литературе». В этой статье проповедуется откровенный субъективизм в творчестве и в оценке литературных произведений. Вместо идейно-художественных достоинств в качестве критерия оценки выдвигается понятие «искренности».

Под «искренностью» Померанцев понимает способность «смело» говорить «правду». Как должна выглядеть эта «смелая правда», показывают многочисленные примеры отрицательных явлений нашей жизни, приведённые автором в статье. Объективный смысл рассуждений автора и состоит в призыве к обывательскому смакованию отдельных отрицательных фактов, в желании навязать литературе бесперспективность. Всё это даётся под флагом борьбы с лакировкой, причём термин «лакировка» применяется как клеймо, чтобы замазать почти все наиболее значительные произведения нашей послевоенной литературы. В соответствии со своей порочной концепцией Померанцев только скороговоркой говорит как о чём-то само собою разумеющемся и надоевшем – об идейности литературы, по существу стараясь смазать этот фактор её воспитательного воздействия. Показательно, что статья Померанцева всячески рекламируется и провозглашается «новым знаменем литературы» в некоторых литературных и околослитературных кругах» (*Культура и власть*. С. 198–200).

В марте 1954 года Борис Полевой в письме П.Н. Поспелову докладывает о вредных идеологических настроениях в литературных кругах, которые не получили серьёзной критики «в нашей большой печати»: «Вслед за позорной статьёй А. Гурвича, напечатанной в своё время в «Новом мире», в этом же журнале одна за другой были опубликованы уже совершенно похабные статьи «Об искренности в литературе» В. Померанцева и «Дневник» Мариэтты Шагинян» М. Лившица (Новый мир. 1954. № 2). «Вопросы философии» (1953. № 6) опубликовали в середине прошлого года статью Галины Николаевой «О специфике художественной литературы», и, наконец, в «Знамени» была опубликована статья Ильи Эренбурга (Знамя. 1954. № 10), которую, конечно, я не сравниваю с уже приведёнными, но содержащая ряд ошибочных положений в том же роде. Авторы этих статей – вольно или невольно – повторяли в них всё то, что в тече-

ние послевоенного времени говорили и писали о советской литературе за рубежом её самые злобные враги... Выход этих статей совпал у нас с появлением низкопробных по своей форме и чуждых по своей сущности комедий, вроде «Гибель Помпеева», «Раки» С. Михалкова, в которых выведены галереи уродов и нет ни одного хоть сколько-нибудь светлого пятна» (Там же. С. 206–207).

Б. Полевой к этому письму приложил ещё записку В. Ажаева, отчёт Е. Долматовского и письмо М. Шагинян о поездках за рубеж и отношении западных журналистов и писателей к тому, что происходит в Советском Союзе: в этих документах резко осуждаются и «злоупытательская» статья Померанцева, и ошибочные высказывания Эренбурга и Померанцева, о Галине Николаевой сказано: наивна в своей борьбе против редакторов, а главное, в её высказываниях заметно высокомерие «и непристойное для советского писателя самомнение». Тот же Отдел науки и культуры ЦК КПСС 24 марта 1954 года отметил, что в «Комсомольской правде» (1954. 17 марта) было напечатано письмо студентов и аспирантов Московского университета С. Бочарова, В. Зайцева и др. «Замалчивая острые вопросы» в защиту статьи В. Померанцева, в которой, несмотря на серьёзные ошибки, высказаны острые вопросы и плодотворные для развития нашей литературы мысли. «Такая общая оценка идейно-порочной статьи В. Померанцева, – говорится в записке Отдела науки и культуры, – данная на страницах «Комсомольской правды», дезориентирует молодёжь – читателей газеты» (Там же. С. 211).

В сентябре 1953 года состоялся Пленум ЦК КПСС «О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР», а посему ответственным работникам Отдела науки и культуры казалось, что с октября 1953 по май 1954 года шесть художественных произведений, посвящённых колхозной деревне, – это чрезвычайно мало. Готовя записку для секретаря ЦК КПСС П.Н. Пospelова, который должен был встретиться для разговора с редколлегией «Нового мира», сотрудники ЦК КПСС назвали пьесу В. Овечкина и Г. Фиша «Народный академик», очерки В. Тендрякова «Падение Ивана Чупрова» и «Ненастье», очерк В. Овечкина «В том же районе» и два рассказа Г. Троепольского – «Один день» и «Соседи».

П.Н. Пospelов выслушал отчёт редколлегии «Нового мира» и высказал ряд критических замечаний в духе подготовленной Отделом науки и культуры записки.

В это время «Новый мир» опубликовал статью Фёдора Абрамова «Люди колхозной деревни в послевоенной прозе. Литературные заметки», в которой автор обстоятельно и объективно проанализировал такие произведения о деревне, как «Кавалер Золотой Звезды» и «Свет над землёй» С. Бабаевского, «От всего сердца» Е. Мальцева, «Жатва» Г. Николаевой, «Марья» Г. Медынского и многие другие, где действовали волевые и целеустремлённые люди. Авторы этих произведений «не только показывали сегодняшний день колхозов, но и пытались раскрыть день завтрашний» (1954. № 4. С. 211). И это привело писателей к серьёзным заблуждениям: «К сожалению, жизнь послевоенной колхозной деревни в ряде случаев изображалась в художественной литературе односторонне и в приукрашенном виде» (Там же. С. 212), «Может показаться, будто авторы соревнуются между собой – кто легче и бездоказательнее изобразит переход колхоза от неполного благополучия к полному процветанию» (Там же. С. 213), «Не жалеет розовой воды и Г. Николаева», «В откровенно «пейзанском» стиле написан конец романа», «В духе пастушеской идиллии Г. Николаева обряжает...» (Там же. С. 213), «Духовная жизнь героев в таких произведениях имеет отпечаток явной условности» (Там же. С. 214). Подробно Фёдор Абрамов анализирует романы С. Бабаевского, который исходя из самых благородных побуждений нарисовал картину колхозной жизни в приукрашенных тонах. Отмечая появление в русской литературе таких правдивых произведений, как книги Овечкина, Калинина, Троепольского, Тендрякова, Ф. Абрамов резко критикует Т. Трифонову и А. Макарова за расхваливание слабых и неправдивых произведений о жизни деревни: «пейзанские» эпизоды в романах они считают глубокими и правдивыми. «Разумеется, в недостатках романов виновны прежде всего авторы: излишняя уступчивость напористым, но ошибочным советам никогда

не была писательской добродетелью и признаком силы! Но надо отдать и должное критикам, толкающим писателей на ложный путь» (Там же. С. 231). «Только правда – прямая и нелिцеприятная» приведёт писателей-художников к успеху.

10 июня 1954 года, после отчёта «Нового мира» у П. Пospelова, главный редактор «Нового мира» А.Т. Твардовский написал письмо «В Президиум ЦК КПСС»:

«На днях члены редколлегии журнала «Новый мир», коммунисты, были вызваны тов. П.Н. Пospelовым. Предметом беседы были два вопроса: работа критико-библиографического отдела журнала и рукопись новой поэмы А. Твардовского «Тёркин на том свете».

Поскольку тов. П.Н. Пospelов сказал, что эти вопросы будут окончательно рассмотрены Президиумом ЦК, считаю необходимым довести до сведения членов Президиума следующее.

Статьи и рецензии «Нового мира», занявшие внимание литературной общественности и читателей в последнее полугодие (В. Померанцева – «Об искренности в литературе», М. Лифшица – о «Дневнике» Мариэтты Шагинян, Ф. Абрамова – о послевоенной прозе, посвящённой колхозной тематике, М. Щеглова – о «Русском лесе» Л. Леонова), что я и старался разъяснить у П.Н. Пospelова, нельзя рассматривать как некую «линию» «Нового мира», притом вредную. Никакой особой «линии» у «Нового мира», кроме стремления работать в духе известных указаний партии по вопросам литературы, нет и быть не может. Указания партии о необходимости развёртывания смелой критики наших недостатков, в том числе и недостатков литературы, обязывали и обязывают редакцию в меру своих сил и понимания честно и добросовестно выполнять их...» А. Твардовский согласился, что статья В. Померанцева принесла «больше вреда, чем пользы», но только потому, что вокруг этой статьи поднялась «шумиха». Двухдневная беседа редколлегии с П.Н. Пospelовым, по мнению А. Твардовского, носила «проработочный» характер, «были предъявлены грозные обвинения», «а наши возражения и разъяснения по существу дела звучали всуе»: «Не согласен немедленно признать себя виновным – значит, ты ведёшь себя не по-партийному, значит, будешь наказан». Большое внимание А. Твардовский уделил своей поэме «Тёркин на том свете», которую он прочитал в «Новом мире» 3 мая 1954 года и которую П.Н. Пospelов оценил как «вещь клеветническую», как «пасквиль на советскую действительность» (издана лишь в 1963 году. – В. П.). «Не входя в оценку литературных достоинств и недостатков моей новой вещи, – писал А. Твардовский, – я должен сказать, что решительно не согласен с характеристикой её идейно-политической сущности, данной тов. П.Н. Пospelовым. Пафос этой работы, построенной на давно задуманном мною сюжете (Тёркин попадает на «тот свет» и как носитель неумирающего, жизненного начала, присущего советскому народу, выбирается оттуда) в победительном, жизнеутверждающем осмеянии «всяческой мертвечины», уродливостей бюрократизма, формализма, казённости и рутины, мешающих нам, затрудняющих наше победное продвижение вперёд. Этой задачей я был одушевлён в работе над поэмой и надеюсь, что в какой-то мере мне удалось её выполнить. Избранная мною форма условного сгущения, концентрации черт бюрократизма правомерна, и великие сатирики, чьему опыту я не мог не следовать, всегда пользовались средствами преувеличения, даже карикатуры, для выявления наиболее характерных черт обличаемого и высмеиваемого предмета. Я с готовностью допускаю, что, может быть, мне не всё удалось в поэме, может быть, какие-то её стороны нуждаются в уточнении, доведении до большей определённости, отчётливости. Допускаю даже, что отдельные строфы или строки, может быть, звучат неверно и противоречат общему замыслу вещи. Но я глубоко убеждён, что, будучи доработана мною с учётом всех возможных замечаний, она бы принесла пользу советскому народу и государству» (*Культура и власть*. С. 225–226).

Одновременно с этими московскими событиями проходили заседания партийной организации и общего собрания Ленинградского отделения ССП СССР с вопросом «О задачах писательской организации в связи с подготовкой ко Второму съезду советских писателей».

С докладом на этих собраниях выступил главный редактор журнала «Звезда» В. Друзин, напомнивший о незыблемых качествах советской литературы, о вульгаризаторах, которые пытаются пересмотреть ленинский принцип большевистской партийности, о встрече Зощенко и Ахматовой с английскими студентами, о вредном направлении критического отдела журнала «Новый мир», о слабых пьесах Л. Зорина, А. Мариенгофа, Ю. Яновского, о вредной повести «Оттепель» талантливого публициста И. Эренбурга, о безмерно расхваливаемом романе В. Пановой «Времена года». Мнения ленинградских писателей разделились, В. Кетлинская, Л. Плоткин и К. Косцинский резко возражали против некоторых оценок В. Друзина и В. Кочетова, взяли под защиту роман В. Пановой, пьесу Л. Зорина, выступили против «проработочных» суждений докладчика и некоторых выступлений. М. Зощенко выступил против газеты «Ленинградская правда», в которой только что назвали его «воинствующим проповедником безыдейности». Он не скрывал своего отношения к постановлению Центрального Комитета, он написал письмо Сталину, в котором изложил свою творческую позицию, он не трус, он дважды воевал на фронте, имеет пять боевых орденов в войне с немцами и был добровольцем в Красной армии, во время войны работал в Радиокомитете, вместе со Шварцем написал антифашистское обращение, он никогда не был антипатриотом своей страны. «Сатирик должен быть морально чистым человеком, – сказал в заключение М.М. Зощенко, – а я унижен, как последний сукин сын! Как я могу работать?.. У меня ничего нет в дальнейшем! Я не стану ни о чём просить! Не надо вашего снисхождения, ни вашего Друзина. Ни вашей брани и криков! Я больше чем устал! Я приму любую иную судьбу, чем ту, которую имею!»

В. Кетлинская отметила, что в ленинградской организации есть «нездоровые настроения», есть слухи, волнения, ссоры и раздоры, «секретариат вот уже три недели не собирается, а ведь сейчас, в предсъездовский период, как нужно было налаживать подготовительную работу к съезду! Не собираются потому, что там все перессорились между собой и не разговаривают» (Там же. С. 228—246).

В июне 1954 года писатель С.П. Злобин написал письмо Н.С. Хрущёву, изложив то, что его тревожило и волновало: сегодняшние руководители Союза писателей переродились в типичных бюрократов, редко собираются и редко обсуждают злободневные вопросы писательской жизни, при выдвижении книг на соискание Сталинских премий А.А. Сурков даёт «шпаргалку»-список своих знакомых, а если с ним не соглашаешься, то это решение у него вызывает раздражение. Далее Злобин обрушивается на Н. Грибачёва, М. Бубеннова, обвиняет драматурга Сурова в плагиате. Обвиняет Секретариат ССП в том, что роман Леонида Леонова выдвинут на соискание Сталинской премии, а Евгения Книпович в «Литературной газете» в статье «В защиту жизни» (1954. 25 февраля) просто уничтожает роман, но никто из секретарей на обсуждении романа не присутствовал. Большинство писателей относятся к нему отрицательно. На трёх собраниях обсуждали статью В. Померанцева «Об искренности в литературе», «А. Сурков ведёт (якобы идейные) наскоки на редактора «Нового мира» А. Твардовского, обвиняя его в идейной слепоте и политической беспомощности», однако «это не принципиальная борьба, а склочническая драка Суркова против Твардовского». Есть послушные критики, Л. Скорино, Е. Сурков, М. Шкерин, которые занимаются «декларативным «клеимением». «Лицемерить и лгать больше нельзя, – писал С. Злобин. – Партия, жизнь всей нашей страны, интересы советских людей требуют от нас правды, а руководство Союза советских писателей создаёт атмосферу, когда в кулуарах писатели говорят одно, а публично вынуждены говорить другое под угрозой получить от Суркова с его друзьями клеймо на лоб» (*Культура* и власть. С. 256).

Все эти документы свидетельствовали лишь о полном разброде в писательском обществе накануне II съезда писателей СССР, о взаимных претензиях, о ссорах, о нажиме одних и о сопротивлении других, о групповщине, которая казалась совершенно непреодолимой. А наверху, в ЦК КПСС, происходили ещё более серьёзные события – там шла ожесточённая

борьба за власть. В случившейся атмосфере взаимного недоверия посыпались нападки на писателей. В. Кетлинская была осуждена только за то, что настаивала на том, чтобы не рабски принимать то или иное партийное постановление; сначала при осуждении В. Кетлинской восемь человек воздержались, но при «переголосовании» пункт резолюции собрания, осуждающий поведение В. Кетлинской, был принят единогласно». Такова была партийная дисциплина в писательском союзе Ленинграда. И каждый писатель думал не о свободе творчества, а лишь о возможности угодить партийным органам, работники которых чаще всего слабо разбирались в том, как писатели должны отражать жизнь, знали лишь, что литераторы должны следовать принципам социалистического реализма, а эти «принципы» уводили от правды и искренности в литературе.

16 июля 1954 года А.Т. Твардовский написал письмо Н.С. Хрущёву:

«Глубокоуважаемый Никита Сергеевич!

Очень прошу Вас принять меня по вопросам, связанным с обсуждением работы журнала «Новый мир» и моей неопубликованной поэмы...

Не откажите мне хотя бы в самой короткой беседе, поскольку речь идёт не только о моей личной литературной судьбе, но и общих принципиальных делах советской литературы. А. Твардовский».

23 июля 1954 года состоялось новое обсуждение работы «Нового мира» на заседании Секретариата ЦК КПСС, в этот же день выступал и Н.С. Хрущёв, было принято постановление Секретариата, на котором есть жёсткое решение партии о том, что на страницах «Нового мира» неудовлетворительно показана жизнь современной советской деревни, «редколлегия не проявляет должной требовательности к их качеству». Секретариат ЦК КПСС принял решение «Об ошибках журнала «Новый мир», хотя в литературном сообществе распространяли слухи о том, что Секретариат ни к какому решению не пришёл.

Н.С. Хрущёв принял А.Т. Твардовского в начале августа 1954 года, но ничего не решил.

10 августа 1954 года состоялось заседание партийной группы Правления СП СССР, на котором выступил секретарь партийной группы Правления А.А. Сурков и зачитал постановление Секретариата, прокомментировав, что это постановление весьма своевременное, некоторые журналы превратились в вотчины главных редакторов, Твардовского, Панфёрова и других, что пора товарищеской критикой помочь названным журналам стать по-настоящему партийными и выражать правду жизни.

Первым выступил А. Твардовский и полностью признал постановления Секретариата, отверг свои прежние возражения против критики, которые отстаивал и после заседания Секретариата: «Я при этом не лукавлю, как не лукавил и тогда, когда отстаивал свои убеждения, я говорю об этом прямо и честно. Не могу уверить Вас в том, что во мне произошёл мгновенный перелом, что я всё понял, но я постараюсь всё понять и сделать нужные выводы. Согласен также и с тем, что не могу быть редактором. Я переоценил свои возможности как редактор журнала». Далее заместитель заведующего Отделом науки и культуры ЦК КПСС П. Тарасов записал в своей информации: «Признавая справедливость решения ЦК в отношении журнала «Новый мир», т. Твардовский не дал политической оценки своей порочной поэме «Тёркин на том свете». Он заявил, что ему гораздо труднее осмыслить пункт решения о поэме. «Я не оспариваю решения ЦК. Раз об этом говорит ЦК – я обязан принять его оценку моей работы... (курсив мой. – В. П.). Но вы должны понять меня по-человечески. Каждое новое произведение – этап в жизни писателя. Нужно время, чтобы всё осмыслить, подумать пером... Моё авторское отношение к этой вещи остаётся отношением родителя к своему детищу. Хотя для общества оно кажется ублюдком, а у родителя к нему сохраняется ещё и другое, родительское отношение».

Далее т. Твардовский сказал, что он признаёт, что с поэмой у него произошёл просчёт. «Но я всё же думаю (и об этом я говорил Никите Сергеевичу Хрущёву), что доведу поэму до такой степени, что она будет полезна партии и стране» (*Культура и власть*. С. 292—293).

В. Кожевников, говоря о большом ущербе, который нанёс журнал «Новый мир» своими статьями о советской литературе, с удовлетворением подчеркнул, что писатели, показывавшие в своих романах «становление разорённых войной колхозов, отреклись от написанного, словно не обратив внимания на то, что тем самым прокладывали путь бесконфликтным сочинениям. Резко критиковали Твардовского за то, что свою вредную поэму называет своим детищем. Надо вспомнить при этом Гоголя и «Тараса Бульбу», когда отец убил своего сына.

Во время писательских собраний в Москве и Ленинграде резко критиковали Николая Грибачёва и Всеволода Кочетова.

В 1954 году Отдел науки и культуры резко критиковал статью М. Андреева «Киноискусство и воспитание молодежи» (*Искусство кино*. 1954. № 6) за появление романтических фильмов «Тарзан» и «Королевские пираты», «безыдейных, неправдоподобных», но острых и волнующих своими приключениями; остро критиковал статью ответственного секретаря правления Московского союза советских художников А. Гиневского «О большом искусстве жизненной правды» в газете «Вечерняя Москва» за односторонность позиции; отказал в проведении вечера памяти народного артиста СССР С.М. Михоэлса, посвящённого 65-летию со дня его рождения, а изучение его архивных документов поручил Министерству культуры СССР; с согласия П. Пospelова и М. Суслова принято решение признать нецелесообразным присвоение художнику М.С. Сарьяну звания народного художника СССР... Отделами науки и культуры, пропаганды и агитации, Секретариатом ЦК КПСС было принято много других серьёзных решений и указаний, которые учитывались или подспудно отвергались в конкретной работе сотрудниками редакций, театров и т. п. А чуть что, сразу появлялись «проработочные» статьи и рецензии, дававшие понять, что нужно делать в этом направлении.

Накануне II съезда Союза писателей СССР в лекционном зале МГУ имени М.В. Ломоносова на Ленинских горах состоялось обсуждение романа «Искатели» Д. Гранина. Докладчиками выступили студент пятого курса В. Лакшин и аспирант филологического факультета В. Петелин. В. Лакшин почти ничего не добавил к тому хору хвалебных рецензий, которые были напечатаны в то время, а В. Петелин резко говорил о канцелярском языке и шаблонах романа, мимо которых спокойно проходили критики.

Вслед за повестью «С фронтовым приветом» (1945) Валентин Владимирович Овечкин, человек смелый и бескомпромиссный, выпустил книгу очерков «Районные будни» (1952—1956), в которой с беспощадной остротой рассказал о неотложных проблемах в русской деревне, выявил серьёзные ошибки в руководстве колхозной жизнью, в руководстве районных комитетов партии и их взаимоотношениях с деревней. Один за другим выходили очерки о деревне: «На переднем крае», «В том же районе», «Своими руками», «Трудная весна», в которых самым ценным являются широкие обобщения насущных проблем и смелость в найденных им образах сельских тружеников и их руководителей. В одних Овечкин видел чиновников-бюрократов, в других подлинных борцов за настоящее и будущее, столкновение между ними – борьба за настоящее в истинном свете и за будущие успехи.

Очерки В. Овечкина были направлены против лакировки существующих конфликтов, против парадности представления о тогдашней жизни, полной остроты и драматизма.

Чуть ли не впервые в русской послевоенной литературе столкнулись два противоположных по своим устремлениям характера партийных руководителей Борзова и Мартынова. Борзов предстаёт как типичный самолюбец, добившийся влияния в обществе, которое от него зависит. Он многое может сделать для человека в районном масштабе, но, чтобы этого добиться, просителю надо многое преодолеть. У Борзова безупречная биография, но он бездушный бюрократ, формалист, карьера для него многое значит. Мартынов доверчив к людям,

воспринимает каждую новую идею с восторгом и готов помочь её воплотить. В остром столкновении этих двух характеров и развиваются события в районе и в колхозах.

Обратил внимание читателей и критиков роман «Плавучая станица» (1950) Виталия Закруткина, получивший Сталинскую премию третьей степени. Искренняя и честная книга Виталия Закруткина страдала многими недостатками своего времени, и прежде всего отсутствием драматических конфликтов, которые раздирали послевоенную действительность, сталкивали людей разных устремлений, а в романе происходили уж слишком умеренные столкновения, которые быстро решались в ходе развития сюжета.

Привычным облегчённым развитием сюжета и характеров отличается и популярный в своё время роман «Жатва» (1950) Галины Евгеньевны Николаевой (наст. фам. Волянская), получивший Сталинскую премию первой степени. В центре романа – три фигуры: фронтовик Василий Бортников, до войны – тракторист колхоза «Первомайский», его жена Авдотья и механик колхоза Степан Мохов, которые сталкиваются в любовном и, казалось бы, неразрешимом конфликте. Но господствовавшая тогда теория социалистического реализма подсказала Г. Николаевой бесконфликтный путь разрешения и личных и деловых отношений: производственный конфликт, когда отстающий колхоз, где председателем стал положительный герой Василий Бортников, вдруг превращается в процветающий, чему немало удивляется и сам председатель. Сейчас и удивляться этому нечего: как могла военный врач в годы войны, журналистка в послевоенное время постичь трагические конфликты колхозной жизни, когда колхозники, издёрганные военными трудностями, в сущности, за свой ударный труд почти ничего не получали. Но это полезное произведение в идеологической политике Сталина, а раз полезное – потому и Сталинская премия.

В это время вышли романы «Первые радости» (1945) и «Необыкновенное лето» (1948, Сталинская премия первой степени за оба романа) К. Федина, «Повесть о детстве» (1949), «Вольница» (1950, Сталинская премия первой степени) Ф. Гладкова, «Русский лес» Л. Леонova (1953), «Журбины» (1950) Вс. Кочетова, «Живая вода» (1950) А. Кожевникова, получивший Сталинскую премию второй степени, «Искатели» (1954) Д. Гранина, но все эти романы, кроме «Русского леса», отличались строгой последовательностью разделения своих героев на образцовых, положительных и отрицательных в духе требований социалистического реализма, в конфликте всегда побеждает доброе начало.

Своим творческим путём, минуя требования социалистического реализма, шёл Михаил Михайлович Пришвин, создавая такие произведения, как «Кладовая солнца» (1946), «Корабельная чаща» (1953), «Глаза земли (Дневник писателя)».

Большим событием в жизни писателей был II Всесоюзный съезд писателей СССР (15–26 декабря 1954 года), на котором были подведены предварительные итоги развития русской литературы в послевоенное время: А. Сурков сделал доклад «О состоянии и задачах советской литературы», К. Симонов – содоклад о прозе, С. Вургун – о поэзии, А. Корнейчук – о драматургии, С. Герасимов – о кинодраматургии, Б. Полевой – о литературе для детей и юношества, Б. Рюриков – о литературной критике, П. Антокольский, М. Ауэзов, М. Рыльский – о переводной литературе.

Казалось бы, Союз писателей и Агитпроп ЦК КПСС предусмотрели, кого похвалить, кого поругать, рисуя единый поток достижений советской литературы во всех жанрах. Все выступавшие в прениях тоже были надёжными и проверенными людьми, от которых не ждали неожиданностей. Лишь В. Овечкин в своём выступлении 23 декабря критиковал присуждение Сталинских премий – по его мнению, система присуждения премий была неправильной: «Она в значительной мере основывалась на личных вкусах и была недостаточно демократичной. Не учитывалось мнение читателей, не учитывалась беспристрастная критика. Ежегодное присуждение Сталинских премий по литературе проходило в спешке, что приводило к поверхностному рассмотрению и обсуждению выдвинутых произведений. Не было необходимой проверки

временем. А как беспринципно вело себя руководство союза! Обычно чуть ли не всё, что было напечатано за год в журналах и более или менее замечено, выдвигалось Союзом писателей на премию и представлялось в высшие инстанции. Руководство союза, таким образом, уходило от ответственности, уклонялось от прямого и смелого высказывания собственного мнения о лучших произведениях литературы за истекший год» (Литературная газета. 1954. 23 декабря). 26 декабря 1954 года на съезде выступил М.А. Шолохов, бурно встреченный собравшимися в Колонном зале, поразив смелостью и ответственностью за каждое своё слово. Он заметил, что съезд «протекает прямо-таки величаво», но, на его взгляд, в нехорошем спокойствии.

Бесстрастны лица докладчиков, академически строги доклады, тщательно отполированы выступления большинства наших писателей, и даже наиболее запальчивая в отношении полемики часть литераторов, я говорю о женщинах-писательницах и поэтессах, за редким исключением пребывают на съезде в безмолвии... Идет уже седьмой день съезда, но обстановка остаётся прежней. Некоторое оживление наметилось только после выступления В. Овечкина... Мне не хотелось бы нарушать царящего на съезде классического спокойствия, омрачённого всего лишь двумя-тремя выступлениями, но всё же разрешите сказать то, что я думаю о нашей литературе, и хоть коротко поговорить о том, что не может не волновать нас всех» (Там же. 26 декабря). Отметив талантливые имена, М. Шолохов сказал о бедствии «серого потока бесцветной, посредственной литературы, который последние годы хлещет со страниц журналов и наводняет книжный рынок», указывает на «художественное убожество и недолговечность произведений-подёнок, произведений, которые смело можно назвать литературными выкидышами». М. Шолохов резко говорит о критике, о руководителе «Литературной газеты» Б. Рюрикове, о К. Симонове, который очень быстро пишет легковесные книги и пьесы, обладающем «умением дипломатического маневрирования», об И. Эренбурге, написавшем слабую повесть «Оттепель» (1954).

Выступление М.А. Шолохова резко не понравилось сотрудникам Агитпропа и секретарям Союза писателей. Посовещавшись между собой, они предложили Ф. Gladкову, давнему недругу М.А. Шолохова, выступить с ответной критической речью:

«Как ни тяжело мне было подниматься на эту трибуну, но долгом своей совести, партийным своим долгом я считаю, что необходимо выступить против непартийной по духу и, я бы сказал, мелкотравчатой речи товарища Шолохова.

Наш съезд – большое событие в жизни нашей литературной организации, и не только нашей литературной жизни, но и большое событие в жизни нашего народа, политическое событие. Наша партия оказывает огромное внимание нашему съезду. Поэтому каждый из выступающих с этой трибуны обязан не забывать, что на нём лежит большая ответственность за каждое сказанное слово.

Такому писателю, как М.А. Шолохов, пользующемуся огромным авторитетом, не следовало ронять своего достоинства. Критиковать можно и нужно, резко, может быть, критиковать, но критика критике – рознь. Принципиальная критика не имеет ничего общего с зубоскальством и балаганным зоильством.

За двумя-тремя верными мыслями, высказанными тов. Шолоховым в форме плоского остроумия, следовали совсем неприличные выпады против отдельных лиц, весьма похожие на сплетню и на сведение личных счётов.

Товарищи, я по опыту прошлого, по пережитым испытаниям бывшего считаю, что это очень пахнет групповщиной.

Такая форма выступления, рассчитанная на дешёвый эффект, – не для трибуны съезда. Надо быть выше личных симпатий и антипатий. Надо немножко быть мудрецом и в эти исторические дни твёрдо стоять на принципиальных позициях, памятуя, что каждое неосторожное, непродуманное выражение и формулировка подхватывается всякими злопыхателями и недру-

гами («Вот как сказал Шолохов», «Вот как раздраконил Шолохов!»), используется не в наших интересах, не в интересах нашего общества.

Надеюсь, что тов. Шолохов учтёт это заявление и сделает из него нужные выводы!» (Там же). После Ф. Гладкова выступил В. Собко (Украина) с такими же наставлениями, затем М. Турсун-заде (Таджикистан), Г. Леонидзе. К. Федин упрекнул М. Шолохова, что он не ответил на главный вопрос, а групповщина превращена в руках известного писателя в дубину (Там же. 27 декабря. С. 4—6).

На следующий день, 27 декабря, выступили А. Фадеев, В. Ермилов, Б. Рюриков, К. Симонов, они осудили речь М.А. Шолохова. А итоги съезда подвёл главный редактор газеты «Правда», член ЦК КПСС, член-корреспондент АН СССР Д.Т. Шепилов: «...Мы не могли не испытывать чувства горечи, несогласия и даже протеста, когда отдельные представители писательского мира пытались с этой трибуны нигилистически оценить большой путь, пройденный советской литературой, накопленные ею сокровища или пытались увести нас от волнующих проблем творчества в мелкие будни бытия...» (Там же. 30 декабря).

М.А. Шолохов с искренностью крупного прозаика назвал несколько писательских имён, художников, написавших значительные произведения, – имена Фадеева, Федина, Ауэзова, Павленко, Гладкова, Леонова, Паустовского, Упита, Твардовского, Якуба Коласа, Гончара, резко отозвался о Симонове и Эренбурге. Но искренность в душе художника оказалась предосудительной. Напоминаю, что В. Померанцев опубликовал статью в конце 1953 года в «Новом мире», но в августе 1954 года в ходе подготовки II съезда Твардовского сняли с поста главного редактора журнала, назначили главным редактором К. Симонова (см.: Там же. 17 августа), главным редактором «Литературной газеты» оставался бывший сотрудник Агитпропа ЦК ВКП(б) Б.С. Рюриков, хорошо усвоивший приёмы и методы работы Жданова и Маленкова. Так что на М.А. Шолохова накинута целая ватага средних писателей, мечтающих стать во главе литературного движения, стать более значительными в общественном мнении, а шесть Сталинских премий К. Симонова, как и две Сталинские премии первой степени И. Эренбурга, внушали им эти надежды. Это была первая схватка в открытом бою между русскими писателями-патриотами и писателями – западниками-либералами.

В «Записке Отдела науки и культуры ЦК КПСС о ходе и итогах Второго Всесоюзного съезда советских писателей», отправленной 11 января 1955 года Н.С. Хрущёву и П.Н. Поспелову, затем М.А. Суслову и Н.Н. Шаталину, была отражена объективная картина происходившего на съезде, были замечены и недостатки работы:

«Съезд писателей проходил в обстановке острой критики и самокритики без заметных проявлений групповой борьбы, которые наблюдались на отчётно-выборных собраниях писателей в Москве и Ленинграде перед съездом. Однако на съезде имели место случаи проявления отдельных нездоровых настроений. Так, в выступлениях московских писателей В. Каверина и М. Алигер в замаскированном виде нашли отражение реваншистские настроения ряда литераторов, критиковавшихся ранее за те или иные ошибки. Они высказали своё пренебрежительное отношение к критике в печати, рассматривая её как «командование и проработку». В. Каверин и М. Алигер фактически выступили против руководства литературой, считая, что оно якобы стесняет свободу творчества писателей, мешает им.

Писатели М. Шолохов и В. Овечкин, правильно поставив в своих выступлениях вопрос о необходимости тесной связи писателя с действительностью, о борьбе за повышение требовательности в работе писателя и ответственности перед народом, необоснованно дали отрицательную оценку всей современной советской литературе. Их критика имела односторонний характер, а оценки конкретных явлений литературы носили явный отпечаток групповых симпатий и пристрастий. Целый ряд писателей (Гладков, Федин, Ибрагимов, Турсун-заде и др.) подверг критике ошибочные тенденции, содержащиеся в выступлениях М. Шолохова и

В. Овечкина, которые отвлекали съезд от серьёзного обсуждения важных творческих вопросов» (*Культура и власть*. С. 338—339).

В Отделе науки и культуры вроде бы и не вспомнили, как душили совсем недавно поэта А. Твардовского за поэму «Тёркин на том свете», сводя на нет свободу его творчества.

В воспоминаниях В. Каверина есть несколько страниц о II съезде советских писателей. К примеру, К. Паустовский хотел сказать об искренности «в более высоком, объективном плане», призвать писателей не быть «служанкой государству». «Однако уже действовала, – писал В. Каверин, – небольшая группа писателей, которая поддерживала Паустовского и которая как бы незримой стеной отделяла себя от официальной литературы. Можно не сомневаться, что его поддержали бы Э. Казакевич, А. Крон, Б. Пастернак, Л. Славин, А. Тарковский, К. Чуковский, В. Шкловский, И. Эренбург, А. Ахматова, Л. Рахманов, Е. Шварц – короче говоря, все истинные писатели» (*Каверин В. Эпилог*. М., 1988. С. 325). Упомянутые здесь писатели составляли как раз группу писателей-либералов, которые по требованию редакторов, больших и малых, чудовищно исправляли свои сочинения, а потом годы спустя писали об этом как «искажённых» произведениях. Вспомните лишь рассказ К. Симонова о «Весне на Оudere» и слова Э. Казакевича, о которых напомнил в своих воспоминаниях В. Каверин: «Что же делать, нам всё равно не обойтись без социалистического реализма» (Там же. С. 335), и воспоминания В. Каверина о романе в «Новом мире», который якобы исказили по требованию А. Твардовского. Много можно любопытно сказать и о творчестве В. Шкловского, напомнить о его выступлении на I Всесоюзном съезде советских писателей, когда он хотел осудить Фёдора Достоевского как преступника за его сочинения. В. Каверин, вспоминая о хорошей статье «Заметки писателя» А. Крона, попутно заметил: «Трудно сказать, останутся ли в литературе его пьесы и романы, но эти заметки останутся...» (Там же. С. 336). Видимо, В. Каверин поторопился сказать, что перечисленные писатели – «все истинные писатели». Судьба наделила их талантом, но, чтобы стать истинным писателем, надо драться за каждую написанную им строчку, нужно бороться за своё произведение, как это делал Шолохов, как это делал Платонов, как это делал Булгаков, как это делала Ахматова.

В. Каверин высказал своё отношение и к выступлению М. Шолохова на съезде писателей: Шолохов произнёс свою «хулиганскую речь». «Всю жизнь он притворялся исконным казаком и на этот раз появился на трибуне в высоких сапогах и как бы с казацкой нагайкой, размахивая ею направо и налево... В таком же базарном тоне был обруган Симонов... Это была первая из речей Шолохова, которые, без всякого сомнения, были прямым результатом его творческого бесплодия» (Там же. С. 326—327). Так что, читая В. Каверина, можно представить себе, что перечисленные писатели – «истинные писатели», а Шолохов – хулиган и бесплодный писатель, а 126 страниц романа «Поднятая целина», по указанию Хрущёва и Шепилова, не появились в начале 1954 года в газете «Правда» Трудно рассчитывать, чтобы кто-либо из современных читателей мог поверить свидетельству В. Каверина. При этом М. Шолохов был без нагайки и сапог...

На II съезде писатели серьёзно критиковали бесконфликтные, лакировочные произведения, призывали к мастерству, серьёзной работе со словом. Появились новые журналы: «Нева» (1955), «Москва» (1957), «Наш современник» (1958), «Вопросы литературы» (1957), «Русская литература» (1958), «Дружба народов» (с 1955 года ежемесячно). Ожилились проза и литературная критика. Большой популярностью пользовались повести «Испытательный срок» (1956) и «Жестокость» (1956) Павла Нилина, в своё время получившего Сталинскую премию второй степени за киносценарий «Большая жизнь», «Владимирские просёлки» (1957) Владимира Солоухина, «Дневные звёзды» Ольги Берггольц, «Чернозём» (1958—1962), «Тугой узел» (1956) и «Суд» (1961) Владимира Тендрякова, «Деревенский дневник» (1954—1962) Ефима Дороша, – в этих произведениях писатели отказались от навязанной критикой теории

бесконфликтности, в сюжетах ярче разгорались страсти между руководителями и участниками строительства нового общества.

В это время ярко обозначилось имя Валентина Иванова: вышли романы «В карстовых пещерах» (1952), «По следу» (1953), «Возвращение Ибадуллы» (1954), «Повесть древних лет. Хроника IX века» (1955), «Жёлтый металл» (М.: Молодая гвардия, 1956). Родившийся в Самарканде, Валентин Иванов особенно увлекся историческими темами, его интересовал и Древний Восток с его трагической и неповторимой борьбой за власть, с особой силой его привлекла русская история, русские характеры, их борьба за выживание и борьба за становление своей государственности. В романе «Жёлтый металл» он обратил внимание на сиюминутные процессы невиданного воровства «жёлтого металла» в Советской России, удивительные в своей самобытности характеры участников событий, их искусство строить «цепочки», по которым золото уходило за рубеж.

Вернувшись с войны, одноклассники Луганов и Маленьев стали работать в золотодобывающей промышленности. Догадались, как можно добывать излишки золота путём хитроумного приспособления. Сначала по чуть-чуть, хватало на выпивку и закуску, скупал малое золотишко их мастер Александр Окунев, потом мастер отправлял посылку в Сочи, получала посылку его обаятельная жена, вскрывала один из предметов, где обнаруживала упрятанное золото, которое она тут же сбывала не менее обаятельному любовнику Томбадзе, который... и т. д. Так выстраивалась цепочка, хозяин которой сбывал добычу за большие деньги на Запад и на Восток. Потом Луганов и Маленьев почувствовали, что мастер их обманывает, скупая по шесть с половиной рублей за грамм их добычу. Луганов поехал к своей сестре в небольшой городишко Котлово на Волге. Тут, оказалось, тоже скупают золотишко. Этим занимался старообрядец Зимораев. И здесь начала выстраиваться цепочка, передавали золото от одного к другому, и в итоге оно попадало в руки богатейшего восточного эмира.

В Ленинской библиотеке следователь Нестеров изучал по книгам историю золотодобывающей промышленности, нашёл много любопытных историй и о богачах, и о старателях. А почти одновременно с этим другой следователь допрашивает немецкого шпиона Флямгольца, который надеялся завербовать в свои помощники антисоветски настроенных специалистов Владимира Бродкина, Брелихмана, Измаила Абдулина, Тараса Сулейко, Галкинского, Ганутдинова, Клоткина, Ступина. Все они занимались скупкой золота и перепродажей с выгодой для себя. Флямголец вспомнил и имя человека, который у них скупал золото, был маклером, – это был Фроим Трузенгольд, ему помогал сын Михаил.

Валентин Иванов со всей сатирической беспощадностью описывает встречу Владимира Бродкина и Михаила Трузенгольда, их спор о ценах на золото. Трузенгольд продает четыре килограмма золота. Бродкин уже слышал об этом золоте, поэтому он спрашивает: а где остальные килограммы? С этого начинается дикий спор, а потом договаривались о цене. И тут чуть ли не хватают друг друга за грудки, чтобы добиться своей цены (см. с. 70–71). Объективно показан быт Бродкина, его болезнь. Манечка Бродкина, дочь Брелихмана, крутит любовь с Мишей Трузенгольдом, сыном Фроима Трузенгольда. «Не будь бродкинских денег, не было бы и Миши в этой спальне. Такова точная, деловая формулировка отношений Трузенгольда к бывшей Манечке Брелихман» (с. 73).

А потом ниточка по ниточке следователь Нестеров и его руководство выявляют расхитителей золота. Сначала разоблачили поставки Александра Окунева в Сочи, где посылки получала его жена, её арестовали и доказали, что золото украли с такого-то прииска, потом взялись за Александра Окунева, доказав, что он занимался перепродажей золота уже по 24 рубля за грамм и погубил брата Гавриила. На какой-то миг появился Миша Мейлинсон, и Мария Яковлевна, жена Бродкина, присматривала за ним, не стоит ли и его заманить в свои любовные сети, ему восемнадцать, пусть наберётся любовного опыта. Цинична и проста её психология, лишь бы ей было хорошо. Потом появляются на страницах романа Брындык и его история,

потом Зимораев с сыном и его история, потом Мейлинсоны в Москве, от них золотишко уходило на Запад. Схема разоблачена следователем Нестеровым.

В романе объективно рассказывается о роли каждого персонажа в воровстве золота и его перепродаже, но почему-то русофобская критика оскорбилась за то, что в действиях этих «цепочек» участвовали и евреи, и это странным образом отразилось на будущности и романа «Жёлтый металл», и на романе «Русь изначальная» (1961. Т. 1—2), который пользовался огромной популярностью у русских читателей.

Во время войны и в послевоенное время обострились отношения в деревне. В прозе и стихах ставились новые проблемы, одолевавшие вконец обедневшее сельское хозяйство, деревенских жителей. Писатели, особенно молодые, видели эти проблемы и пытались сказать о них, но на пути писателей стояла цензура, Агитпроп ЦК КПСС. Если что-то минимальное удавалось писателю сказать честно, это считалось художественной смелостью.

Леонид Леонов последовательно писал о природе, о лесе, лесных богатствах России, о безобразном отношении к природе и лесу со стороны чиновников. В статьях «Вслух о книге» (Советская культура. 1955. 3 февраля), «Талант и труд» (Октябрь. 1956. № 3), «Объединить любителей природы!» (Правда. 1957. 23 апреля), «Миллионы друзей» (Комсомольская правда. 1957. 11 июня) Леонид Леонов поднимал множество проблем, и о полиграфии, и о молодых писателях, и о языке, но главное, о чём он говорил и писал, – это сбережение леса, природных богатств, которые просто бездумно расхищаются как частными, так и государственными лицами. И присуждение Ленинской премии за роман «Русский лес» (1953) Леонид Леонов получил как награду общества за то внимание «к полезному и важному вопросу, к судьбе того, что принято называть **З е л ё н ы м Д р у г о м**. Рад, что всё шире в последние годы одерживает верх единственно правильная точка зрения в смысле **п о с т о я н н о г о** лесопользования. Глубоко удовлетворён и тем, что роман вызвал многочисленные отклики из самых отдалённых уголков страны. Это показывает глубоко патристическую заинтересованность различных слоев населения всех возрастов в поднятой теме» (интервью корреспонденту «Правды» после присуждения Ленинской премии). В спешке строек работники и инженеры допускали «небрежность, расточительную неосмотрительность в расходовании леса», «пора придать какие-то организационные формы огромному всенародному раздумью о лесных делах». Эти слова актуально звучат и в нынешнее время. А превосходные образы главных персонажей романа «Русский лес» Вихрова и Грацианского остались как нарицательные образы патриота и либерала.

В 1953 году М. Пришвин опубликовал повесть-сказку «Корабельная чаща», которая начинается с интересного разговора лесника Антипыча и мальчика Васи Весёлкина о том, что есть истинная правда. Потом Вася спросил своего учителя Ивана Ивановича о том же, учитель вспомнил прекрасные слова Белинского на эту же тему, но конкретно так и ничего не сказал. Вася окончил школу, стал лесником, завёл семью, родил двоих ребятишек, пошёл на фронт и, уже раненный, в госпитале, всё думает о том же – что есть истинная правда? На соседней койке оказался старый Мануйло, персонаж рассказов и повестей М. Пришвина, который начал расспрашивать Весёлкина о его жизни. Тогда Василий, узнав, что Мануйло из Пинеги, тут же вспомнил рассказ отца о Корабельной роще как о легенде. А Мануйло ответил, что это не легенда, а настоящая быль.

Повесть М. Пришвина производит сильное впечатление своей простотой и бесхитростностью.

После смерти И.В. Сталина 19 марта 1953 года в «Литературной газете» появилась передовая статья «Священный долг писателя», в которой говорилось о том, что писатели должны «запечатлеть для своих современников и для грядущих поколений образ величайшего гения всех времён и народов – бессмертного Сталина». Статья вышла в четверг, а в понедельник

К. Симонов, автор статьи, узнал, что Н. Хрущёв гневно грозил снять главного редактора К. Симонова за публикацию. Однако утряслось, через несколько дней уже об этом решении не вспоминали, но ясно было, что уже в это время генеральный секретарь ЦК КПСС Н. Хрущёв задумал сказать то, что произнёс в секретном докладе на XX съезде партии о разоблачении деятельности И.В. Сталина.

Сразу после II Всесоюзного съезда советских писателей новое правление задумало собрать совещание писателей и подробнее обсудить то, что накопилось в литературе о деревенской жизни, дать отпор новомирской статье Фёдора Абрамова, просигнализировать о том, что происходит в литературе после постановлений ЦК КПСС и Совета Министров о сельском хозяйстве. «Новое в колхозной деревне и задачи художественной литературы» – эту дискуссию наметили провести летом 1955 года, а провели 26–31 октября 1955 года. Приглашены были не только писатели, но и министры, секретари обкомов, корреспонденты газет «Правда», «Известия», «Советская культура», «Социалистическое земледелие».

В это время, кроме очерков и повестей В. Овечкина и Г. Троепольского, честно и правдиво показывавших живые конфликты и живых людей, появились рассказы и повести Владимира Тендрякова «Падение Ивана Чупрова» (1954), «Ненастье» (1955), «Не ко двору» (1955), повесть Сергея Воронина «Ненужная слава» (1955), повесть Лидии Обуховой «Глубынь-городок».

На совещании прозвучали слова правды и высокой требовательности к литературе, которая не должна лгать, лакировать живую действительность, полную трагических проблем. Владимир Тендряков точно определил одно из главных направлений в литературе о деревне: «Я считаю, что произведение, которое подменяет лакировкой и парадностью критику тех зол, которые нам мешают идти вперёд, и есть прежде всего отступление от партийности» (*Тендряков В. Роль критики в жизни и литературе // Жизнь колхозной деревни и литература. М., 1956. С. 175*).

Но литература о деревне – это лишь часть развития русской литературы. Ещё жива в сердце русского человека была война, принёсшая неисчислимые страдания стране и народу. Приступая к новому роману о войне, углубляясь в изучение документов и живых свидетельств, К. Симонов понял, что Сталин и его деятельность во время войны должны быть пересмотрены, все его взгляды должны быть подвергнуты серьёзному критическому анализу.

С конца декабря 1955 года и до начала февраля 1956 года К. Симонов работал над первой частью романа «Живые и мёртвые», над изображением первых дней войны, привлекая свои воспоминания, дневниковые записи, письма очевидцев и дружеские разговоры, в которых касались репрессий 1937–1938 годов. Многие документы обличали Сталина, от многого автор романа отказывался, непререкаемые заслуги тускнели. Симонов всё дальше отходил от ранее созданного им самим образа Сталина. Прошел XX съезд партии, как кандидат в члены ЦК КПСС, слушавший секретный доклад Н. Хрущёва, Симонов, верный новому курсу, в 1957 году опубликовал две повести – «Пантелеев» и «Левашов». Продолжая работать над романом «Живые и мёртвые», он получил письмо от писателя-фронтовика: «Я был на Керченском полуострове в 1942 году. Мне ясна причина позорнейшего поражения. Полное недоверие командующим армиями и фронтом, самодурство и дикий произвол Мехлиса, человека неграмотного в военном деле... Запретил рыть окопы, чтобы не подрывать наступательного духа солдат. Выдвинул тяжёлую артиллерию и штабы армии на самую передовую и т. д. Три армии стояли на фронте 16 километров, дивизия занимала по фронту 600–700 метров, нигде никогда я потом не видел такой насыщенности войсками. И всё это смешалось в кровавую кашу, было сброшено в море, погибло только потому, что фронтом командовал не полководец, а безумец...» (*Симонов К. Живые и мёртвые. М., 1960. С. 301*).

К. Симонов вспомнил и слова маршала Жукова о пленных красноармейцах и записал их: «А что у нас, – сказал он, – у нас Мехлис додумался до того, что выдвинул формулу: «каждый,

кто попал в плен, – предатель родины» и обосновывал её тем, что каждый советский человек, оказавшийся перед угрозой плена, обязан был покончить жизнь самоубийством, то есть требовал, чтобы ко всем миллионам погибших на войне прибавилось еще несколько миллионов самоубийц. Больше половины этих людей были замучены немцами в плену, умерли от голода и болезней, но, исходя из теории Мехлиса, выходило, что даже вернувшиеся, пройдя через этот ад, должны были дома встретить такое отношение к себе, чтобы они раскаялись в том, что тогда, в 41-м или 42-м, не лишили себя жизни» (Там же. С. 339). А ведь англичане всем пленным продолжали платить положенное им жалованье.

К. Симонов, работая над военным романом, встречался и беседовал с маршалами Жуковым, Коневым, Василевским, с адмиралом флота Исаковым. Роман «Живые и мёртвые» был опубликован в 1960 году. Этот роман и будущие романы западные критики отнесли «к разряду посредственных произведений второго сорта, то есть к той литературе, которая оказывает значительное влияние на широкие массы читателей во всех странах» (*Казак В.* Лексикон русской литературы XX века. М., 1966. С. 381).

После публикации повести «Оттепель» (1954) И. Эренбурга, после постановлений правящей партии о культе личности Сталина и романа «Не хлебом единым» В. Дудинцева (Новый мир. 1956. № 8—10) в обществе почувствовали себя более свободными в своих высказываниях об искусстве. В устных выступлениях писатели позволяли себе критически относиться к недавним постановлениям ЦК ВКП(б), особенно постановлениям 1946 года и докладам Жданова, выступлениям большинства ленинградских писателей, резко осуждавших произведения М. Зощенко и А. Ахматовой. В. Каверин в своих воспоминаниях рассказывает о том, как Дудинцев, Симонов и он, Каверин, выступали в Московском университете на Всесоюзном съезде преподавателей русского языка и литературы в 1957 году. Яркую речь о недостатках постановлений ЦК 1946 года произнёс К. Симонов. «Симонов – игрок и человек не робкого десятка, – писал В. Каверин. – Он рискнул – и в ответ услышал оглушительные аплодисменты, в которых чувствовалось даже какое-то праздничное изумление» (*Каверин В.* Эпилог. Мемуары. М., 1989. С. 332). Выступление К. Симонова было осуждено в ЦК КПСС, а он, попав в немилость, отбыл в Ташкент работать над романом о войне.

В. Каверин подробно рассказывает о появлении альманаха «Литературная Москва» во главе с главным редактором Э. Казакевичем. Инициаторами издания альманаха были М. Алигер, В. Каверин и Э. Казакевич. В редколлегия альманаха вошли М. Алигер, А. Бек, А. Котов, директор издательства «Художественная литература», К. Паустовский, В. Рудный, В. Тендряков и В. Каверин. Альманах обсуждали во всех возможных инстанциях, и в ЦК КПСС, и на секции прозы, и в Союзе писателей. Кое-кто из писателей гневно называл альманах «футбольной командой государства Израиль». Но это было далеко от истины: в первом номере опубликовали произведения К. Федина, Л. Мартынова, С. Маршака, Н. Заболоцкого, С. Антонова, А. Твардовского, А. Ахматовой, К. Симонова, Б. Слуцкого, В. Шкловского, В. Розова, В. Тендрякова, К. Чуковского, Б. Пастернака, М. Пришвина.

21 мая 1956 года публикация альманаха была обсуждена в Доме литераторов. Тогда же критиковали «Литературную газету» во главе с Вс. Кочетовым за одностороннюю критику альманаха, выступавшие говорили о публикации замечательных стихотворений Н. Заболоцкого «Журавли», «Лебедь в зоопарке», «Уступи мне, скворец, уголок», новые главы поэмы А. Твардовского «За далью – даль», здесь же опубликовали Б. Пастернака, А. Ахматову, Л. Мартынова, почти непубликуемых поэтов. Над вторым сборником альманаха работали с волнением и радостью (первый сборник прошёл успешно!). Включили в сборник цикл стихов Марины Цветаевой с предисловием И. Эренбурга, стихи Н. Заболоцкого, рассказ Александра Яшина «Рычаги», который он посылал в «Новый мир», но Кривицкий, прочитавший его, пообещал дать за него 25 лет заключения, если не сожжёт, включили драму Н. Погодина «Сонет Петрарки», статью Марка Щеглова «Реализм современной драмы», в которой автор подверг острой критике пьесу

А. Корнейчука «Крылья». Эта статья вызвала гнев А. Корнейчука. М. Щеглов прямо заявил, что обратил внимание на «некоторые безвкусные эпизоды пьесы «Крылья» (линия Анны и Ромодана), на «явные художественные просчёты по части драматургии и реализма, странные у столь опытного и одарённого мастера». «Таким образом, пьеса А. Корнейчука лишена основного элемента драмы – самостоятельно развивающегося, логикой образов и ситуацией диктуемого действия, «самодвижения»...» (*Щеглов М.* Литературно-критические статьи. М., 1965. С. 51—64 и др.). Николай Погодин присутствовал при разговоре А. Корнейчука с Н. Хрущёвым на даче и слышал, как резко А. Корнейчук говорил о втором томе «Литературной Москвы», и передал этот разговор В. Каверину. Ясно, что последуют определённые трудности в работе над третьим выпуском альманаха. Так оно и оказалось. 5 марта 1957 года «Литературная газета» напечатала статью Д. Ерёмкина «Заметки о сборнике «Литературная Москва», а чуть позднее И. Рябов напечатал фельетон «Смертяшкины» в «Крокодиле».

В. Каверин в своих воспоминаниях даёт оценку статье Д. Ерёмкина: «С лицемерными оговорками Д. Ерёмкин хвалил некоторые произведения, опубликованные в сборнике. «Но не они, – писал он, – характеризуют и определяют его основное направление: это делают произведения другого порядка. Они-то придают сборнику особый «привкус», выступают в качестве определённой тенденции. Какова же эта тенденция?»

Политический донос – жанр, как известно, многообразный. Статья Д. Ерёмкина бездарна. Написана суконным языком, поверхностна, от неё так и несёт завистью, бессильной злобой. Но ей нельзя отказать в последовательности. Он начинает с более или менее невинных «недугов» – мелкотемье, уныние, разочарование в красоте и правде нашей жизни: «Через всю книгу так и тянется эта грустная, элегическая нота, порой превращаясь то в плач, то в горький сарказм». «Совершенно бездоказательно он находит эти черты в стихах Н. Заболоцкого, С. Кирсанова, А. Акима, К. Ваншенкина, Ю. Нейман. А заканчивает Д. Ерёмкин обвинением в «глухоком пессимизме», «холодном описательстве», в «предвзятости» и, наконец, в «тенденции нигилизма», которую он находит в рассказах А. Яшина, Н. Жданова, Ю. Нагибина и относит ко всему сборнику в целом: «Важно, что составители сборника, судя по всему, преподнесли их (эти рассказы. – В. К.) в соответствии с определённой тенденцией, придерживаться которой в некоторых кругах нашей интеллигенции с недавних пор стало «хорошим тоном». Эта тенденция нигилизма, одностороннего критицизма в оценках и в отношении к многим коренным явлениям и закономерностям нашей жизни» (*Каверин В.* Эпилог. Мемуары. С. 343—344).

В. Каверин, как и другие писатели, выступил на III пленуме Московского отделения Союза писателей с резкой критикой статьи Д. Ерёмкина, опираясь на факты публикации в «Литературной Москве»: два листа из пятидесяти двух содержат, по уверению Д. Ерёмкина, так называемые «тенденции нигилизма». В. Каверина на пленуме поддержали Л. Чуковская, Л. Кабо, А. Турков, против выступили Н. Чертова, Н. Бляхин, Б. Галин, Б. Бялик. 19 марта 1957 года «Литературная газета» вновь поддержала свою позицию, «Правда» критиковала пленум за то, что о сборнике говорилось в «апологетических тонах», затем появились отклики в «Московской правде», в «Вечерней Москве». Словом, как пишет В. Каверин: «Наш сборник был явлением, которое требовало прямого ответа: «за» или «против» (Там же. С. 347).

Против выступил К. Федин. 11 июня 1957 года к Федину пришли К. Паустовский и В. Рудный, и он заявил: «Литературную Москву» я в обиду не дам». А потом от этих слов отказался. Видимо, отказался под давлением власти. А Всеволод Иванов написал письмо в «Литературную газету», в которой просил освободить его от членства в редколлегии газеты и выразил негодование по поводу того, что Д. Ерёмкин в своей статье стремился опорочить редколлегию альманаха, упрекнуть «в злонамеренной предвзятости, в якобы нарочитом подборе произведений, охаивающих советскую действительность. Вот это – очень нехорошо, и с этим я никак не могу согласиться» (Там же. С. 349).

«Вихрь бессмыслицы», по словам В. Каверина, поднялся вокруг «Литературной Москвы», победила якобы «пошлость сталинизма». Но на партийном собрании М. Алигер, Э. Казакевичу, А. Беку, В. Рудному пришлось покаяться. На встрече правительства с писателями многие надеялись, что Хрущёв поддержит «либеральное» направление в литературе, но он, вспомнив недавний венгерский мятеж, сказал: «Они хотели устроить у нас «кружок Петёфи», и совершенно правильно, по-государственному, поступили те, кто ударил их по рукам». И победила не «пошлость сталинизма», как уверял своих читателей В. Каверин, а «*новорапповская теория*», о которой с таким презрением говорил в своё время И.В. Сталин и которой с таким удовольствием воспользовались Н.С. Хрущёв и Агитпроп ЦК КПСС (см.: Там же. С. 185).

В «Литературных заметках» К. Симонов, резко осуждая культ личности Сталина, романы «Счастье» П. Павленко и «Белая берёза» М. Бубеннова, писал:

«Однако, если бы свести весь вопрос только к этому, дело обстоит бы сравнительно просто. Отдельные места, где содержится не критическое изображение деятельности Сталина, можно было бы изъять из книг или отказаться от переиздания тех или иных произведений – это уж дело совести авторов. Но главная проблема заключается в том, что и в этих произведениях и в гораздо большем числе других, где таких мест вообще не содержалось, последствия культа личности в той или иной мере отразились на изображении страны и народа: жизнь лакировалась, желаемое выдавалось за действительное, о трудностях умалчивалось. И в этом-то как раз и состоит главная беда нашей послевоенной литературы, связанная с последствиями культа личности.

Культ личности, культ непогрешимости Сталина создавал такую официальную атмосферу, при которой много говорилось об успехах и очень мало – о неудачах и ошибках. Реальные, конкретные трудности замалчивались. Очень часто на первый план выдвигалось показное, а теневое, трудное отодвигалось в сторону. В итоге всего этого фактически преуменьшался подвиг партии и народа, в неимоверно трудных послевоенных условиях шаг за шагом восстанавливавшая страну, ибо вся мера подвига может быть полностью оценена только тогда, когда полностью даётся отчёт во всех препятствиях на пути к этому подвигу, во всех сопровождающих его трудностях. Но литература через лакировку, через выдаваемое желание за действительное фактически призывалась к преуменьшению подвига народа. Призывалась она к этому при помощи активной и несправедливой поддержки произведений, наиболее очевидно приукрашивавших действительность, или при помощи замалчивания некоторых произведений, более правдиво изображавших жизнь» (Новый мир. 1956. № 12. С. 241). Большое место в заметках К. Симонова уделено разбору критической статьи «Молодая гвардия» на сцене наших театров» в газете «Культура и жизнь» осенью 1947 года и статье «Об одной антипатриотической группе театральных критиков», опубликованной тогда же в газете «Правда».

Это было то новое, что входило в литературу в десятилетие правления Н.С. Хрущёва. И Симонов был одним из первых, поддержавших новое направление.

В 1957 году критики и читатели продолжали критиковать роман Дудинцева, который на собраниях московских писателей пытался устно ответить авторам критических статей, продолжал говорить о многих недостатках в нашей жизни и в нашей литературе. В «Записке Отдела науки, школ и культуры ЦК КПСС по РСФСР о «политически вредном» выступлении писателя В.Д. Дудинцева на пленуме правления Московского отделения Союза писателей СССР в марте 1957 года» приводятся его слова: «Дудинцев сетовал на то, что писатели не имеют такой свободы выражения, как критики, что редакторы охраняют критиков от контроля читателей. Поэтому критики пишут всё, что им угодно, а писатели такой свободы лишены. Отсюда, по его мнению, в литературу и проникают различного рода необоснованные утверждения и наскоки на писателей. Он заявил, что в связи с происками критиков очень многие хорошие произведения не увидели света, и он вопрошал под аплодисменты присутствующих «кому крикнуть об этом?»... Дудинцев признавал, что он предвидел двуличие работников прокуратуры. По его

мнению, советская жизнь настолько перенасыщена недостатками, что он стремится не усиливать эти недостатки в своём произведении, а смягчать. По его заявлению, он получил ворох доказательств своим мыслям» (*Культура и власть*. С. 628). В «Записке» Отдела науки от 9 марта 1957 года снова говорится о выступлении К. Симонова на пленуме московских писателей, но уже совсем в другой тональности. Раньше, два дня назад, Симонов отвергал всякую критику романа Дудинцева, а сейчас подверг его острой критике: «Необходимо отметить, что т. Симонов в своём выступлении признал по существу ошибки, которые он допустил как редактор журнала «Новый мир», поместив роман Дудинцева «Не хлебом единым» и защищая его в предыдущих выступлениях» (Там же. С. 633). На Всесоюзном совещании работников кафедр советской литературы 25 мая К. Симонов охарактеризовал роман Дудинцева «как смелое произведение» (Там же. С. 670). Здесь К.М. Симонов показал себя типичным представителем тогдашнего литературного руководства, изворотливым, циничным, лицемерным, то есть двуличным.

ЦК КПСС внимательно следил за происходящими процессами литературного развития. 11 мая 1957 года в «Записке Отдела культуры ЦК КПСС «О развитии советской литературы после XX съезда КПСС» подводятся предварительные итоги предстоящего 14 мая пленума Правления Союза писателей СССР, отмечаются «Судьба человека» М. Шолохова, очерковая повесть В. Овечкина «Трудная весна» (Новый мир. 1956. № 3—5), романы Л. Леонова «Русский лес», Д. Гранина «Искатели» (Звезда. 1954. № 7—8), В. Каверина «Доктор Власенкова» (1954), А. Бека «Жизнь Бережкова» (Новый мир. 1956. № 1—5). Вместе с тем были упомянуты и недостатки, о которых здесь уже говорилось.

Дискуссия о литературе продолжалась ярко и остро. Особенно кипели страсти вокруг романа В. Дудинцева «Не хлебом единым», вокруг некоторых драматургических произведений.

В эти годы печатались главы романа «Поднятая целина». Любопытны воспоминания Алексея Аджубея «Те десять лет», в которых дана попытка посмотреть на эти годы правления Н. Хрущёва беспристрастно. «Подчёркивая особое уважение к М.А. Шолохову, Хрущёв приезжал в Вешенскую, пригласил Михаила Александровича с собой в США. Шолохов приезжал на дачу к Никите Сергеевичу. Читал последнюю, только что написанную главу «Поднятой целины». Трагический эпилог тронул Хрущёва. «Так хотелось, чтобы Давыдов остался жить», – сказал он писателю. Шолохов ответил: «А надо по правде» (Знамя. 1988. № 7. С. 99). Но влияние Н. Хрущёва чувствовалось на романе.

Часть вторая

Русская историческая литература. После войны

В послевоенные годы интерес к прошлому не затухал, а, напротив, ещё более возрос. Некоторые исторические романисты на дискуссии, организованной Союзом писателей СССР в 1945 году, даже утверждали, что «исторический роман может и должен претендовать на то, чтобы стоять во главе литературного движения» (*Правда* и вымысел в художественно-исторических произведениях: Дискуссия, организованная Союзом писателей СССР в 1945 г. // РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Д. 634. Л. 51).

Однако многие критики и учёные-литературоведы считали, что писателям не удаётся показать духовную жизнь избранных исторических персонажей, внутренняя жизнь многих персонажей обеднена и приблизительна, в лучшем случае писатели могут изобразить пудренный парик или взмах сабли, а проникнуть в ум, сердце, душу своих исторических деятелей они не могут, настолько поразительна разница во всем, настолько сегодняшняя жизнь, как и человек, отличается от стародавних эпох.

Вот что писал Гуковский в рецензии на книгу Раковского «Генералиссимус Суворов»: «Человек XVIII века и думал, и чувствовал, и видел, и понимал мир иначе, чем наш современник. Раскрыть перед читателем духовный мир человека XVIII века в его полноте, в живом потоке его представлений, конкретно, образно, если это и возможно (что сомнительно), во всяком случае значило бы заняться археологическими эффектами, научно, может быть, и оправданными, но художественно весьма дикими. Даже представить себе такой психологический эксперимент по отношению к дворянину екатерининского времени, пусть даже одному из прекрасных людей тех времён, – жутковато. Ведь оказалось бы, что структура его сознания слишком далека от структуры сознания нашего современного советского человека. Писатель не может подлинно исторически воссоздать внутренний мир, характер, жизнь духа человека отдалённого прошлого не только потому, что это значило бы провести на читателя самый нежелательный эффект, но и потому, что он не в состоянии конкретно, реально, психологически полноценно воспроизвести сознание и жизнь, ему самому исторически столь чуждые» (Звезда. 1947. № 12. С. 193—195).

Это скептическое отношение к возможности изображения духовного мира человека прошлого во всей его полноте и многообразии его интересов есть, в сущности, отрицание исторического романа, отрицание возможностей познания прошлого вообще. Этот скептицизм ничем не оправдан: и прежде всего потому, что человек прошлого столь же многогранен в своих отношениях с окружающим миром, как и наши современники. Менялись окружающие условия, формы этих взаимоотношений, но не суть потребностей человеческих, не суть моральной, нравственной оценки его поступков, мыслей, его высказываний.

Возможность художественного познания человека прошлого зиждется на объективной, закономерной органической связи между настоящим и прошлым. Когда спросили В. Шишкова о том, почему он начал повесть о колхозной деревне и тем самым отвлёкся от основной работы над романом «Емельян Пугачёв», он сказал: «Да я бы ни хрена и в мужике-пугачёвце не понял, когда б не знал мужика-колхозника. Там коренья, здесь – маковка в цвету. Попробуй-ка распознай породу дерева по одному его замшелому пнищу (см.: *Бахметьев В.* Вячеслав Шишков. Жизнь и творчество. М.: Советский писатель, 1947. С. 110).

Станиславский, работая над постановкой «Отелло», размышлял: «Нет настоящего без прошлого. Настоящее естественно вытекает из прошлого. Прошлое – корни, из которых выросло настоящее... Далее: нет настоящего без перспективы на будущее, без мечты о нём, без догадок и намеков на него... Настоящее, лишённое прошлого и будущего, – середина без

начала и конца, одна глава из книги, случайно вырванная и прочитанная. Прошлые и мечты о будущем обосновывают настоящее» (*Станиславский К.С.* Статьи, речи, беседы, письма. М.: Искусство, 1953. С. 575).

Прошлые, настоящие и будущее своей страны художник может познать только в том случае, если хорошо познает современного ему человека, особенности его национального характера, его чувства в мысли, его отношения с природой и себе подобными, его отношение к своему Отечеству. Но художник должен учитывать одно обстоятельство, о котором хорошо сказал А.Н. Толстой в письме начинающему автору: «...Исторические герои должны мыслить и говорить так, как их к тому толкает их эпоха и события той эпохи. Если Степан Разин будет говорить о первоначальном накоплении, то читатель швырнёт такую книжку под стол и будет прав. Но о первоначальном накоплении, скажем, должен знать и помнить автор и с той точки зрения рассматривать те или иные исторические события. В этом и сила марксистского мышления, что оно раскрывает перед нами правду истории и её глубину и осмысливает исторические события» (*Толстой А.Н.* Соч.: В 15 т. М., 1948. Т. 13. С. 425).

Патриотическая волна национального чувства, не отхлынувшая после величайшей победы над немецким фашизмом, всё чаще пробуждает интерес к воскрешению национальной истории, к пониманию исторической преемственности и национальной гордости, подталкивает к изображению подлинного эпического величия в прошлой истории России.

После целого ряда постановлений ЦК ВКП(б) по идеологическим вопросам 1946—1948 годов в литературе и искусстве сложилась тяжёлая обстановка, когда восторжествовал дух нетерпимости и критиканства всего, выходящего за узкие рамки теории социалистического реализма. Некоторым критикам правительственного толка показалось, что в этих постановлениях мало примеров «пустых бессодержательных и пошлых вещей», «гнилой безыдейности, пошлости и аполитичности», мало примеров «пустой безыдейной поэзии» (О журналах «Звезда» и «Ленинград». Из постановления ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 года. Госполитиздат, 1952. С. 3—4). В своих статьях и выступлениях они подвергли резкой критике Бориса Пастернака, Илью Сельвинского... Искали и другие жертвы для своих критических перьев.

Стоило А. Фадееву в статье «Задачи литературной теории и критики» упрекнуть Ан. Тарасенкова за то, что он «поднял на щит последнюю лирическую книгу Пастернака», в которой «такой убогий мирок в эпоху величайших мировых *катаклизмов*» (Проблемы социалистического реализма: Сб. статей. М.: Советский писатель, 1948. С. 38), как всё тот же Ан. Тарасенков, исправляя допущенную «ошибку», перестроился и подверг творчество Пастернака ещё более резкой критике, чем А. Фадеев: «Долгое время среди части наших поэтов и критиков пользовался «славой» такой законченный представитель декадентства, как Борис Пастернак.

Философия искусства Пастернака — это философия врага осмысленной, идейно направленной поэзии... Пастернак возвеличивает представителей гнилого буржуазного искусства... Творчество Пастернака — наиболее яркое проявление гнилой декадентщины» (*Тарасенков Ан.* О советской литературе: Сб. статей. М.: Советский писатель, 1952. С. 46—48).

В 1949 году в Тбилиси вышел на русском языке второй том романа К. Гамсахурдиа «Давид Строитель», подвергшийся острой партийной критике за панегирическое отношение автора к миру прошлого, за пышное описание быта царей, придворных интриг, за описание любовных походов царствующих особ и феодалов, за засорение повествования никому не нужными «археологическими подробностями», за воспевание рыцарских доблестей. «Временами, когда читаешь роман Гамсахурдиа, — писал всё тот же Ан. Тарасенков, — кажется, что это не роман советского писателя, а какие-то древние придворные летописи. Со спокойствием архивариуса нагромождает Гамсахурдиа сотни известных и неизвестных имен всевозможных королей, императоров, царей, описывает их утварь, одежды, взаимные ссоры и распри... Народ, подлинный творец истории, в романе отсутствует. А если он изображается, то только в виде толпы падающих ниц и воспевающих своего властелина рабов... Это описа-

ние напоминает жития святых, а не исторический роман. В елейно-слащавом тоне изображать рабоподобное единение народа с царем, даже если идёт речь о давно минувших временах, может только писатель, утративший чувство современности, далёкий от классового подхода к историческому прошлому своего народа» (Там же. С. 48—50).

Если б только Ан. Тарасенков так писал, то это не сильно повлияло бы на творческое настроение писателей. А вот выступление А. Фадеева было воспринято как команда, как приговор тем литературным явлениям, которые, на свою беду, не укладывались в прокрустово ложе теории социалистического реализма. В «Новом мире», «Знамени», «Октябре», «Звезде», в выступлениях на писательских собраниях – повсюду находились литераторы, обвинявшие своих коллег в тех или иных «грехах», словно отовсюду на живое тело литературы сбегались пауки и опутывали его своей отвратительной паутиной. Обстановка складывалась тяжкая, но не безнадёжная.

Остро был поставлен вопрос и об использовании так называемых архаизмов в литературном языке.

Принципиальное значение в этом споре имела публикация редакционной статьи в грузинской партийной газете «Коммунист» «Против искажения грузинского литературного языка», в частности в творчестве К. Гамсахурдиа (Коммунисти. 1950. 28 мая).

Тут же появляется статья Анны Антоновской под характерным для того времени названием – «Эпоха в кривом зеркале (о романе К. Гамсахурдиа «Давид Строитель»)» (Новый мир. 1950. № 7).

Высказав ряд справедливых и общеизвестных мыслей, А. Антоновская обвинила К. Гамсахурдиа в том, что он создал произведение, в котором «трудно обнаружить исторически схожий портрет «царя-героя» и сколько-нибудь удовлетворительное изображение его деятельности» (Там же. С. 232).

Этот вопрос об архаической стилизации был остро поставлен Ан. Тарасенковым в статье «За богатство и чистоту русского литературного языка!», написанную в связи с публикацией работы И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания».

«Среди немалого числа литераторов, выступивших за последнее время на страницах печати и на различных дискуссионных собраниях по вопросам языка советской литературы, особую и, я бы сказал, странную позицию занял Алексей Югов» (Тарасенков Ан. О советской литературе. С. 204).

Искажение правильных положений заключается в том, по мнению критика, что А. Югов, утверждая, что язык имеет долговечность, исчисляемую столетиями, тем не менее делает вывод: «вечный океан общенародного языка». Ан. Тарасенков возмущён тем, что А. Югов как бы полемизирует с товарищем Сталиным, чётко и прямо сказавшим, что «... язык, собственно его словарный состав, находится в состоянии почти непрерывного изменения» (Сталин И. Марксизм и вопросы языкознания // Правда. 1950. С. 8—9). И. Сталин утверждал, что язык действительно создан «усилиями сотен поколений» (Там же. С. 5), но это вовсе не значит, что язык категория вечная.

Ан. Тарасенков разыскал в литературной периодике старую статью А. Югова и постарался уличить оппонента в порочности его взглядов.

В статье «Архаизмы в поэтике Маяковского» А. Югов писал, что страсть Маяковского «к просторечию вызвана желаньем, чтобы стихия народного и древнерусского возобладала в литературном языке...», что «поэтика Маяковского, даже при беглом сопоставлении, обнаруживает много словарного и синтаксического сходства с поэтикой Древней Руси» (Литературное творчество. 1946. № 1), что в прилагательных, которые употребляет Маяковский, заметна «древнерусская простота», сопоставляя при этом цитаты Маяковского с цитатами из Остромирова Евангелия и Ипатьевской летописи. Это и подтверждает, что язык современного поэта питается из «вечного океана общенародного языка», что ничуть не умаляет достоинств поэ-

тики Маяковского, не умаляет его новаторства. Но Ан. Тарасенков упорно продолжает полемику с превосходным знатоком древнерусского языка и его памятников:

«...А. Югов предлагает современным советским писателям использовать любые слова, существующие в том или ином старом литературном памятнике, любые речения, которые есть в словаре Даля, любые грамматические формы, если они сохранились в той или иной фольклорной записи.

Поза борца против педантов-грамматистов, против редакторов и корректоров, которые якобы уродуют живую и ничем не стеснённую речь писателя, – ничего не скажешь, поза «красивая» и «благородная». Но что на деле кроется за этим у А. Югова, как не проповедь анархизма в языке, проповедь языкового произвола и своеволия? Достаточно для А. Югова сослаться на какой-либо древний источник, чтобы слово или грамматическая форма сразу получили в его глазах полные права современного гражданства...»

Резкой критике подверг Ан. Тарасенков поэтический цикл Александра Прокофьева под общим названием «Сад» (Звезда. 1948. № 4), усмотрев и здесь «лубочный примитив и пасторальную идиллию, глубоко чуждую советскому человеку», «на редкость старомодные и неестественные поэтические обороты», а такие, как «ладони, на которых порох в порах, простри над головой!», относит к «церковнославянскому словарю». «Если прибавить, что о советской стране поэт говорит: «Как крыла – её вежды», если в другом месте и по другому поводу он утверждает, что она «поднялась, осиянная днесь», то станет ясно, что талантливый советский поэт пользуется совершенно чуждыми мировоззрению и эстетике советского человека псалтырными источниками» (Тарасенков Ан. Идеи и образы советской литературы. М.: Советский писатель, 1949).

Ан. Тарасенков неудержим, подвергает критике талантливые стихи Н. Тряпкина (Октябрь. 1947) за подражание Ключеву, за плохое знание деревенского быта. И в заключение, приводя ряд примеров, пишет: «Речь своих героев Тряпкин уснащает такими словами, как «дивуюсь», «требу совершим», «триединство творца-человека». Откуда у молодого поэта этот псалтырный словарь?» (Там же. С. 209).

Использование «псалтырных источников», «псалтырного словаря», как видим, критик относит к порочной архаизации языка, к оживлению омертвевших языковых и поэтических форм, вредных для развития советской литературы. Особенно яростно критик обрушивается на авторов исторических романов. «Некоторые русские советские писатели, пишущие на исторические темы, наивно полагают, что чем больше они употребят старинных выражений, тем их произведение точнее и ярче передаст характер описываемой эпохи. Один из примеров подобного рода – многотомный роман В. Язвицкого «Иван III, государь всея Руси». Автор основательно изучил эпоху, проштудировал огромное количество документов. В его романе немало добротного материала... Но, увлечшись стариной, Язвицкий начал искусственно стилизовать язык. Он заставил своих героев говорить на наречии, переполненном устаревшими, книжно-церковными словами и выражениями.

«Велигласен вельми», «сиречь, на ково нать опиратися нам», «в окупе», «таймичищ», «сей часец яз», «наиборзе» – такими и подобными им словесными изощрениями пестрит и речь героев романа, и речь автора, до крайности затрудняя чтение.

Всё это искажает представление о языке наших предков. Между тем, изображая давние исторические времена, писателю вовсе нет нужды прибегать к такому изобилию книжно-церковных речений и к такому произвольному обращению с русской грамотой, как это делает В. Язвицкий» (Тарасенков Ан. О советской литературе. С. 200).

За книжно-архаический строй речи исторических лиц и вымышленных персонажей Ан. Тарасенков критикует не только В. Язвицкого, но и О. Форш, С. Марича и других исторических писателей.

На критику своих сочинений остро ответил К. Гамсахурдиа в «Ответе рецензенту», в котором резко возражал В. Шкловскому (Знамя. 1945), обвинившему писателя в том, что в X—XI веках он не показал взаимоотношений между Россией и Грузией: их не было.

«...И здесь не решился я «улучшать историю», ибо не занимаюсь фальсификацией истории.

Я не мог показать, как народ управлял страной, так как в это время простонародье не пускали за пределы хлебопекарни, бойни и кустарных маслобойных фабрик.

В обоих романах довольно детально отображены мною процессы труда и борьбы народа, показано, как воины царя Давида дрессировали лошадей, как делали барьеры и рвы для конницы, как строили подвижные деревянные башни и осадные сооружения, как боролись и страдали... Очень занятно то обстоятельство, что Шкловский меня учит любви к моему же народу» (*Гамсахурдиа К. Ответ рецензенту // Новый мир. 1946. № 4—5. С. 173*).

Гамсахурдиа воздерживается от оценки рецензии Шкловского, ссылаясь лишь на своего коллегу Н. Замошкина, давшего по другому поводу квалификацию маститого критика: «Сочинения Шкловского – свидетельство умственного беспорядка, отвращения к труду как организованному занятию и одновременно намеренной жажды оригинальничания, но его, как видно, не обучали составлять план сочинения» (*Замошкин Н. Неверная полуправда // Новый мир. 1944. № 11—12*).

Многие критики и литературоведы упрекали исторических писателей за увлечение архаической лексикой, устаревшими словами, старинными формами языка, якобы не передающими колорита эпохи, своеобразия действующих лиц, а прежде всего затрудняющими восприятие происходящего в романе или историческом повествовании.

«При знакомстве с нашей исторической прозой часто обращаешь внимание на чересполосицу языка, образуемую, с одной стороны, его народными разговорными формами, с другой – летописно-книжными образцами, – писал И. Эвентов. – Далеко не всегда нашим писателям удается найти тот прозрачный и чистый сплав живого и письменного языка, который отражает колорит прошлой эпохи, не нарушая сложившихся в течение столетий словесных и грамматических форм... Более тяжёлую картину представляет собою выпущенный издательством «Московский рабочий» трёхтомный роман В. Язвицкого «Иван III, государь всея Руси». Крючковатая, древнеславянская вязь, какою начертаны на обложке не только название романа, но и фамилия автора, во многом соответствует словесному колориту этого произведения. Оно изобилует таким чудовищным количеством мёртвых, древних, давно вышедших из употребления слов, что сам автор вынужден был выступить перед читателями переводчиком и комментатором своего произведения: на многих страницах он раскрывает смысл употребляемых им слов в специальных сносках, а в конце третьей книги даёт, кроме того, примечания к каждой главе.

Но так ли уж необходимо было употреблять в романе такие слова, как витень, саунч, израда, тавлеи, лепота, кипчаки, огничавый, перевезеся, гомозиться, инде, тайбола, – или целую серию слов церковно-ритуального обихода: паремии, кукуль, лжица, канон и другие? (Выписки сделаны нами из одного лишь второго тома романа.)

Недоволен критик и языком авторской речи: «За две седмицы до нового года... в день Онисима-овчарника, служил сам митрополит Иона обедню в соборе у Михаила-архангела.

Окончив служение, владыка Иона, не снимая облачения церковного, взошёл на амвон и, обращаясь к молящимся, возгласил...» (*Эвентов И. О новаторах и стилизаторах // Звезда. 1950. № 11. С. 174*).

Критик ссылается на вышедший в 1946 году в издательстве «Московский рабочий» роман В.И. Язвицкого «Иван III, государь всея Руси», задуманный как широкая и объёмная картина о русской жизни XV века, в которой принимают участие все слои русского общества.

Сохранилось не так уж много источников и ещё менее попыток показать это время в художественной литературе, поэтому трудности перед писателем были огромные.

«Княжич» (*Язвицкий В.* Иван III, государь всея Руси: Исторический роман: В 4 кн. Московский рабочий, 1951. Цитаты даются по этому изданию) – так называлась первая книга В. Язвицкого, в которой автор начинает изображение своего героя с пятилетнего возраста, как раз с того времени, когда его отцу Василию Васильевичу, великому князю Московскому, пришлось вступить в длительную борьбу за своё право на великокняжеский престол.

Н.М. Карамзин и С.М. Соловьёв подробно, ссылаясь на летописи и другие документальные свидетельства, описывают время жестоких испытаний после счастливой победы Дмитрия Донского на Куликовом поле. Начались новые распри между князьями, особенно после того, как Василий Дмитриевич, сын Дмитрия Донского, завещал быть великим князем Московским и Владимирским своему старшему сыну Василию, а не своим родным братьям, которые, по обычаю, должны были наследовать великокняжеский стол один за другим по старшинству. И вот полноправный наследник Дмитрия Донского, звенигородский князь Юрий Дмитриевич, права которого по заведённому веками порядку наследования были бесспорны, отказывается признать законность нового порядка наследования. Возникла трагическая ситуация, когда обе стороны, вступившие в непримиримый конфликт, отстаивали свою правоту: князь Юрий отстаивал старый порядок престолонаследия, а малолетний Василий Васильевич со своими ближними утвердился на московском и владимирском престоле по завещанию отца. Борьба была длительной и кровопролитной, то сходились в стычке их войска, то возникало перемирие, менялись обстоятельства, менялись великие князья на Москве и Владимире. Непримиримая борьба между дядей и племянником за великокняжеский стол много лет шла с переменным успехом. Борьба в особенности ожесточилась после того, как Василий Васильевич, одержав верх в одной из битв, ослепил старшего сына князя Юрия, Василия Косого, своего двоюродного брата. Затем в одном из столкновений одержали верх братья Юрьевичи – Василий Косой и Дмитрий Шемяка – и ослепили князя Василия Васильевича, прозванного после этого Тёмным.

В эти годы гражданской войны родился Иван Васильевич, будущий Иван III, государь всея Руси. На его глазах происходили бурные события, не раз ему вместе с матерью и младшим братом приходилось в спешке покидать Москву и убегать в дальние от отчины земли. Не раз он видел отца в затруднительных обстоятельствах, видел его поражения и неудачи, возникшие как следствие его вспыльчивого характера, не раз он видел, как отец принимал решения в состоянии гнева и смятения, и не раз он давал себе зарок не поступать так, как отец. Он видел, что отец в конце концов одержал победу, восторжествовал новый порядок престолонаследия от отца к старшему сыну, но какой ценой достался этот новый порядок... Об этом не раз задумывался юный Иван Васильевич, в отроческом возрасте ставший соправителем Великого княжества Владимирского и Московского, постоянно присутствовавший при всех заседаниях высшей власти в государстве, а в 1462 году ставший полновластным правителем обширного государства Российского.

О раннем взрослении Ивана писал ещё Н.М. Карамзин, ссылаясь на документы времени. С 1462 года, как только Иван вступил на престол, начинается настоящая государственная история России, «деяния царства, приобретающего независимость и величие», «образуется держава сильная, как бы новая для Европы и Азии, которые, видя оную с удивлением, предлагают ей знаменитое место в их системе политической». Много великих дел совершил Иван III, укрепил государственную власть, объединил многие русские города, во всех европейских государствах присутствовали его послы, а в Москву зачастили послы европейские, и во всех его деяниях просматривалась единая главная мысль, «устремлённая ко благу отечества». Содержание истории этого времени Н.М. Карамзин назвал «блестящей», Иван III «имел редкое счастье властвовать сорок три года и был достоин оногo, властвуя для величия и славы россиян». Обратив внимание на раннее повзросление Ивана III, который «на двенадцатом году жизни

сочетался браком», «на осьмнадцатом имел сына», Н.М. Карамзин далее даёт весьма существенную характеристику деятельности Ивана III: «Но в лета пылкого юношества он изъяслял осторожность, свойственную умам зрелым, опытным, а ему природную: ни в начале, ни после не любил дерзкой отважности; ждал случая, избирал время; не быстро устремлялся к цели, но двигался к ней размеренными шагами, опасаясь равно и легкомысленной горячности и несправедливости, уважая общее мнение и правила века. Назначенный судьбою восстановить единоедержавие в России, он не вдруг предпринял сие великое дело и не считал всех средств дозволенными» (*Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. VI. Гл. 1 // Москва. 1989. № 1. С. 105—106*).

Подводя итоги «блестящей истории» Ивана III, Карамзин писал: «Иоанн III принадлежит к числу весьма немногих государей, избираемых провидением решить надолго судьбу народов: он есть герой не только российской, но и всемирной истории... Россия около трёх веков находилась вне круга европейской политической деятельности, не участвуя в важных изменениях гражданской жизни народов... Россия при Иоанне III как бы вышла из сумрака теней, где ещё не имела ни твёрдого образа, ни полного бытия государственного» (Там же // Москва. 1989. № 3. С. 136—137). Иоанн «сделался одним из знаменитейших государей в Европе, чтимый, ласкаемый от Рима до Царяграда, Вены и Копенгагена, не уступая первенства ни императорам, ни гордым султанам; без учения, без наставлений, руководствуемый только природным умом, дал себе мудрые правила в политике внешней и внутренней; силою и хитростию восстанавливая свободу и целость России, губя царство Батаева, тесня, обрывая Литву, сокрушая вольность новгородскую, захватывая уделы, расширяя владения московские до пустынь сибирских и норвежской Лапландии, изобрёл благоразумнейшую, на дальновидной умеренности основанную для нас систему войны и мира, которой его преемники должны были единственно следовать постоянно, чтобы утвердить величие государства. Бракосочетанием с Софиею обратив на себя внимание держав, раздрав завесу между Европою и нами, с любопытством обозревая престолы и царства, не хотел мешаться в дела чуждые; принимал союзы, но с условием ясной пользы для России; искал орудий для собственных замыслов и не служил никому орудием, действуя всегда как свойственно великому, хитрому монарху, не имеющему никаких страстей в политике, кроме добродетельной любви к прочному благу своего народа. Следствием было то, что Россия, как держава независимая, величественно возвысила главу свою на пределах Азии и Европы, спокойная внутри и не боясь врагов внешних» (Там же. С. 138).

И, по мнению С.М. Соловьёва, Иван III, продолжая политику своих предков и пользуясь счастливыми историческими обстоятельствами, «доканчивает старое и вместе с тем необходимо начинает новое»: это новое не есть следствие его одной деятельности; но Иоанну III принадлежит почётное место среди собирателей Русской земли, среди образователей Московского государства; Иоанну принадлежат заслуги в том, что он умел пользоваться своими средствами и счастливыми обстоятельствами, в которых находился во всё продолжение жизни.

«При пользовании своими средствами и своим положением Иоанн явился истым потомком Всеволода III и Калиты, истым князем Северной Руси: расчётливость, медленность, осторожность, сильное отвращение от мер решительных, которыми было много можно выиграть, но и потерять, и при этом стойкость в доведении до конца раз начатого, хладнокровие – вот отличительные черты деятельности Иоанна III. Благодаря известиям венецианца Контарини мы можем иметь некоторое понятие и о физических свойствах Иоанна: он был высокий, худощавый, красивый мужчина; из прозвища Горбатый, которое встречается в некоторых летописях, должно заключать, что он при высоком росте был сутуловат...» (*Соловьёв С.М. История России с древнейших времен. М.: Голос, 1993. Т. 5*).

Современные историки также выделяют правление Ивана III в череде исторических событий: «Московия стала ведущим русским государством, а авторитет её великого князя усилился неимоверно. Новый облик Московии и её международный рост внезапно поразили мир

во время правления Ивана III (1462—1505)», – писал Георгий Вернадский (*Вернадский Г. Русская история. М.: Аграф, 1997. С. 90*).

Новаторство Валерия Язвицкого в том, что он впервые создал художественный образ великого князя Ивана III, во многом соответствующий летописным и историческим свидетельствам. В. Язвицкий задумал показать процесс формирования характера Ивана III; он хорошо знал конечный результат этого процесса, а потому уже с первых страниц романа воссоздаёт такие детали и подробности княжеского быта, которые питают впечатлительную душу гениального ребёнка, необычного и по рождению, и по воспитанию его драматическими обстоятельствами. То, что приобретает годами детства, гениальный ребёнок схватывает мгновенно, опережая в своём развитии своих сверстников. Таким и показывает его автор.

Вот почему Иван III с младенческих лет начал вникать в государственные дела, он «памятлив очень», выглядывая из окна, смотрит, как от Кремля веером расходятся дороги, и думает о войне, о татарах, об отце, который ушёл на войну с татарами. «Смутные думы сами идут к Ивану со всех сторон, и тяжело ему на душе стало...» (*Язвицкий В. Иван III – государь всея Руси. С. 36*). Он видит, как переживает его мать, великая княгиня Мария Ярославна, как она в молитве просит Бога побить царя Махмета, защитить и помиловать князя Василия и всё христианское войско, ушедшее с ним, просит спасти великого князя ради младенцев Ивана да Юрия. И всё это каждодневно увиденное и запечатлённое в его восприимчивой душе формирует в нём рано взрослеющего княжича, будущего правителя и вождя. Отсюда и портретная характеристика: «Стройный и высокий не по годам, он в задумчивости гладил рукой угол изразцовой печки с голубой росписью и, хмуря брови, о чём-то усиленно думал. На вид ему было лет восемь, но большие, тёмные и строгие, как у матери, глаза смотрели так умно и остро, что казался он ещё старше» (Там же. С. 38).

И в грамоте он силен не по годам, «умной головушкой» называет своего любимца старая бабка Софья Витовтовна. Мир и согласие царят в семье, любовь и почтение к старшим, молиться, «как подобает», – внушают ему мать и бабушка. Отец Александр внимательно следит за его учением, радуется тому, что «Господь вразумляет» его грамоте: «...на шестом году токмо азбуку учат, а ты упредил и тех, что на седьмом году учат: и часовник, и псалтырь прошёл» (Там же. С. 42).

В. Язвицкий хорошо познал быт и нравы великокняжеского двора, подробно описывает он одежду, постройки, обеды, моления, трапезы, обряды, взаимоотношения повелителей и слуг дворцовых, – во всём чувствуются основательные познания и доброе отношение к давно ушедшему миру, независимо от того, кого описывает он в данный миг – слуг или повелителей.

Софья Витовтовна, дочь великого князя Литовского, оставшаяся вдовой после смерти старшего сына Дмитрия Донского – Василия Дмитриевича, высказывает и главную идею своего времени, и отношение к удельным князьям Дмитрию Шемяке и Василию Косому: «...враги-то наши тово не мыслят, што они – токмо краешки, а се редка-то всему – Москва, всё под Москву само придёт. Всех их Москва съест, а без Москвы Руси не стоять...» (Там же. С. 46).

С десяти лет великий князь Василий Васильевич остался без отца, и Софья Витовтовна с детства его «государствованию вразумляла» и многое из своего опыта внушала и Ивану Васильевичу, будущему Ивану III.

Отец Александр, мамка Ульяна, Данилка, сын дворецкого Константина Иванныча, сам дворецкий, старый Илейка, воины Яшка Ростопча и Фёдорец, татарский сотник Ачисан, бояре – все эти персонажи действуют в первой главе и надолго остаются в памяти читателей, прямо или косвенно оказывая на княжича Ивана своё влияние, внушая ему ненависть к татарам, взявшим в плен его отца, и вызывая неподдельный страх у жителей Москвы в ожидании нового нашествия губительной силы татарской.

При всех драматических событиях присутствует княжич Иван, бурно переживает услышанное о поражении отца. После Куликовской битвы татары нападают на Русь... И в душу княжича естественно вошла дума: как только вырастет, всех татар побьёт, не даст никого в обиду.

В неполные десять лет Иван стал соправителем отца, вместе с ним участвовал во всех советах, слушал, внимал умным речам. Снова Шемяка нарушил крестное целование, собрал великую силу, подошёл к Костроме. А тут снова татары оказались под Москвой. Как бороться с татарами, если войско великого князя пошло усмирять «гада змею подколодную» Шемяку. Отец внушает Ивану, чтобы он помнил главное, что стоит перед государем Московским: «Перво-наперво Шемяку совсем порешить, а потом Новгород проклятый совсем сломать, хребет ему переломить, только тогда наступит долгожданная тишина на Руси», только тогда, скопив силы, можно не бояться татар. Новгород и Шемяка опаснее татар, «крест целуют, а нож за пазухой держат». А главное – сбывается одна из самых затаённых глубоких мыслей – бить татар силами других татар. Так войско царевича Касима прогнало от Москвы татар Ахмата.

В самый разгар работы над романом стали появляться первые отзывы в печати. Ф. Александрова, отметив, что в романе верно отражена борьба между реакционными и прогрессивными силами в складывающемся национальном государстве, что автор, опираясь на данные исторической науки, правдиво освещает прогрессивную роль церкви, выступавшей против междоусобной борьбы удельных князей с великим князем Московским, вместе с тем писала, что «в первой книге романа автор не сумел отвести народу то место, которое он занимал в истории борьбы за государственное единство. Внимание писателя слишком пристально приковано к событиям вокруг великокняжеского двора» (Знамя. 1947. № 9. С. 177).

Совершенно справедливо критик говорит и о том, что автор тщательно проработал все известные источники об этом времени, внимательно изучил его предметные стороны, архитектуру старой Москвы, костюмы, одежду, домашнюю утварь, меню великокняжеского двора и монастырей, церковный календарь, а главное – язык того времени.

И казалось бы, это все положительно характеризует писателя и его сочинение, пронизанное правдой. Но критик делает совершенно неверный, в угоду времени, вывод: «Эта кропотливая подготовительная работа достаточна для придания роману видимого правдоподобия и внешней убедительности, но она не может заменить подлинного проникновения в дух и характер эпохи. Это проникновение, достигаемое прежде всего верным изображением чувств, представлений и отношений людей, в романе Язвицкого подменяется натуралистическим копированием языка и преувеличенно подробным описанием материальной обстановки» (Там же).

Сложный, глубокий, противоречивый характер Василия Тёмного, в котором автор показал много человеческого, по мнению критика, получился неудачным: «В романе благодушные и мягкость Василия Васильевича, характер которого, по беглому замечанию Ключевского, совсем не подходил для выпавшей на его долю боевой роли, перерастает в слезливую сентиментальность, так мало свойственную русскому человеку XV века. Московский князь, тоскливо умиляющийся при звуках татарской песни, «виновато, как малый ребенок», просящий у епископа перевода в Москву «зане великогласного вельми» диакона, тронутый до слёз и дрожания в голосе видом своего сына на коне, вообще умиляющийся и пускающий слезу чуть ли не на каждой странице романа, неправдоподобен исторически и психологически» (Там же. С. 177—178).

Критик также считает, что образ пятилетнего Ивана, будущего Ивана III, не удался. Приведя несколько цитат из романа, из которых следует, что Иван быстро вырос и высказывал довольно умные мысли, критик не верит ни одному слову и восклицает: «Невероятно!»

А между тем ничего невероятного автор и не показывает. Он только следовал давно сложившемуся представлению, что Иван III был незаурядным человеком, на много лет опередившим своё время, ему с детских лет пришлось принимать участие чуть ли не во всех государственных мероприятиях, он жадно впитывал всё, что вокруг него происходило, познал

сущность дворцовых интриг, значение церковной службы в каждодневной жизни человека. И не случайно он так любил свою бабушку Софью Витовтовну, выдающуюся женщину своего времени. Автор и задумал показать, что рано проявившиеся сознательность, твёрдость, сила воли совсем не нарушают психологической правды, а, наоборот, лишь подчёркивают, что великим государем Иван стал в будущем совсем не случайно, а закономерно, вовлечённый в сложную жизнь своего времени и воспитанный трагическими обстоятельствами.

«Самое неприятное в романе В. Язвицкого – елебно-слащавый тон, идиллическое изображение быта великокняжеского двора, отношений между членами княжеской семьи и дворцовой челядью.

XV век – жестокое время, и жестокость эта проявлялась не только в изуверских формах борьбы с врагом, но и в суровой сдержанности всех – даже самых нежных – чувств. Эту суровую сдержанность нравов эпохи не сумел передать в своём романе В. Язвицкий. Исключение – Софья Витовтовна, образ наиболее удавшийся автору» (Там же. С. 178).

Упомянув о том, что в русской литературе есть два произведения («Басурман» Лажечникова и «Римлянка» А. Несвицкого), в которых авторы касаются того же времени, что и Язвицкий, критик удивляется тому, что «оба упомянутых автора меньше идеализируют прошлое, не курят так фимиам вокруг русской старины, московских князей и духовенства, как это делает советский писатель В. Язвицкий» (Там же).

Всякая идиллия должна быть исключена, потому что оборотной стороной централизации государственной власти в России всегда была эксплуатация крестьян и ремесленников. Критик усмотрела в описании нормальных человеческих отношений модернизацию человеческих чувств, понятий и отношений. Роман В. Язвицкого, по мнению критика, также грешит «безудержной архаизацией повествования».

А попытка автора передать исторический колорит того времени, используя элементы стилизации, критику кажется психологической и эмоциональной подделкой под старину. Писатель не должен с умилением описывать все эти святые иконы, святые монастыри, восторгаться тем, как «хорошо вокруг града святова – Ростова Великова». Все эти описания, передающие подлинные чувства верующего писателя и восхищающегося действительно праведным бытом княжеской семьи, кажутся критику «паникадильными», кажутся «недостойным маскарадом, к которому не прибегали ни Лажечников, ни Загоскин». Всё это «коробит советского читателя».

И уж совсем напраслину возводит критик на писателя, обвиняя его в том, в чём он действительно совсем не виноват, в том, что «авторская речь обильно пересыпана архаическими словечками и оборотами речи, искажёнными собственными именами», в том, что писатель «загромождает» речевую ткань «непонятными без словаря терминами и рабски копирует её транскрипцию».

«Из всего сказанного можно сделать только один вывод: большая и трудная работа, проделанная писателем, не увенчалась успехом. Это произошло потому, что романист шёл не по пути социалистического реализма, а по пути эмпирического воспроизведения внешних признаков эпохи, и при этом впал в слащавую, антиисторическую идеализацию прошлого» (Там же. С. 179), – вынесла свой обвинительный вердикт критик Ф. Александрова.

Эта вульгарно-социологическая точка зрения вполне укладывалась в трафаретные положения социалистического реализма, полагаясь на правоту которых авторам исторических сочинений следовало изображать царей, бояр, князей только с точки зрения последующих результатов классовой борьбы, только в чёрном свете, только как гнусных эксплуататоров чёрного люда, только с уродливыми физиономиями и с уродливой душой.

В. Язвицкий попытался реконструировать прошедшую жизнь такой, какой «продиктовали» её изученные им исторические летописи и другие документы. Он показал, как рос, формировался, мужал и обретал самостоятельность великий русский государь – Иван III, какие трудности преодолевал он, создавая единое могучее государство, преодолевая устремления

удельных князей, прежде всего убеждая своих единокровных братьев быть с ним заодно. Тяжёлое иго татарское всё ещё висело над Русью. А с Запада по-прежнему был силен напор латинской веры, устремления папы подчинить Русь своему влиянию. И сокрушение власти Новгорода на западных рубежах России одно время становилось главной задачей. А потом уже Угра и окончательное освобождение от татарской дани, гибель Ахмата.

В изображении Ивана III критики 60-х годов усмотрели «идеализацию», а значит, «искажение сущности исторического героя»: «Описание царских палат и одежд, пиров и приёмов в пятитомном романе В. Язвицкого «Иван III – государь всея Руси» сделаны в точности и любовью антиквария. А сам государь? Он с детства отличается остротой ума и крайним благородством. Он и объединитель русских земель, и народолюбец, и прозорливец, и каждый шаг, каждая мысль его продиктованы лишь заботой о благе Руси. Вместо портрета – «парсуна», почти икона, сквозь которую еле-еле брезжит реальность» (Новый мир. 1965. № 2. Цит. по: *Литература и современность*: Сборник 6. Статьи о литературе 1964–1965 годов. М.: Художественная литература, 1965. С. 379).

Критик даже не допускает возможности, что сущность исторического героя, его поступки, его действия, его мысли и устремления могут быть действительно пронизаны «крайним благородством», Иван III был действительно умным правителем, благородным человеком, внимательным отцом, любящим мужем и «народолюбцем».

Все эти качества В. Язвицкий не придумал, а извлёк из летописных свидетельств, из исторических сочинений замечательных русских историков, которые выделяли Ивана III как гениального правителя, во многом опередившего своё время. Иван III предстаёт в процессе формирования его личности, его нравственного облика. Всё лучшее, что было в суровом XV веке, внушали ему отец и мать, «бабушка» Софья Витовтовна, великая дочь своего времени, вдова старшего сына Дмитрия Донского, дьяки и подьячие, священники и простые слуги, бояре и воеводы, служившие великому князю не за страх, а за совесть, а главное – свою веру в силу и в отечество, веру в Бога. И этот процесс формирования, со всеми реалиями, деталями и подробностями, передал В. Язвицкий, и, что характерно, передал языком того времени, в транскрипции того времени.

В 1948 году был опубликован роман А.К. Югова (1902–1979) «Ратоборцы. Эпопея в двух книгах»: первая книга посвящена изображению жизни и деятельности Даниила Галицкого, вторая – Александру Невскому. Действие эпопеи начинается в 1245 году, когда нашествие монголов опустошило русские земли, Польшу и Венгрию, Молдавию и Болгарию, Северный Китай и Корею, когда Монгольская империя простиралась от Тихого океана до Балкан и не было силы, способной противостоять им. «Состояние России было самое плачевное: казалось, что огненная река промчалась от её восточных пределов до западных; что язва, землетрясение и все ужасы естественные вместе опустошили их, от берегов Оки до Сана, – писал Н.М. Карамзин. – Летописцы наши, сетуя над развалинами отечества о гибели городов и большей части народа, прибавляют: «Батый, как лютый зверь, пожирал целые области, терзая когтями остатки. Храбрейшие князья российские пали в битвах; другие скитались в землях чуждых; искали защитников между иноверными и не находили; славились прежде богатством и всего лишились. Матери плакали о детях, пред их глазами растоптанных конями татарскими, а девы о своей невинности: сколь многие из них, желая спасти оную, бросались на острый нож или в глубокие реки! Жёны боярские, не знавшие трудов, всегда украшенные золотыми монистами и одеждою шёлковой, всегда окружённые толпою слуг, сделались рабами варваров, носили воду для их жён, мололи жерновом и белые руки свои опалили над очагом, готовя пищу неверным... Живые завидовали спокойствию мёртвых». Одним словом, Россия испытала тогда все бедствия, претерпенные Римскою империею от времен Феодосия Великого до седьмого века, когда северные дикие народы громили её цветущие области. Варвары действуют по одним пра-

вилам и разнствуют между собою только в силе» (*Карамзин Н.М. История государства Российского* // Москва. 1988. № 8. С. 103).

Русские князья действовали поодиночке, мужественно бились с полумиллионной армией Батые, ни в чём не уступая в воинском искусстве, как и «ни одному из тогдашних европейских народов», но «малочисленные же ратники наши могли искать в битвах одной славы и смерти, а не победы» (Там же).

В трагическом положении оказались русские князья и весь русский народ, свободный и независимый по своей натуре, по своей природе, но растерзанный и бессильный противостоять монгольским ордам. Никто не смирился с поражением, но никто не знал выхода из этого трагического положения. И здесь наметились два пути, на многие десятилетия определившие исторический выбор России.

«Первые двадцать пять лет монгольской власти на Руси были для русских самими тяжёлыми, – писал Георгий Вернадский. – Потрясённые своим несчастьем, они сначала не знали, что делать дальше. Всем русским князьям было предъявлено требование признать себя вассалами хана; никому не было разрешено занимать своё место без ханского ярлыка, который не давался, пока князь лично не явится к хану. Поездка «в Орду» – в лагерь хана – была одновременно и опасной, и унижительной. Первыми поехали получать ярлыки князья восточной Руси (а затем и западной). Ещё до этого некоторые из них делали тайные приготовления для восстания. Другие, потерявшие надежду на немедленное освобождение от власти монголов, особенно в условиях продолжавшегося давления тевтонских рыцарей с запада, выступали за лояльное отношение к хану, видя в этом единственно разумный образ действий. Представителем князей первой группы был князь Даниил Галицкий, представителем второй – Александр Невский.

Даниил принял решение просить Запад и папу оказать помощь в организации римских католических крестоносцев против монголов. Папа прежде всего потребовал, чтобы русская церковь приняла его власть. Получив это заверение от Даниила, он отправил к нему королевскую корону (1253 г.). Ободрённый первым проявлением западной поддержки, Даниил запросил вспомогательные войска и был, естественно, очень разочарован, когда помощи не получил. В свою очередь папа был не удовлетворён тем, что русское духовенство не признало его авторитет. В итоге Даниил оказался в одиночестве в рискованном противоборстве с монголами. Некоторое время спустя новый монгольский хан Берке направил свои войска в Галич, и Даниил не смог сопротивляться. Он бежал в Польшу, затем в Венгрию, а Галич и Волынь были опустошены монголами (1260 г.). У Даниила не было выбора – он стал ханским вассалом и умер в 1264 году.

Александр Невский получил ярлык на великое княжение в Киеве от великого хана Гуюка. Однако он не поехал в опустошённый город, а остался в Новгороде. Несколько лет спустя сын Бату даровал ему великое княжение во Владимире. Будучи убеждён, что Русь не может противостоять одновременно натиску немцев и монголов, Александр принял твёрдый политический курс на ханское покровительство; он никогда не отходил от этого, и его наследники следовали такой же политике в течение почти столетия. Хотя Александр лично и не был вполне лояльным вассалом хана, но он настаивал, что в данных обстоятельствах нужно воздержаться от враждебных действий против монголов. По его мнению, восстание сейчас неизбежно будет гибельным» (*Вернадский Г. Русская история*. С. 69—70).

Такова историческая основа эпопеи Алексея Югова «Ратоборцы».

Есть ещё одно обстоятельство, которое необходимо учитывать при анализе идейно-художественных особенностей этого сочинения. Обратимся к труду С.М. Соловьёва: «Изложив общие черты нашей древней летописи, скажем несколько слов об особенностях изложения, которыми отличаются различные местные летописи. До нас от описываемого времени дошли две летописи северные – Новгородская и Суздальская и две южные – Киевская, с явными вставками из Черниговской, Полоцкой и, вероятно, других летописей, и Волынская. Новго-

родская летопись отличается краткостью, сухостью рассказа; такое изложение происходит, во-первых, от бедности содержания: Новгородская летопись есть летопись событий одного города, одной волости; с другой стороны, нельзя не заметить и влияния народного характера, ибо в речах новгородских людей, внесённых в летопись, замечаем также необыкновенную краткость и силу; как видно, новгородцы не любили разглагольствовать, они не любят даже договаривать своей речи и, однако, хорошо понимают друг друга; можно сказать, что дело служит у них окончанием речи; такова знаменитая речь Твердислава: «Тому есмь рад, оже вины моей нету; а вы, братье, в посадничестве и в князех». Рассказ южного летописца, наоборот, отличается обилием подробностей, живостью, образностью, можно сказать, художественностью; преимущественно Волынская летопись отличается особенным поэтическим складом речи; нельзя не заметить здесь влияния южной природы, характера южного народонаселения; можно сказать, что Новгородская летопись относится к южной – Киевской и Волынской, как поучение Луки Жидяты относится к словам Кирилла Туровского» (*Соловьёв С.М. История России с древнейших времён. Кн. 2. Т. 3—4. С. 91*). Сравнивая поучение новгородского епископа Луки Жидяты с поучением Кирилла Туровского, С.М. Соловьёв писал: «Другим характером отличаются поучения южного владыки, Кирилла Туровского, как вообще памятники южнорусской письменности отличаются от северных памятников большею украшенностью, что, разумеется, происходит от различия в характере народонаселения: иной речи требовал новгородец от своего владыки, иной южный русин от своего». Что же касается до рассказа суздальского летописца, то он сух, не имея силы новгородской речи, и вместе многоглаголив без художественности речи южной; можно сказать, что южная летопись – Киевская и Волынская – относится к северной, Суздальской, как «Слово о полку Игореве» относится к сказанию о Мамаевом побоище» (Там же. С. 140).

Признавая огромный интерес писателей к исторической теме в послевоенное время и сам факт, что действительно никогда не издавалось в России такого количества исторических романов, не ставилось такого количества пьес в театрах и такого количества фильмов в кино, Е. Полякова в статье «Минувший век во всей его истине...» («Заметки об историческом романе») писала:

«Но во многих фильмах и спектаклях, картинах и романах тех лет тускнела сложившаяся уже традиция советского исторического искусства – изображение жизни в главном её направлении и в её сложности, неременное включение героев в огромные общие процессы народной жизни.

Отступали на второй план беды крестьянской жизни... Многие писатели обращались к изображению минувшего века, но немногие были верны изображению минувшего века во всей его истине. Сложность не анализировалась, но замалчивалась. В то же время антиисторичность общей концепции, робость в раскрытии противоречий времени и характеров сочетались с подробнейшим воссозданием внешних черт эпохи. Длиннейшие описания яств и питий за царскими и боярскими столами, старинных одежд, посольских приёмов и даров часто существовали в книгах сами по себе, не столько помогая раскрыть глубину исторического процесса, сколько затеняя эту реальность пышной многостраничной экзотикой...» Упрекая писателей в том, что они создают «парадно-лубочные портреты», «парсуны», почти иконы, «сквозь которые еле-еле брезжит реальность», новомирский критик резко и несправедливо говорит о романе А.К. Югова «Ратоборцы», в котором якобы «Русь XII – XIII столетий представляла народной сплочённой державой, которая жила бы в золотом веке, если бы не монголы»: «Почти всегда такое идеализирование, искажение сущности исторического героя сочеталось с неточностью «формы» романа, с неумением воплотить образ именно в исторической конкретности. В «Ратоборцах» А. Югова великий князь, возвращаясь от хана, думает такими словами: «Боже! Да неужели же всё это позади: Батый, верблюды, кудесники, ишаки и кобылы, лай овчарок, не дававший спать по ночам, и все эти батыри, даругинойоны, агаши, исполненные подобострастия

и вероломства, их клянча, и поиски, и гортанный их, чуждый русскому уху говор, и шныряющие по всем закоулкам – и души и комнаты – узкие глаза?! Эти изматывающие душу Батыевы аудиенции... Неужели всё это позади – в пучине минувшего? Неужели скоро увижу увалы Карпат, звонкий наш бор, белую кипень цветущих вишневых садов... Анку (княгиню. – В. П.)?»

Из объективной, непреложной реальности история превращалась в непомерно растянутую притчу о величии России...» (*Полякова Е.* Минувший век во всей его истине... (Заметки об историческом романе) // *Новый мир.* 1965. № 2. Цит. по: *Литература и современность: Сборник 6. Статьи о литературе 1964–1965 годов.*)

Отрицательную оценку у критика «Нового мира» получают, кроме «Ратоборцев», такие романы, как пятитомный роман В. Язвицкого «Иван III – государь всея Руси», трилогия В. Костылёва «Иван Грозный», драматическая дилогия Алексея Толстого – все это «непомерно растянутая притча о величии России». А.Н. Толстой и В.И. Костылёв изобразили Ивана Грозного, «полубезумного деспота и распутника, ошеломившего своими жестокостями даже выдавший виды XVI век», «мудрейшим из русских государей, возлюбленным рыцарем, любящим мужем, а у Костылёва – «тема мудрого царя, «народного царя» доводилась почти до абсурда» (Там же. С. 380).

Во всех этих произведениях критик «Нового мира» усмотрела лишь «парадные портреты великих людей» да «бесконфликтность в изображении минувших эпох».

Объективное прочтение романа «Ратоборцы» полностью опровергает мнение критика «Нового мира».

А.К. Югов, рассказывая о том, как он писал свой роман «Ратоборцы», вспоминал, что «явственное, яркое, вещественное виденье» эпохи Даниила Галицкого и Александра Невского к нему пришло только после того, как он «несколько лет начитывался и насматривался», часто бывал в Оружейной палате, Историческом музее, Галицко-Волынскую летопись всю переписал от руки, тщательно изучал «Материалы для словаря древнерусского языка» И.И. Срезневского, Нестора, Карамзина, Татищева, Соловьёва, Буслаева, Шахматова, Аристов, Никитского, Рыбакова, Третьякова, Воронина, Арциховского, Колчина, Грекова, Тихомирова, Тизенгаузена, Березина, Грушевского, Дашкевича, Экземплярского, Линниченко... «Киевская Русь и Золотая Орда, Ватикан, Византия, русское духовенство тех времён и вообще церковные дела; земледелие и промышленность, обычаи и законы, не говоря уже о военном деле, – всем этим надо было годы начитываться, чтобы начать видеть и слышать!» – писал А.К. Югов (*Югов А.* Знание и виденье // Москва. 1990. № 9. С. 197).

А главное – как воспроизвести живую русскую речь того времени?

С первых же страниц своего произведения автор вводит читателей в гущу бурных событий XIII века русской истории: снова, как уже не раз перед этим, идут на Галицко-Волынскую Русь «угры», так прозывали венгров в то время. «Неугомонный, задорный сын черниговского князя Ростислав Михайлович», как характеризует его Н.И. Костомаров, зять венгерского короля Бэлы IV, собрал большую армию и осадил Ярослав. На другой день рано утром («Да не застанет вас солнце в постели!» – любимая поговорка князя) Даниил Галицкий созвал военный совет. Автор сразу же даёт портрет князя: «...князь скоро вошёл – такой, как всегда: высок, строен, широк в плечах, сдержанно-стремителен...» С любовью, чуть ли не восторженно, описывает А. Югов портретные детали князя и его одежду: ему чуть больше сорока, волнистые волосы с проседью ниспадают почти до плеч, небольшая борода аккуратно подстрижена. «На князе его обычная, излюбленная одежда: тонкого синего сукна княжий плащ – корзно, подбитый алым дамасским шелком, застёгнутый на правом плече золотой застёжкой так, что свободной оставалась правая рука. Под плащом, поверх широкого кожаного пояса, – расшитая, синего сафьяна, короткая безрукавка, расстёгнутая на груди, что из века в век носят русские горцы в Карпатах. Рукава бледно-розовой сорочки на запястьях застёгнуты запанами крупного жемчуга. Синие широкие шаровары охвачены у колена гибкими, облегающими ногу сапогами

жёлтого хоза, без каблуков, на мягкой подошве. Слева, на кожаной, через плечо, перевязи, меч отца, деда, прадеда, меч Романа, Мстислава, Изяслава... Голос его был просторен и благозвучен...» (Югов А. Ратоборцы: Эпопея: В 2 кн. М.: Советский писатель, 1956. С. 8).

Даниил Галицкий и трое близких ему воевод высказали догадку, что венгерские рати не осмелятся двинуться сразу на Галич, а, скорее всего, возьмут в осаду Ярослав или Перемышль. Совецание было коротким, и ещё не успели пропеть петухи, как из Холма, княжеской, только что основанной и выстроенной столицы, помчались послы к князю литовскому Миндовгу, к польскому князю Конраду и в стан венгерского полководца Фильния к князю Ростиславу. Даниил Галицкий просил помощи у своих союзников, а князя Ростислава нужно было уговорить остановить вторжение, напомнив ему, что русским христианам подобает быть едиными, когда вторгается враг.

Мелькают картина за картиной, эпизод за эпизодом, и как живые предстают перед читателем князь Ростислав в белоснежной шёлковой сорочке на складном, с подлокотниками, ременчатом стуле, сумрачный, не в духе после вчерашней попойки с венграми; его «угрюмый телохранитель гуцул»; боярин Кирило, посол Даниила Галицкого, в посольской одежде, торжественный и величественный; венгерский полководец Фильний в стальной кирасе и багряном шёлковом плаще; на помощь приходит брат Басилько, «и умом силен, и дерзновением»; старик Андрей Дедива, старейшина карпатских горцев, помнивший Ярослава Осмомысла и ходивший с великим Романом, отцом Даниила, и на венгров, и на поляков, и на половцев, и на ятвягов; карпатские горцы – руснаки и гуцулы – «рослые и могучие, но лёгкие поступью, в белых, без ворота сорочках, с вышивкой на плечах»; Андрей-дворский, «телом хил, а душою Ахилл», – говорил о своём любимце и первом помощнике сам Даниил Галицкий...

По всей отчине потекли добровольцы в стан князя. С «добрыню, лаской и яносердием» принимал князь всех добровольцев. Пришли к нему и гуцулы, сбежавшие от лютоści боярской в леса и там укрывшиеся, «освоившие там новые для себя пашни, на горях и чащобах». Но, услышав княжеский призыв, пришли «застоять Русскую Землю от човекохищников и разбойников», «пришли кровь пролить на божьем пиру».

Старший из толпы беглых смердов смело и честно признаётся, что сбежали они от боярина потому, что он их не только работой и поборами «умучил», «а ещё и для охоты и для облоги звериной, когда ему только надо, от пашни народ отрывает и по неделям держит в трущобнике» (Там же. С. 19). Хотел схитрить Андрей-дворский и не всю правду сказал об этих беглых смердах, но прозорливый Даниил сразу почуял, что верный ему Андрей-дворский что-то скрывает от него. Сразу помрачнел, стал угрюмым: «– Кто их привёл?.. Почему тиун боярский не с ними?» И всё стало ясно: «Бедный Дворский только развёл руками и договорил остальное, утаённое». Князь видит, что действительно перед ним «народ всё могучий», как говорит Андрей-дворский, «такой пластанет мадьярина – на полы до седла раскроит», но он не может «покрыть» их своей княжеской милостью, гневно прикрикнул он на своего воеводу: «... Недоброугодное молвишь!.. Ты должен сам понимать: каждая держава своим урядом стоит! И этого уряда не должен сам князь рушить!.. Ты скоро скажешь мне: беглых холопов боярских прощать и в добрые воины ставить?!» (Там же. С. 20).

«Скорбный и сумный» Даниил Галицкий смотрит на встречный поток русских беженцев, спасавшихся от венгерского нашествия. С почтением склонил голову перед старой русинкой-беженкой, помнившей ещё великого Романа. «Ласково» встретил боярина Кирилла, дожившего ему о переговорах с Ростиславом и Фильнием, пошёл вдоль ратного стана проверить стражу и распорядок. Слушая девическую песню, доносившуюся из беженского лагеря, вспомнил князь свою любимую супругу Анну, родившую ему четверых сыновей и дочку Дубравку, вспомнил, «как благословляла и вооружала его, и плакала, и молчала», и «боль стиснула ему, князю, сердце». Подошёл к осаждённому Прославу, перевёл свои войска на другую сторону Сана, ударил на поляков и Ростислав, обратившись к своему войску со словами: «Земляне

мои!.. Галичане, волынцы, щит Земли Русской, станем крепко! Кто медлит на бой – страшливу душу имат! Воину же – или победить, или пасть! А кому не умирать?» (Там же. С. 25).

Мужественно и толково руководит князь боем, посылая то Дворского, «зная разум его и храбрость», то, «внимая гулу и стону битвы», Даниил безошибочным слухом и чутьём полководца узнал тот миг, когда заколебались весы сражения, «ринул ещё один полк», то сам помчался на левый фланг, услышав от нарочного просьбу о подмоге, остановил отступавших, подбодрил их словами:

«– Воины, – крикнул он голосом, преодолевшим гром и рёв битвы. – Братья! Пошто смущаетесь?! Война без падших не бывает! Знали: на мужей ратных и сильных идём, а не против жён слабых! Ежели воин убит на рати, то какое в том чудо? Иные и в постели умирают, без слав! А я – с вами!

И откликнулись воины:

– Ты – наш князь! Ты – наш Роман!

Сызнава ринулись на врагов. А князь помчался вдоль войска – от края до края, и всюду, где проносился он, посвечивая золотым шлемом, долго стоял неумолкаемый радостный клич...» (Там же. С. 32).

То во главе отборного, «бурями всех сражений от малейшей мякины провеянного», полка бросился в гущу самой битвы, дорубился до королевской хоругви, вокруг которой заклубилась невиданная до сей; поры сеча...». Даниил же дорвался до королевской хоругви, «пристал в стременах и яростно разодрал на полы тяжёлое шелковое полотнище – вплоть по золотой короны Стефана» (Там же. С. 34).

А во время праздничного пира, устроенного по случаю этой великой победы, «дружина и наихрабрейшие ополченцы» объяснялись в любви и преданности своему князю: «...И ведь что он есть за человек! И рука-то у него смеётся, и нога смеётся! И всему народу радостен!...» И как только князь сказал, что пить ему больше не велено, возмутились воины: кто же смеет не велеть князю. «Даниил же, затаивая улыбку, отвечал:

– Князю, други мои, подобает по заповеди святых отец пити. А отцы святые узаконили православным по три чаши токмо и не боле того!»

Но радость победы длилась недолго: татарский гонец привёз грамоту от Батыею, на которой было всего лишь два слова после длиннейшего титула «Дай Галич!».

На чрезвычайном совете, выслушав всех своих близких, Даниил Галицкий понял, что неоткуда ждать ему помощи против силы татарской, крепости не завершены, разрушенные Батыею города и сёла не восстановились, венгры не смирились со своим поражением, ждут случая, чтобы снова напасть, союзники польские и литовские ненадёжны, думают только о своих выгодах, «непосильно в открытом бою» противостоят Батыею, «неисчислимым многолюдством своим и лошадьёю» он может задавить, а потому, решил князь, он поедет в стан Батыею сам.

По дороге к Батыею о многом передумал Даниил Галицкий, вспоминая давнюю и недавнюю историю своей родины. Широко используя несобственно-прямую речь, А. Югов воссоздаёт картины прошлого как нечто близкое и пережитое самим князем.

Повержена гордость доблестного воина и государя.

Горько было ехать на поклон к хану, но ради возрождения Руси князь Даниил Галицкий должен был сделать вид, что он покорился.

Князь Даниил получил превосходное образование, учил латынь и греческий, с детских лет познал польский и немецкий, изучал историю русскую, византийскую и западных стран, читал священоотческие книги, упоминает в разговоре с Андреем-дворским Маврикия-стратига и Прокопия, историю антов, предков наших...

Интересная деталь: в Орде князь Галицкий приводит в порядок свои ногти с помощью «ножничного отрока» Федю, то же самое и Александр Невский. Б.Д. Греков, рецензент, кон-

сультант и друг А.К. Югова, засомневался в этом. Но вскоре эта подробность подтвердилась: А.В. Арциховский во время новгородских раскопок нашёл златокостяной набор для маникюра в пластах XII—XIII веков (Югов А. Знание и виденье. С. 197).

С той же исторической достоверностью и психологической точностью реконструировано пребывание Даниила Галицкого в ставке Батыя; встреча с Батыем, их разговоры, полные достоинства и мужества, сдержанности в словах и неторопливости в движениях; приём у великой хатунь Батыя Баракчи; возвращение в родные места; мучительное известие о смерти любимой жены; державные заботы великого князя Галицкого, укрепившего свой авторитет в Европе после успешного возвращения от самого Батыя не опальным вассалом и данником, а союзником тому, кто повелевает царями, королями и герцогами. Прежде враждебный венгерский король согласился выдать свою дочь за сына Даниила Галицкого Льва, дружба двух европейских властителей была выгодной для Русской державы. Немцы задумали захватить северные области Венгрии, князь Галицкий согласился копить полки и помочь свату, если понадобится, а пока решено было отколоть Тевтонский орден от императора Фридриха.

Пригласил великого магистра с приближёнными, устроил великий смотр своих войск, охоту на зубров, а потом великую попойку: «... Не бокалами пили – из шлемов!»

Автор описывает бурную деятельность князя этого периода: тот укрепляет города, приглашает со всех сторон переселенцев, предоставляя им земли и освобождая от податей и налогов; в это время участвовали и предложения от папы римского соединить католическое вероучение с православным, ради этого были готовы предложить свой союз и лично князю королевскую корону.

И с первых страниц второй книги дилогии «Александр Невский» главный герой предстаёт живым человеком, думающим, чувствующим, пластически осязаемым. Ему до всего есть дело. Он с дружиной спешит на свадьбу младшего брата Андрея, великого князя Владимирского, с дочерью Даниила.

Так наметились в книге два пути борьбы с татарами – Андрей за открытый бой, Александр за постепенное накопление русских, за сотрудничество с татарами, пока Русь не окрепнет.

Большое значение в композиции романа имеют эпизоды, в которых даётся описание свадьбы Андрея и Дубравки. И эта свадьба не только связывает обе книги в дилогию, где на первом месте оказывается то Даниил Галицкий, то Александр Невский. Подробно, со множеством запоминающихся деталей, воссоздаёт автор древний свадебный обряд. Со всей симпатией и любовью к русской истории описывает автор великолепные храмы и дворцы стольного Владимира, на фоне этого непередаваемого величия и происходит знаменательное событие.

Видно, после такого описания свадьбы, после такого откровенного восхищения русской архитектурой, после такого любовного изображения белоголовых мальчишек, воробьиной стайкой облепивших стены собора и с восторгом наблюдавших за свадьбой, после такой восторженной славьцы всему русскому немецкий учёный Казак с раздражением констатировал в своём «Лексиконе»: Югов – «очень консервативно настроенный писатель», в исторических романах он подчёркивает «приоритет всего исконно русского. Его романы отличаются искусственностью в построении действия, тяжеловесным, неестественным стилем» (Казак В. Лексикон русской литературы XX века. С. 487).

Все эти утверждения бездоказательны и голословны, пропитаны ядом неприятия идейно-художественной концепции А.К. Югова, его откровенно патриотической позиции, явственно раскрывшейся в романе «Ратоборцы».

А.К. Югов показывает Александра за княжеской работой, он читает кожаные свитки, даёт необходимые указания дьякам и писцам. Берёт стопку размягчённой бересты и костяной палочкой с острым концом отдаёт распоряжения по хозяйству и различным делам государ-

ственным. То снова берёт пергамент и, разворачивая его, читает донесения местных правителей.

Осторожен князь: узнал же Батый о браке князя Андрея и Дубравки и в этом усмотрел коварство Невского. Батый предлагал выдать за Андрея любую монгольскую принцессу из рода, к которому принадлежал и сам Батый, уверяя, что принцессу не будут бранить за переход в христианство, великий Чингисхан завещал чтить одинаково все веры, не отдавая преимущества ни одной из них, ведь сын его Сартак принял христианство.

А.К. Югов стремится в своём произведении дать картины со всей полнотой: то митрополит всея Руси Кирилл, то хан Батый, сложный и противоречивый характер которого надолго привлекает внимание, то неторопливо ведут разговоры, рассказывают сказки дружинники Александра Невского, то простой крестьянин Мирон Фёдорович – и все действующие лица так или иначе оценивают личность и деятельность Александра Невского, ставя высоко его доблесть, мужество, его качества князя и правителя, его распорядительность, справедливость и широту души, его заботливость, внимание к нуждам простого народа. В минуты бессонницы Александр Невский размышляет о судьбе Чингисхана. Как этот дикарь, в самом начале своего пути способный лишь разрушать и убивать, мог создать великую державу? Тем он и велик, что в пленном Ели-Чуцае, китайском сановнике и последователе Конфуция, разглядел умного державостроителя и законоведа, оказавшегося к тому же честным и бескорыстным, с чистой совестью и бесстрашным, как Сократ, мудрым соправителем великого хана. Александр Невский беседовал с Ели-Чуцаем в то время, когда целый год жил вместе с Андреем в ставке хана Менгу, и был покорён его знаниями и мудростью. С доктором Абрагамом Александр Невский беседует о том, что татарское нашествие разорило льноводство, которым жило и славилось земледелие на Руси. О том же беседует и с крестьянином Мироном Фёдоровичем, преподавшим ему уроки хорошего хозяйствования. Князь и сам берёт в руки лопату, но вскоре набиваем себе мозоль: рука привыкла к мечу, а не к ло пате. Внимательно наблюдает князь, как старый Мирон Фёдорович хлестал верёвочными вожжами по спине своего старшего сына, русобородого богатыря, женатого и имевшего двоих ребятишек, виноватого в том, что, признаётся Мирон Фёдорович князю, «от жены от своей да на сторону стал посматривать». Старику стыдно в этом признаваться, такое дело немыслимо в крестьянском семействе: «Он у меня как всё равно верёя у ворот!.. На нем всё держится!..» Эти бесчинства старшего сына грозно и наглядно были осуждены, мораль русского человека восстановлена, мораль, прежде всего идущая от православия.

Вот почему так неловко становится Александру Невскому, когда он в шутку вроде бы просит доктора Абрагама дать ему средство от «гусеницы», «что сердце человеческое точит». Такого средства у доктора нет, и Александр знает это. Так входит в сюжетное развитие ещё одна грань человеческого существования великого Александра, «этого гордого и скрытного человека» – даже от самого себя он скрывает, что влюбился в Дубравку, это великий грех, и он понимает это, а потому глубоко страдает от невозможности реализовать это чувство. Княгиня Дубравка тоже полюбила Александра.

А.К. Югов исторически правдиво и достоверно воссоздал характер Александра Невского, сложный, многогранный, противоречивый, внешне он выступает за последовательное установление мирных отношений с Ордой, готов поступиться своей гордостью, лишь бы вновь татары не пришли на Русскую землю и не опустошили её, как уже неоднократно бывало после Батыева нашествия в 1237 году и в последующие годы. И вместе с тем внутренне он протестует против этой зависимости, протестует против рабьей психологии, которую порой замечает у самых слабых своих соотечественников, последовательно готовит восстание русских против татар, но ещё очень слаба Русь после нашествия, ещё не подросли воины, готовые сразиться с татарами, не восстановлены города и сёла. Это в романе очень последовательно и достоверно показано. Но известный историк и писатель В.В. Каргалов в этом изображении усмотрел «идеализацию»

Александра Невского. «Эта попытка «совместить несовместимое», обосновать свою концепцию развития событий середины XIII столетия привела автора романа «Ратоборцы» к серьёзным историческим ошибкам. В частности, это проявляется при характеристике политического противника Александра Невского – великого князя Андрея.

Симпатии А.К. Югова – целиком на стороне Александра Ярославича. Видимо, поэтому его брат и соперник великий князь Андрей представлен в романе как человек, которого в общем-то всерьёз и принимать нельзя, как государственный деятель, неспособный продуманно и дальновидно руководить своим княжеством... Принижая образ великого владимирского князя Андрея Ярославича, показывая его слабым человеком и никуда не годным правителем, А.К. Югов как бы заранее ставит под сомнение правильность его политической линии: действительно – что можно ждать путного от «бражника» и легкомысленного любителя соколиной охоты?!

Между тем сводить борьбу на Руси по вопросу о признании зависимости от Золотой Орды к противоречиям между «дальновидным» князем Александром Ярославичем и «беспечно-буйным», «бесхитростным» Андреем Ярославичем – это значит упрощать события. За каждым из князей-соперников стояли определённые политические силы» (*Каргалов В.В. Древняя Русь в советской художественной литературе. Достоверность исторического романа. М.: Высшая школа, 1968. С. 155—156*).

Историк, отметив многие достоинства романа «Ратоборцы»: сочный, образный язык, воссоздание духа описываемой эпохи, мировоззрение, быт и нравы, запоминающиеся характеристики исторических деятелей, патриотизм, любовь к родной земле и гордость за её народ, не сломленный за годы страшного татарского ига, не соглашается с общей концепцией автора: «Идеализация образа Александра Ярославича и его политики в ряде случаев привела к нарушению исторической правды. Особенно уязвима позиция автора, когда он пишет о подготовке Александром народного восстания против Орды – это не подтверждается свидетельствами источников и противоречит общему характеру политики великого владимирского князя по отношению к Орде» (Там же. С. 175).

На самом деле образ Александра Невского далёк от идеализации, автор воссоздаёт его характер как умного и дальновидного, отважного и храброго, но жёсткого и сурового правителя, не раз посылавшего на казнь своих противников. Не зря автор влагает в уста умнейшего Андрея-дворского сложную характеристику полюбившегося ему князя Александра Невского: «Силён государь, силён Олександр Ярославич и великомудр... Ну, а только Данило Романович мой до людей помякше!.. Али уж и весь народ здешной сиверной, посуровше нашего, галицкого? И то может быть...» Эта жёсткость, даже жестокость князя Александра Невского особенно ярко выявилась в споре, в настоящем поединке двух воззрений на мир и на человека в нём между князем и гончаром Роговичем, иконописцем, художником, старостой гончарской братии, дерзко выступившим против князя на вече. Целый месяц Рогович возглавлял мятеж против князя Александра, позволившего татарам переписывать новгородцев для того, чтобы татары и с них собирали дань. Автор не скрывает своей симпатии к Роговичу, оказавшемуся на высоте и в споре с митрополитом, и в споре с князем. Умён, насмешлив, много справедливого высказывает в споре гончар Рогович. Не сдерживает своей ярости и гнева Александр Невский, не находя серьёзных аргументов в этом поединке с простым гончаром, «в этот миг свет помутился в глазах от гнева»: «Да знаешь ли ты, что в этих жилах – кровь Владимира Святого, кровь Владимира Мономаха, кровь кесарей византийских?! А ты – смерд!..» В ярости князь схватил смерда и чуть не задушил его, но, поостыв, пообещал отпустить, если он не будет снова перечить ему. Но гончар не дал такого обещания. И князь приговорил его к смерти.

В конце июля 1262 года началось восстание русских городов: в Устюге Великом, в Угличе, в Ростове, в Суздале, в Ярославле, в Переславле, во Владимире, Рязани, Муроме, Нижнем Новгороде в один день ударили вечевые колокола, и вооруженный народ бестрепетно

сводил счёты с татарами – убивали баскаков, уничтожали карательные татарские отряды. Убивали и русских, предавших интересы своего народа. Но поднять всю Русь не удалось. Снова на Западе зашевелились немцы, грозя вторгнуться в пределы Новгорода и Пскова. Лучшие полки Невский отослал на немцев. Пришлось с татарами вести долгие переговоры, чтобы спасти народ от нового вторжения татар. Великий замысел поднять народ русский на татар рухнул, и Александр Невский трагически переживает эту неудачу: по-прежнему удельные князья воевали между собой. И вновь Александр Невский отправляется в Орду, «опять хитрить, молить да задаривать», чтобы спасти русских от нового татарского нашествия, «уж тогда вовек не подниматься Руси». Но в это время хан приказал Александра отравить.

Ни Вячеслав Шишков, ни Степан Злобин, ни Валентин Костылёв, ни Ольга Форш, ни Валерий Язвицкий, ни Алексей Югов не вступали в открытую полемику с учёным Гуковским, выразившим сомнение в возможностях исторического романиста создать полноценный художественный образ исторического деятеля давней поры, передать его внутренний мир, чувства и мысли, переживания и поступки. Русские писатели, обратившись к отдалённым эпохам, создали целый ряд замечательных образов великих русских людей, вовсе не чуждых им ни в историческом, ни в психологическом отношении; они превосходно знали своих современников, со всеми достоинствами и недостатками их русского национального характера, и это знание современной жизни и современного человека помогало им воспроизводить прошлую жизнь в ярких художественных образах. «Прошлое – корни, из которого выросло настоящее», – утверждал Станиславский, и многие русские писатели и историки всем своим творчеством подтверждают незыблемость этой аксиомы.

Бесконечен и спор между художниками и историками о границах вымысла, о способах и возможностях писателя проникнуть в глубины и тайны давно минувшего и воспроизвести его в достоверных, правдивых образах. Отвечая тем, кто нигилистически относится к возможностям исторического романа, известный академик-историк В.Л. Янин писал: «Писатель, работающий в жанре исторического романа, – если он не ставит свой жизненный опыт выше суммы объективных источников, – способен самый процесс исторического развития народа насытить живой тканью реальных образов. Он становится исследователем, творящим на том высоком уровне, который недоступен историку-профессионалу. И историк-профессионал получает возможность увидеть в живом воплощении то, что формируется им языком цифр, цитат, посылок и выводов. К числу таких писателей-исследователей относится Алексей Кузьмич Югов, романы которого помогли мне увидеть воочию то, что для меня всегда оставалось логикой сопоставления исторических фактов» (Москва. 1987. № 3. С. 185).

В послевоенное время были опубликованы десятки исторических романов, но особой поддержкой пользовались произведения, посвящённые крестьянским восстаниям против самодержавия: романы «Емельян Пугачёв» В.Я. Шишкова и «Степан Разин» С.П. Злобина были отмечены присуждением Сталинской премии первой степени, многочисленными переизданиями, а романы «Михайловский замок» и «Первенцы свободы» О. Форш также тепло были встречены читателями и критиками.

В «Правде» 7 марта 1936 года со всей определённостью говорилось: «Советский школьник не может понять всего величия волнующей силы, всей красоты Великой пролетарской революции, если он не знает, как создавалась и подготавливалась она, как зрели её силы, каковы были её источники в самых толщах народных масс. Любить свою великую родину – значит интересоваться её прошлым, гордиться её светлыми, героическими страницами и ненавидеть её угнетателей, мучителей».

Восстания Болотникова, Разина, Пугачёва и др., восстание декабристов постоянно привлекали историков и писателей, но только после победы Великой пролетарской революции стали «светлыми, героическими страницами» истории России. В романах графа Салиаса «Пугачёвцы» (1874) и Г.П. Данилевского «Чёрный год» (1889) Пугачёв изображён как зло-

дей-разбойник, как смутьян, жаждавший личной власти и богатства. И в этом не было ничего удивительного: писатели выполняли заказ господствующего класса дворян и буржуев. Как нет ничего удивительного и в том, что после свержения советского строя и захвата власти представителями новых буржуазных слоёв происходит и переоценка личностей народных вожаков и их роли в историческом процессе.

В связи с этим кубанский учитель Михаил Апостол в статье «Приговор: четвертовать» писал о том, что ученики седьмого класса одной из краснодарских школ приняли участие в открытом уроке на тему «Суд над Емельяном Пугачёвым», в заключение которого пришли к выводу: «Приговор царского суда, предписавший Пугачёва «четвертовать, голову воткнуть на кол, части тела разнести по частям города и положить на колеса, а после на тех же местах сжечь», признать правильным!!!»

«Если бы ученики выражали своё мнение, – с горечью писал кубанский учитель, – то они не могли бы не вспомнить великого Пушкина. Гений русского народа, автор «Истории Пугачёва» и «Капитанской дочки» «не видел в чертах его лица ничего свирепого». Пушкин утверждал, что «предания о том, будто Пугачёв промышлял разбоями, ни на чём не основаны», «Пугачёв ни в каких разбоях не бывал», «показания о том, что Пугачёв умел лишь грабить и резать, ложные». Что же касается так называемой жестокости Пугачёва, то усмирители, пишет поэт, зверствовали ещё более чудовищно: «Кровопролитие было ужасное»... Старики, с которыми поэту довелось беседовать на Урале, с уважением говорили о Пугачёве и оправдывали его: «Он зла нам не сделал» (Советская Россия. 1998. 25 июня).

В 1948 году был опубликован роман «Остров Буян» С.П. Злобина, над которым автор начал работать ещё в довоенные годы. Исторической основой и сюжетным стержнем романа явились реальные исторические события XVII века – восстание городского населения Пскова в 1650 году, за двадцать лет до крестьянской войны под руководством Степана Разина. Многие годы на это восстание и историки, и писатели мало обращали внимания. А между тем псковичи, оборонявшие город от правительственных войск, впервые, может быть, показали исключительную организованность и соблюдали полный порядок, а руководители продемонстрировали пример самоотверженности, смелости и обдуманности своих решений и действий.

«Восстание это явилось ярким выражением активного недовольства масс феодальным гнётом, – писал С. Злобин, начиная работу над романом. – В этом восстании широкие народные массы показали образец способности русского народа к революционной самоорганизации, высокие примеры которой дало восстание во Пскове, выдвинув своих вождей из посадских «низов», обратив на службу народу земские учреждения (земскую избу) и превратив органы самоуправления в органы повстанческого правительства. Это восстание показало также независимость широких народных масс от церковных авторитетов, если эти авторитеты идут против народных масс и их интересов. В Псковском восстании отчетливо проявилась верность восставших масс родине... При построении сюжета пришлось внести ряд домыслов, догадок и умозаключений, в которых допущены иногда отклонения от мелких исторических фактов, но ни в коем случае не допущено противоречия исторической вероятности» (Злобин С.П. Моя работа сегодня и завтра // Детская литература. 1938. № 2. С. 40).

Композиция романа построена так, что почти точно соответствует ходу исторических событий, приведших к восстанию городских «низов».

«Гору сырого материала» переворотив, писатель отобрал самое необходимое, чтобы дать полную и многогранную картину восстания, причины его возникновения, ход событий, трагический его конец.

На первом плане – исторические герои: Томила Слепой, Гаврила Демидов и Михайло Мошницын, а три семьи в романе – Истомы, Михайлы Мошницына и Прохора Козы, – выходцы

из крестьянства, ремесленников и стрельцов, как бы олицетворяют основные движущие силы восстания.

В исторической литературе о Томиле Слепом говорится как о великой личности, обладающей не только большими организаторскими способностями, но и как о «крупном литературном таланте» (*Тихомиров М.Н.* Псковское восстание 1650 года. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935. С. 71).

В романе он предстаёт своеобразным идеологом восстания, он мечтает о всеобщей справедливости, о «белом царстве» всеобщего счастья и благоденствия, как на сказочном острове Буяне. Он мечтает объединить все земские силы Руси великой и ударить «на бояр изменных», «на неправду». Свои идеи он излагает в «Летописи правды искренней», созданной самим Злобиным так, что веришь, будто «Летопись» написана в то время, настолько правдиво и точно автору удалось уловить стиль и дух той эпохи. При всём благородстве идей и замыслов Томила Слепого писатель показывает ограниченность его взглядов, что соответствовало времени: Томила поверил дворянству, ратует за союз с ним в то время, как дворянство составило заговор против восставших. Томила Слепой не освободился от царистских иллюзий, а потому не разрешает использовать царские житницы и царскую казну даже тогда, когда в городе начался голод. Все это ускорило поражение восставших.

Совсем иным предстаёт в романе Гаврила Демидов, в его характере проявились истинные черты народного вожака. «В его лице, – писал историк Тихомиров, – псковичи получили настоящего вождя восстания, роль которого во всём движении 1650 года была чрезвычайно велика. Ему приписывается весь «завод и воровской умысел» (Там же).

С. Злобин в соответствии с исторической правдой показывает Демидова смелым, решительным противником Москвы, последовательным противником союза с дворянством, социальной опорой восстания он считает крестьянство, «кто лучше знает неволю, тот будет крепче стоять за свободу». Не в абстрактной «купности душ и сердец», за что ратует Томила Слепой, а в решительных действиях против дворян, бояр он видит основную задачу времени. Он повсюду – обучает молодых ратному делу, приказывает арестовать подозрительных дворян, раздать хлеб горожанам из царской казны. Но все его действия были обречены неравенством противоборствующих исторических сил. Восстание было разгромлено, руководители его арестованы и отправлены в Новгород...

В романе действуют и вымышленные персонажи, главное среди них место занимает Иванка, сын Истома. Именно с этим персонажем связана приключенческая сюжетная линия романа. Но именно здесь и таились главные недостатки романа, слишком облегчёнными показались критикам приключения удачливого Иванки. «Уж не в сорочке ли родился Иванка, вышедший из всех происшествий – одно удивительнее другого – целым и невредимым! Иванка как колобок: от митрополита Макария ушёл, от боярского приказчика, поймавшего Иванку с Кузей, когда они с челобитной пробирались в Москву, – ушёл, от Василия Собакина (с помощью Гурки) – ушёл, от стрелецкого пятидесятника Ульянки Фадеева – ушёл», – писал О. Хрусталёв (*Хрусталев О.* Остров Буян. – На берегу Великой // Альманах. Псков, 1952. № 4. С. 148).

В романе также действуют бояре, служители церкви, дворяне, дьяки, царь Алексей Михайлович, противники восстания. Всесторонне рисуя внутренний мир отрицательных персонажей, автор не утрачивает своей объективности в изображении исторических явлений и образов, есть здесь и злоба, и алчность, и другие отрицательные черты и качества человеческие, но автор раскрывает и положительные стороны характеров, не впадая в шарж.

«Несмотря на яркость созданных писателем положительных характеров, – писала Е. Кудряшова, – одна из основных проблем исторического романа – вопрос о взаимодействии героя и народа – в «Острове Буяне» решена в значительной степени односторонне. Злобин преодолел свойственную «Салавату Юлаеву» тенденцию к преувеличению исторической личности, но впал в другую крайность: образы руководителей псковского восстания нередко как бы рас-

творяются в массе «молодших» псковских людей. Писателю не удалось на переднем плане произведения показать героев крупного исторического масштаба, с какими читатель встречается в романе «Степан Разин» в лице Василия Уса, Степана Разина» (*Кудряшова Е.* Степан Злобин как автор исторических романов. Белгород, 1961. С. 26).

И естественно, большие вопросы возникали при выборе изобразительных средств, главный из них – вопрос о языке. Использовать современный язык автору показалось антихудожественным, всё-таки триста лет отделяло современность от описываемых событий, персонажи говорили совсем по-другому, об этом свидетельствовали книжные и летописные памятники. Использовать архаический язык документа тоже казалось неубедительным, этот язык казался мёртвым, таким языком не создашь живой человеческий образ с помощью речевой характеристики. И Степан Злобин начал изучать фольклор, используя для создания художественного образа народные средства. «Фольклор помог писателю изучить характеры своих героев, народное восприятие исторических явлений, дал канву для решения отдельных сюжетных задач, например, история сыновей Истома... напоминает сказочный сюжет о трёх братьях» (Там же. С. 29).

Роман «Степан Разин» С. Злобин задумал ещё до войны. И, приступив к изучению и сбору материалов, писатель понимал, что тема изъезжена вдоль и поперёк, написано много, в том числе и прекрасный роман А. Чапыгина, восторженно принятый и постоянно переиздаваемый. Необходимо было старой задаче дать новое решение.

В своих статьях, выступлениях, интервью Степан Злобин определил свой творческий замысел: прежде всего необходимо дать причины разинского восстания на фоне глубокого исторического кризиса России. «Я стремился, – писал Злобин, – понять и раскрыть корни этого великого народного движения, охватывающего весь народ, понять и правильно изобразить его исторические причины, его движущие силы и настоящее историческое лицо» (*Злобин С.П.* О моём романе «Степан Разин» // РГАЛИ. Ф. 2175. Оп. 1. Ед. хр. № 59. Л. 3); показать Разина «как народного вождя». «Показать образ Разина не так, как его показывали буржуазные писатели, не удалым разбойником, а народным вождём, вышедшим из народа, впитавшим народную мудрость и силу, верящим в свой народ, любящим родину» (*Злобин С.П.* Счастье творить для народа // Смена. 1952. 14 мая. № 113. С. 3); но главное, как считает автор романа, к трактовке разинской темы он подошёл с правильных методологических позиций: «Разобраться во всём поистине несметном богатстве, правильно проанализировать и оценить факты я сумел только потому, что подошёл к ним с позиций исторического материализма, ярким светом озарившего знаменательное народное движение и личность его вождя» (Там же).

Злобин много лет работал над романом, трижды, как свидетельствуют критики и исследователи, полностью переписал роман, некоторые главы переписывал больше десяти раз. Изучил «почти все» документы о восстании, как напечатанные, так и архивные, рукописные. Изучил множество книг о России того времени, о дипломатии, политике, экономике, праве, о хозяйстве и культуре Российского государства того времени.

Важное значение в работе над историческим произведением имеет отбор документального материала. Некоторые предшественники С. Злобина также широко использовали исторические материалы, порой для убедительности повествования цитировали самые яркие, с их точки зрения, самые убедительные, работающие на художественную концепцию, полагая, что документализм и фактографизм являются самым основополагающим средством реалистической достоверности. Не трудно было найти документы, составленные чаще всего образованными людьми своего времени, в которых движение и сама личность вождя были бы представлены в отрицательном освещении. Нанизывая подобные документы один за другим, а порой и просто придумывая мнимый документ и выдавая его за исторический текст, авторы, чаще всего буржуазно-дворянских кругов, создавали односторонние, лишь в чёрном свете представленные образы и характеры разинского движения, лишь как злодеев и разбойников.

А.С. Пушкин называл Разина «единственным поэтическим лицом русской истории», «славным бунтовщиком». О Разине писали Лермонтов и Кольцов, Тургенев и Островский, высказывал своё отношение к Разину Л.Н. Толстой. Но только в современной литературе тема разинского восстания получила всестороннее освещение, хотя тут же наметились две крайние тенденции: с одной стороны, писатели, создавая образы разинского движения, стремились романтизировать бунтарство, со всеми его положительными и отрицательными чертами, а с другой стороны, модернизировать его, приписывая черты недавнего стихийного бунта, преимущественно крестьянского (см. стихи В. Нарбута, В. Александровского, И. Рукавишникова, А. Ширяевца; пьесы В. Каменского, А. Глобы, В. Гиляровского; романы А. Алтаева «Стенькина вольница» (1925) и «Взбаламученная Русь» (1930), «Степан Разин» В. Каменского (1928), «Корабль купца Романова» Е. Николаевой (1931).

И считалось, что авторы этих произведений использовали исторические материалы и документы разинского движения предвзято.

Вопрос об использовании исторического материала в историческом романе имеет принципиальное значение. От того, какие принципы отбора документального материала принял писатель при воссоздании того или иного реального эпизода, зависит полнота и многогранность его освещений.

А. Чапыгин широко и полномерно использует исторический материал, уместной цитатой создавая и передавая яркий колорит того времени, рисуя «всамделишный» мир, в существование которого веришь. Он изображает архаическую экзотику и детали быта, превосходно «вышивая» подробности тогдашней эпохи, великолепно описывает детали и подробности костюмов того времени, утвари, домашнего обихода, порой увлекается этими деталями, оказываясь будто в плену подробностей и деталей, но от этого яркость изображения не утрачивается, хотя ход динамичного развития события чуть-чуть замедляется, становится однообразным и монотонным.

С. Злобин решительно отказывается от цитирования исторических источников, тем самым как бы освобождая себя от каркаса документальности, который твёрдо связывает творческую свободу отбора материала, он не только не цитирует документ, но и не копирует источники. Он, коренным образом перерабатывая исторический материал, стремится к полному растворению документа в собственном художественном тексте, причём настолько, что у читателя нет никакой возможности отличить документальность повествования от вымышленного повествования. Документ и вымысел как бы сливаются в едином художественном потоке, стирая грани между «реальным», «документальным» и «придуманным», «возможным».

Исследователи обратили внимание на специфическую обработку исторического материала в данном случае, но сделали из этого неправильный вывод, представляя его лишь в выгодном для С. Злобина свете: «Следуя за историческими фактами в глубь веков и отвлекаясь от архаики документа, Злобин стремится увидеть живую историю. В историческом документе его интересуют не экзотические детали, не «отношения» вещей, а прежде всего отношения людей, творящих историю. Факт, как таковой, не играет для писателя самодовлеющей роли. Сведения из истории он сообщает как бы мимоходом, направляя основное внимание на объяснение их смысла. Для писателя важно не столько внешнее сходство с источником, сколько объяснение того, как история делалась людьми, как должны были происходить события в соответствии с законами исторического процесса, как они могли (!) происходить и как происходили в действительности. В отказе от увлечения экзотикой и архаикой документа, в умении видеть за внешними фактами глубинный смысл событий, в правильном соотношении «действительного» и «возможного» при использовании документа кроется секрет той объёмности, монументальности, художественной глубины, которых достигает Злобин в изображении истории» (*Кудряшова Е. Степан Злобин как автор исторических романов. С. 38—39*).

При обработке источников, поясняет Е. Кудряшова, Злобин должен был отвергнуть источники, составленные враждебными разинскому движению людьми, их точка зрения неприемлема для советского писателя, он должен был так критически обработать материал, домыслить и художественно его оформить, чтобы историческая истина предстала здесь в полном объеме.

Вроде бы всё правильно и точно соответствует нынешним теориям, но Е. Кудряшова не замечает, что такая позиция даёт широкий простор для произвольного толкования исторических фактов.

Степан Злобин работал над романом о Степане Разине совсем в иное время, чем А.П. Чапыгин. Только что победоносным триумфом закончилась Великая Отечественная война, а это многое меняло в оценках прошлого.

В первые послевоенные годы появляются значительные произведения художественной литературы, посвящённые осмыслению минувшей войны и начавшейся мирной жизни. Всем писателям были известны слова И.В. Сталина, обращённые к командующим войсками Красной армии, сказавшего, что исход войны решил великий русский народ... «потому что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза». «Я хотел, – сказал Сталин, – поднять тост за здоровье нашего советского народа и, прежде всего, русского народа. Я поднимаю тост за здоровье русского народа потому, что он заслужил в этой войне общее признание, как руководящей силы Советского Союза среди всех народов нашей страны. Я поднимаю тост за здоровье русского народа не только потому, что он – руководящий народ, но и потому, что у него имеется ясный ум, стойкий характер и терпение» (*Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1946. С. 173*).

Эти слова, ставшие символом веры в историческую роль великого русского народа, оказали несомненное влияние на развитие литературы и искусства, на всех исторических писателей, в том числе и на Степана Злобина, работавшего в это время над романом «Степан Разин».

Восстание Степана Разина – один из важнейших моментов в истории России, в истории русского крестьянства и его борьбы против феодального гнета. Но такой взгляд сложился не сразу, этот взгляд утвердился в трудах историков, по-новому взглянувших на ход русской истории, приведший к Февральской и Октябрьской революциям.

Степан Разин давно привлекал к себе художников слова. Много песен, сказаний, легенд связано с его именем. Пушкин назвал его «единственным поэтическим лицом русской истории», собирал и записывал о нём песни, но так и не нашёл хотя бы «сухого», точного, документального описания событий, связанных с ним, с его именем. Один из современников указывает только, что Пушкин одно время был очень занят историей Пугачёва и Степана Разина: «Последним, казалось мне, больше. Он принёс даже с собою брошюрку на французском языке, переведённую с английского и изданную в те времена одним капитаном английской службы, который, по взятии Разиным Астрахани, представлялся ему и потом был очевидцем казни его». Другой современник сообщает, что «Пушкин написал много нового, между прочим поэму «Степаныч Разин».

Но после Пушкина мало кто интересовался личностью Степана Разина. Лишь накануне крестьянских реформ Александра II интерес к Степану Разину и его движению вновь обострился: появились упоминания о нём в публицистических выступлениях, монографиях, главы в исторических трудах. Но дворянско-буржуазная историография сначала делала всё, чтобы предать забвению имя великого бунтаря и его сподвижников, но затем, почувствовав, что народ любовно хранит всё, что касалось личности Разина, отдаёт ему должное как борцу за осуществление народной мечты о справедливой жизни на земле, изменила «тактику»: в соответствии со своим дворянским мировоззрением стали обращать внимание на одни факты и обходить другие, которые могли бы разрушить сложившееся представление об этом трагическом событии в русской истории. Вполне естественно, что дворянско-буржуазная историография стре-

милась затушевывать истинные причины восстания донского казачества и крестьянства, а самого вождя восстания обрисовать в чёрном свете. Классовая заинтересованность не давала возможности даже выдающимся историкам и писателям выявить объективный характер разинского движения. А. Ключевский, в частности, считая всякое проявление недовольства «беспорядком», нарушением гармонического развития исторического процесса, почти совсем не замечал таких событий в жизни русского народа, ограничиваясь скупой информацией. По словам другого видного историка Н. Костомарова, «эпоха Стеньки Разина» оказалась бесплодной, как метеор», это «тёмное пятно» в русской истории.

Злобин, работая над образом Степана Разина, тщательно изучая исторические документы и свидетельства современников, иной раз откровенно полемизировал со своими предшественниками, в том числе и А.П. Чапыгиным, отбирал лишь те эпизоды и факты, которые чётче и яснее раскрывали классовую сущность вождя крестьянского движения.

Степан Разин показан на широком фоне русской жизни второй половины XVII века. Обращаясь к прошлому, известному лишь по документам, по сохранившимся народным песням и легендам, писатель стремился не только к строгому соблюдению всех известных нам исторических фактов, но и делал всё возможное, чтобы представить Степана Разина воплощением лучших черт русского национального характера, как человека непреклонного в достижении своей цели, полного неиссякаемой внутренней энергии и мужества.

К сожалению, стремясь как можно яснее выразить классовую сущность Разина, Злобин пошёл на поводу у времени и в какой-то мере лишил своего героя сочности, страстности, крутого нрава, которым он отличался, по крайней мере обеднил своего героя по сравнению с тем, каким его создал А.П. Чапыгин в 20-х годах.

Не много фактов знает история из жизни Степана Разина до восстания. Поэтому всё, что мы узнаём из романа о юности его, – это плод авторского вымысла, но, пользуясь словами Лессинга, целесообразного вымысла, вымысла, который не уводит читателя от понимания характера исторической личности и той действительности, которая его формировала, а наоборот, этот вымысел помогает глубже раскрыть характер великого героя, через вымышленные детали и подробности полнее воплотить типические обстоятельства той эпохи, быт и нравы XVII века.

История зафиксировала несколько дат из биографии Степана Разина. И этой биографической канвы С. Злобин строго придерживается: в 1652 году он ходил на богомолье в Соловецкий монастырь, в 1661 году Степан был отправлен в посольстве к калмыкам. В том же году он побывал в Москве.

XVII век – яркая страница в жизни русского народа. Через всё столетие проходит незатухающая борьба крестьян против помещиков. Крестьянская война в начале века под руководством Ивана Болотникова, восстание под предводительством Косолапа, целая серия восстаний в царствование царя Алексея Михайловича – Соляной бунт, Медный бунт, восстание в Туле под руководством Василия Уса...

Белинский, полемизируя со славянофилами, довольно точно выразил основную тенденцию развития русской жизни того времени. Славяне, писал он, «указывают нам на смирение как на выражение русской национальности... можно заметить, что этот взгляд... не совсем уживается с историческими фактами. Удельный период наш отличается скорее гордынею и драчливостью, нежели смирением. Татарам поддались мы совсем не от смирения (это было бы для нас не честью, а бесчестьем, как и для всякого другого народа), а по бессилию, вследствие разделения наших сил родовым, кровным началом, положенным в основание правительственной системы того времени. Иоанн Калита был хитёр, а не смирен; Симеон даже прозван был «гордым», а эти князья были первоначальниками силы Московского царства; Димитрий Донской мечом, а не смирением предсказал татарам конец их владычества над Русью. Иоанны III и IV, оба прозванные «грозными», не отличались смирением... И вообще как-то странно видеть в смирении причину, по которой ничтожное Московское княжество сделалось впоследствии

сперва Московским царством, а потом Российской империей» (*Белинский В.Г. Избр. фил. соч.* М., 1948. Т. 2. С. 298—299).

В 1649 году было создано Соборное уложение – новый свод законов, которые окончательно закрепили крестьян. На основании законов Соборного уложения помещики могли искать беглых крестьян без «урочных лет», независимо от того, когда бежал крестьянин, тем самым завершался длительный период наступления помещиков на свободу крестьянства.

Степан Злобин в соответствии с исторической правдой, документами эпохи воссоздаёт правдивые картины тяжёлого положения русского крестьянства, посадских людей после окончательного закабаления их в 1649 году.

Во время своего первого выхода в «большой мир» Степан познакомился с другой, незнакомой и невиданной им жизнью. Он привык, что основной закон на Дону соблюдался крепко – к сохе не прикасаться: «Где пашня, там и боярщина. Вольному казаку не пахать, не сеять». С удивлением и любопытством смотрел на пахущего крестьянина, смотрел на соху и на борону, словно на «сказочную небылицу, словно увидел въявь ступу Бабы-яги». Удивляет его, что крестьяне, так много работающие на земле, так мало пользуются дарами заработанного, плохо, скудно живут. Разговор с крестьянином, у которого Степан ночевал, постепенно раскрывает ему на многое в жизни глаза, впервые он узнаёт о тяжкой жизни крестьянина, который постоянно оказывается в долгу у помещика.

Москва предстала перед ним опять же не такой, какой он себе её представлял. Ему казалось, что в Москве живёт только царь да бояре в красивых дворцах и палатах, охраняемых стрельцами, и он был очень удивлён, когда увидел простые бедные домишки, тесно ютившиеся на кривой улице. Разных людей, представлявших разные социальные группы, населявшие Москву, увидел он в Москве. Торговка квасом восхищается внешней красотой Москвы. Старенький псаломщик переключает внимание Степана на теневые стороны жизни столицы. Это не только столица, полная нарядных церквей, боярских золочёных колымаг, боярских слуг и ратников, иностранных послов, но и центр крепостнического режима; пойдя на Красную площадь, советует он, посмотри, как «палач мужиков дерёт», «того хлещут плетью, того батоном, а иного кнутом вот гульня где!...».

Целый ряд картин, полных драматизма, открывает перед Степаном мир реально существующих отношений – мир, полный обмана, жестокостей и несправедливости к простому народу. Страстный, порывистый, не терпящий несправедливости, Степан сразу же вступает в конфликт с законами государства. Короткая расправа с купцом, избивавшим нищего, послужила поводом для его ареста. Так впервые открыто столкнулся Степан с боярско-дворянской системой управления народом и государством. Думный дьяк Алмаз Иванович наставляет молодого казака на «путь истинный»: «...Хочешь Русь на праведный путь кулаком наставить?! – с насмешкой сказал дьяк и серьёзно добавил: – Не так строят правду, Степанка. Всяк человек своё дело ведай, а в чужое не лезь – то и будем правда! А коли всяк станет всякого наставлять кулаками, так и держава не устоит – псарня станет!» (с. 44).

Злобин, широко показывая недовольство различных социальных слоёв, пользуется массовыми сценами. Жестокое зрелище казни привлекает толпы разного люда. В их разговорах чувствуется осуждение того, кто «ревёт белугой». Мимо этой сцены не мог пройти Степан, и многое открылось ему из разговоров собравшейся толпы. «Вместе с другими Стенька пошёл вслед за скрипучей телегой, на которой отец увозил сына с места казни. Они шли гурьбой... ропща вполголоса, обсуждая жестокость судей» (с. 50). В то же время автор подчёркивает, что крестьяне смиренно терпят такое положение, возмущаются втихомолку, свои упования возлагают на доброго царя, который ничего не знает о том, что творят бояре и дворяне, вот узнает и всё поправит.

Встреча Степана с царём полностью подтверждает сложившееся представление о нём в народе. И получалось, что издевались над самим Степаном бояре и дворяне, освободил же его

и наградил царь Алексей Михайлович. Так и в народе жила вера в хорошего царя, доброго и справедливого.

Степан Разин наделён чуткой душой, стремлением к справедливости, добру и красоте. Столкновение его со «свинцовыми мерзостями» жизни, жестокой и волчьей, является содержанием многих страниц романа Злобина. Огромную роль в формировании характера Степана сыграл старик рыбак, с которым он встретился после того, как убил Афоньку, монастырского приказчика, за его несправедливые дела. Воспоминание о рыбаке осталось у Степана на всю жизнь, общение с ним многому его научило. Любимые герои рассказов старика – это честные, великодушные люди, отдающие свой ум, сердце служению народу. Лучшие качества народа: отвага, богатырская сила, вольнолюбие, ненависть к поработителям, мужество, трудолюбие, бодрость, оптимизм – Степан видел в образах, нарисованных воображением мудрого старика. Народное творчество – не только мудрость народа, как любил выражаться Горький, но и неиссякаемый источник героического стремления человека быть похожим на этих людей.

Последовали события в Польше, на Дону, поход на Азов, первые конфликты с атаманом Корнилой Ходневым, потом – с царскими стрельцами; с каждым днём дружина Степана пополнялась «толпой отчаянной, бесшабашной голытьбы» (с. 138). Жизнь в Яицком городке «гулевым атаманом», поход на Дербент и разгром главного невольничьего рынка на Каспии, разгром флотилии Менеды-хана...

Существенную роль в восстании Степана Разина играли стрельцы, посадские и другие социальные группы трудового населения городов. Однако, несмотря на пёстрый социальный состав участников восстания Разина, первое место среди восставших, бесспорно, принадлежало крестьянам. На Дону в составе войска Степана было уже много беглецов из Московии, а когда события достигли своей высшей точки, крестьянство преобладало в массе восставших: «Окружение Разина составляли разные люди: крестьяне, посадские, яицкие и запорожские казаки, а донцы, которые были в начале похода основой войска, теперь представляли собой далеко не главную часть» – такой вывод сделал автор романа, изучив все исторические свидетельства о восстании. По всему Поволжью крестьяне уже готовыми отрядами присоединялись к разинцам. Под воздействием крестьянской идеологии меняется и первоначальный план Разина.

Большое значение в романах А. Чапыгина и С. Злобина придаётся личности Василия Лавреевича Уса, «мужицкого вожжа». Во многих исторических источниках Василий Ус представлен как обыкновенный донской атаман, ставший на какое-то время разинским есаулом. Во многих официальных документах он изображён как «вор, злодей и разбойник», «губитель православных христиан», «погибший злою смертью», его живого «съели черви» (*Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел*. М., 1828. Ч. IV. С. 262).

Советские историки впервые дали объективную оценку личности и деятельности Василия Уса: «Это был главный помощник Разина и выдающийся вождь», – писала М. Нечкина.

Отмечая творческую удачу писателя при создании образа Василия Уса, исследователи и критики писали о том, что многие «поучения» Уса звучат «слишком назидательно, слишком дальновиден он в понимании исторических событий. Часто он не в действии, а весь – в речах, обращённых к Разину... Некоторая идеализация и модернизация мировоззрения героя объясняются, вероятно, тем, что на этот образ, занимающий в произведении очень немного места, падает огромная идейная нагрузка, она ослабляет и отодвигает на второй план его человеческий облик. Чувствуя это, писатель стремился избежать схематичности, программности образа Уса. Так, Ус в романе при всей своей дальновидности, широком «государственном» уме выступает царистом...» (*Кудряшова Е. Степан Злобин как автор исторических романов*. С. 71).

В действительности всё было не так просто, как представлялось Василию Усу, персонажу С. Злобина, а гораздо сложнее, противоречивее, гораздо болезненнее и ужаснее.

Злобин во многом верно передаёт историческую обстановку, в которой возникло и протекало разинское движение, определяет его характер, переосмысливает многие факты, характеристики отдельных исторических личностей.

Писатель проследил эволюцию Степана Разина, который постепенно под влиянием правдиво переданных обстоятельств из «гулевого» атамана превращается в вождя народного восстания.

Злобину удалось воссоздать и некоторые черты личности Степана Разина – даровитого, волевого, преданного своей великой цели, талантливого военачальника и вождя; это один из лучших сыновей своего народа, мужественный, твёрдый, справедливый, непреклонный, ироничный даже в самые трудные моменты своей жизни, отважный; в его образе автору удалось передать неповторимые особенности русского национального характера.

Но стремление писателя отбирать только лучшие черты человеческой личности невольно привело к некоторой идеализации образа. Под пером Степана Злобина несколько утрачивалась яркость человеческой индивидуальности Разина, его многогранность и полнокровность. Вспоминается в связи с этим завет Льва Толстого: «Характер только выигрывает от смело накладываемых теней». А характер реального Степана Разина, судя по свидетельству современников, обладал глубокой, можно сказать рембрандтовской светотенью, он бывал и несдержанным в своих страстях, жестоким от безмерной власти над людьми. Злобин явно «подсушил» своего Разина, стремясь воплотить в нём идеального народного заступника.

Конечно, сколько писателей, пишущих о Разине, столько и Разиных, одним больше удаётся приблизиться к воплощению реального исторического героя, другим это удаётся в меньшей степени. Очевидно, что русским художникам ещё не раз предстоит возвращаться к этому яркому и «самому поэтичному» лицу в русской истории.

Степан в романе не одинок: рядом с ним живут и действуют его ближайшие помощники, колоритные и преданные его делам и заботам: Сергей Кривой, Иван Черноярец, Наумов, Чупрыгин, Минаев и др.

В манифестах Степана Разина к населению со всей полнотой выразилась не только основная идея, овладевшая восставшими, – освободиться от власти бояр и помещиков. Разинское движение, как и другие крестьянские восстания прошлого, не сумело ещё порвать с царём; наоборот, восставшие идеализировали царя, обвиняя во всех своих бедах только бояр. Автор во многих сценах романа раскрывает эти народные чувства и мысли. Но это не последний роман о Степане Разине. Через несколько лет Василий Шукшин вновь вернётся к этой теме.

Литературные портреты

Александр Александрович Фадеев (24 января (11 января) 1901 – 13 мая 1956)

15 мая 1956 года во многих газетах Советского Союза было опубликовано сообщение «От Центрального Комитета КПСС»: «Центральный Комитет КПСС с прискорбием извещает, что 13 мая безвременно трагически погиб товарищ Фадеев Александр Александрович – крупный советский писатель, кандидат в члены ЦК КПСС, Секретарь Правления Союза писателей СССР, депутат Верховного Совета СССР». И далее из некролога:

«Безвременно ушёл из жизни один из талантливых советских писателей, автор широко известных и любимых народом художественных произведений.

Александр Александрович Фадеев родился в городе Кимры Калининской области в 1901 году в семье фельдшера. Детство и юность его прошли на Дальнем Востоке. Семнадцатилетним юношей А.А. Фадеев начинает революционную деятельность. В 1918 году он вступает в Коммунистическую партию, работает в большевистском подполье, боровшемся против колчаковцев и японских интервентов. В 1919—1920 годах он участвует в партизанской борьбе на Дальнем Востоке против белогвардейцев и интервентов, а после разгрома Колчака – на политической работе в Красной Армии. Литературную деятельность А.А. Фадеев начал в 1922 году. Повесть «Разгром», опубликованная в 1927 году и принёсшая ему широкую известность, принадлежит к числу выдающихся произведений советской литературы. В последние годы А.А. Фадеев страдал тяжёлым прогрессирующим недугом – алкоголизмом, который привёл к ослаблению его творческой деятельности. Принимаемые в течение нескольких лет различные лечебные меры не дали положительных результатов. В состоянии тяжёлой душевной депрессии, вызванной очередным приступом болезни, А.А. Фадеев покончил жизнь самоубийством...» (Труд. 1956. 15 мая).

По свидетельству очевидцев, на теле А.А. Фадеева лежал толстый конверт с письмом, который тут же исчез, как только явились сотрудники НКВД. Спустя годы мы узнали, что написал Фадеев перед самоубийством, и это письмо раскрывает подлинные причины происшедшего с ним. Всем было известно, что А.А. Фадеев крепко пил, порой его находили в канавах посёлка Переделкино, но он застрелился вовсе не поэтому. Много лет ему приходилось быть наверху, совершать компромиссы с совестью, а после смерти Сталина к нему хлынул поток писем освобождённых из заключения писателей, полностью реабилитированных. И этот гнёт раздавил его. Фадеев написал письмо «В ЦК КПСС», тем самым людям, с которыми ему приходилось работать:

«Не вижу возможности дальше жить, т. к. искусство, которому я отдал жизнь свою, загублено самоуверенно-невежественным руководством партии и теперь уже не может быть поправлено. Лучшие кадры литературы – в числе, которое даже и не снилось царским сатрапам, физически истреблены или погибли, благодаря преступному попустительству власти имущих; лучшие люди литературы умерли в преждевременном возрасте; всё остальное, мало-мальски способное создавать истинные ценности, умерло, не достигнув 40—50 лет.

Литература – эта святая святых – отдана на растерзание бюрократам и самым отсталым элементам народа, и с самых «высоких» трибун – таких, как Московская конференция или XX партсъезд, раздаётся новый лозунг «Ату её!». Тот путь, которым собираются «исправить», вызывает возмущение: собрана группа невежд, за исключением немногих честных людей, находящихся в таком же состоянии затравленности и потому не могущих сказать правду, – и

выводы, глубоко антиленинские, ибо исходят из бюрократических привычек, сопровождаются угрозой всё той же «дубинкой».

С каким чувством свободы и открытости мира входило моё поколение в литературу при Ленине, какие силы необъятные были в душе и какие прекрасные произведения мы создавали и ещё могли создать!

Нас после смерти Ленина низвели до положения мальчишек, уничтожали, идеологически пугали и называли это – «партийностью». И теперь, когда всё можно было исправить, сказала примитивность, невежественность – при возмутительной дозе самоуверенности – тех, кто должен был бы всё это исправить. Литература отдана во власть людей неталантливых, мелких, злопамятных. Единицы тех, кто сохранил в душе священный огонь, находятся в положении париев и – по возрасту своему – скоро умрут. И нет никакого стимула в душе, чтобы творить...

Созданный для большого творчества во имя коммунизма, с шестнадцати лет связанный с партией, с рабочими и крестьянами, одарённый Богом талантом незаурядным, я был полон самых высоких мыслей и чувств, какие только может породить жизнь народа, соединённая с прекрасными идеями коммунизма.

Но меня превратили в лошадь ломового извоза, всю жизнь я плелся под кладью бездарных, неоправданных, могущих быть выполненными любым человеком, неисчислимых бюрократических дел. И даже сейчас, когда подводишь итог жизни своей, невыносимо вспоминать всё то количество окриков, внушений, поучений и просто идеологических пороков, которые обрушились на меня, – кем наш чудесный народ вправе был гордиться в силу подлинности и скромности глубоко внутренней глубоко коммунистического таланта моего. Литература – этот высший плот нового строя – унижена, затравлена, загублена. Самодовольство нуворишей от великого ленинского учения даже тогда, когда они клянутся им, этим учением, привело к полному недоверию к ним с моей стороны, ибо от них можно ждать ещё худшего, чем от сатрапа Сталина. Тот был хоть образован, а эти – невежды.

Жизнь моя как писателя теряет всякий смысл, и я с превеликой радостью, как избавление от этого гнусного существования, где на тебя обрушивается подлость, ложь и клевета, уйду из этой жизни.

Последняя надежда была хоть сказать это людям, которые правят государством, но в течение уже 3 лет, несмотря на мои просьбы, меня даже не могут принять.

Прошу похоронить меня рядом с матерью моей.

Ал. Фадеев.

13/V. 56».

В этих двух документах изложена трагическая биография одарённого художника, написавшего замечательные романы «Разгром» и «Молодая гвардия», но ставшего управляемым бюрократами, сотрудниками ЦК ВКП(б) и ЦК КПСС, которые под словом «партийность» подразумевали узкую, сухую схему подчинения «низов», народа «верху», партийным сотрудникам до самого «верха». При Хрущёве сложилась та же система «культ личности», которая была осуждена во всех партийных программах. Отсюда ненависть А.А. Фадеева к партийным бюрократам, с которыми не только работать невозможно, но и жить.

А.А. Фадеев при всей своей одарённости был чуток и гибок в отношениях с властью имущими. Ему казалось, что рапповское движение выражает подлинное новаторство в духе марксистско-ленинского учения, ему казалось, что в 20-х годах побеждают Троцкий, Зиновьев, Каменев и их сподвижники, и, раздумывая, как назвать главного героя «Разгрома», наконец Фадеев назвал его – Левинсон. Много лет он дружил с Розалией Самойловной Землячкой, знал о её революционных заслугах, знал и о том, что она и Б. Кун приказали уничтожить десятки тысяч белых офицеров после того, как те прекратили сопротивление при условии сохранения им жизни. Знал и следовал её советам. Письма Фадеева Землячке свидетельствуют об этом.

В письме Ромену Роллану А.М. Горький выделил среди произведений молодых талантливых писателей и «Разгром» А. Фадеева. И когда формировал коллектив писателей для «Истории Гражданской войны», то по истории Дальнего Востока среди авторов назвал и А. Фадеева. А когда А. Фадеев стал ведущим руководителем РАППа и главным редактором журнала «Октябрь», то А.М. Горький послал ему рукопись «Тихого Дона» с просьбой решить вопрос о её публикации. А. Фадеев был за публикацию романа, но с большими сокращениями и коренной переработкой текста. «Тихий Дон» был напечатан после того, как его прочитал Сталин. Десятки статей написал за это время А. Фадеев. Главнейшей задачей русских писателей он считал создание советского положительного героя. И эти призывы продолжались всю его писательскую жизнь. Под его влиянием создавалась «теория бесконфликтности», под его влиянием его ближайший сподвижник В. Ермаков разгромил превосходный рассказ Андрея Платонова «Возвращение».

А. Фадеев в программной статье «Задачи литературной теории и критики», которой открывается сборник «Проблемы социалистического реализма» (М.: Советский писатель, 1948), заявил о «неудовлетворительном состоянии нашей литературной критики», о полной поддержке постановления Центрального Комитета партии по вопросам литературы и искусства и доклада товарища Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград». Ссылаясь на Ленина, на Жданова, Фадеев пишет:

«Могут спросить: возможно ли правдиво дать живой человеческий характер таким, «каков он есть», и одновременно таким, «каким он должен быть»? Конечно. Это не только не умаляет силы реализма, а это и есть подлинный реализм. Жизнь надо брать в её революционном развитии как яблоко, выращенное в саду, особенно в таком саду, как сад Мичурина, – это яблоко такое, «как оно есть», такое, «каким оно должно быть». Это яблоко больше выражает сущность яблока, чем дикий лесной плод.

Так и социалистический реализм» (Там же. С. 12).

А. Фадеев называет книгу И. Нусинова «Пушкин и мировая литература» (1941) примером «низкопоклонства перед границей», считает, что «это очень вредная книга»; подвергает острой критике книгу В. Шишмарёва «Александр Веселовский и русская литература» (1946); обрушивается на «грязный, зоологический натурализм Пильняка и рядом с ним реакционную «романтику» Клюева»; на «обывательское злопыхательство Зощенко и религиозную эротику Ахматовой»; острой критике А. Фадеев подвергает литературную группу «Серрапионовы братья», Всеволода Иванова, «творческое недомогание Шкловского», «отсталые позиции» Пастернака. «Как выглядит наш идейный противник сегодня? – спрашивает Фадеев и отвечает: – С одного конца вдруг вылезает что-нибудь вроде «Семьи Ивановых» А. Платонова, где советский человек показан низменным, пошлым, а с другого нет-нет да и вылезут стишки индивидуалистического порядка, с пессимизмом, нытьем. Это две ипостаси одного и того же явления» (Там же. С. 40).

Узнав о героической смерти молодогвардейцев, А. Фадеев захотел написать роман о действиях комсомольской группы во главе с Олегом Кошевым. Он поехал в Краснодар, познакомился с родными и близкими, и на глазах стали вырисовываться образы молодых героев, их настроения, действия, диалоги. За год и девять месяцев Фадеев написал роман «Молодая гвардия». В 1945 году роман был опубликован, в тот же год ему была присуждена Сталинская премия первой степени. В 1947 году, преодолевая хор положительных рецензий, Сталин прочитал роман и высказал несколько серьёзных упреков. Эта весть быстро разнеслась по идеологическим кругам, автору сообщили, что при переиздании надо учесть критику: в романе нет партийных руководителей. А. Фадеев послушно начал доработку романа, ввел в роман образы коммунистов Ивана Проценко, Филиппа Лютикова, Николая Баракова, организаторов подполья в Краснодоне. Вторая редакция романа вышла в свет в 1951 году, хор критиков одобрил и этот вариант издания. Но в душе автор остался недоволен.

Роман «Чёрная металлургия», частично опубликованный в журнале «Огонёк», полностью разочаровал А. Фадеева: взятый им материал из следственного дела о преступниках и вредителях оказался ложным, преступники и вредители были полностью оправданы, а конфликт фальшивым.

И снова с грустью вспоминаешь письмо А.А. Фадеева в ЦК КПСС, в котором он дал трагическую характеристику своей литературной деятельности. «У Фадеева было много причин для самоубийства, – вспоминал В. Каверин, – и разговор с самим собой продолжался долго, быть может несколько лет, прежде чем трагически оборвался. Небольшой писатель, имя которого едва ли останется в нашей литературе, он был вознесён на неслыханную административную высоту и занимал в литературе положение близкое к тому, которое Сталин занимал в стране. Отличаясь таким образом от других писателей, он, в результате полной зависимости от Сталина, решительно ничем от них не отличался. Неестественную идею управления литературой он воплощал с ловкостью и изяществом, которыми восхищался даже требовательный Эренбург... Он хотел участвовать в литературе как писатель, а не палач, а между тем его положение постепенно убивало в нём возможность писать, не оставляя для творчества ни малейшего места...» (*Каверин В. Эпилог. Мемуары. М., 1989. С. 313*). Здесь среди верных наблюдений есть и противоречивые, и ложные. Палач не может быть трагическим героем, не может так мучительно страдать от того положения, в котором он очутился. Ему бы писать, а он делал то, что могли бы сделать и без него, отсюда и мучительные запои, и болезни, и четырёхмесячное лечение в Кремлёвской больнице. И при всей зависимости «от сатрапа Сталина» А. Фадеев воздавал должное его образованности, глубине оценки происходящего, чуткости к кандидатам на Сталинскую премию, умению отметить всё несущественное, второстепенное, личное в биографии кандидата. Дмитрий Бузин, крупный экономист и администратор, вспоминает слова А. Фадеева о Сталине, когда тот заговорил о присуждении Сталинской премии Степану Злобину за роман «Степан Разин». Фадеев напомнил Сталину, что Степан Злобин был в Белой армии, был в плену у немцев. И это, дескать, было мотивом, почему Степан Злобин не был включён в список кандидатов на Сталинскую премию. Сталин не согласился с Фадеевым и сказал: «— Товарищ Фадеев, по поводу оценки романа я вынужден буду выступить против вас. За «Степана Разина». За Степана Злобина. За присуждение ему премии. Думаю, что и роман, и его автор того стоят...» ... На заседании в ЦК я доложил о решениях Комитета по премиям на 1952 год... А в заключение обсуждения Сталин, тоже ни словом не упомянув о нашей беседе, предложил обсудить вопрос о дополнительном выдвижении, вернее, присуждении премии Степану Злобину за роман «Степан Разин». С большим знанием и в литературе, и истории Сталин разобрал произведение Злобина, а потом, обратившись к членам Комитета, попросил высказать своё мнение о романе. Но мало было тех, кто читал роман. Отложили на несколько дней. Потом единодушно присудили премию Степану Злобину за роман «Степан Разин». Сталин прямо сказал Фадееву о его сомнениях в анкетных данных Степана Злобина: «— А что, товарищ Фадеев, писатель Злобин состоит в Союзе литераторов? Является ли он его членом? Советским писателем? Вы его не исключали из Союза советских писателей за эти самые «анкетные данные»? – чёткими рублеными фразами вопрошал он меня... – Так чего же тогда хотите от Злобина сверх того, что он имеет и в себе носит? Находился в Белой армии! Может быть, по принуждению? Или по ошибке молодости?! Случалось и так. Был в фашистском плену?! В фашистской неволе, к сожалению, не исключено, в результате наших ошибок...»

Конечно, в этом споре Сталин был прав: Злобину дали Сталинскую премию.

А.А. Фадеев навсегда останется в истории русской литературы XX века как своими художественными произведениями, романами «Разгром» и «Молодая гвардия», так и своим мощным организаторским талантом, человеком, который много делал в угоду властей, но отстаивал и интересы писателей.

Фадеев А.А. Собр. соч.: В 7 т. М., 1969—1971.

Михаил Михайлович Зощенко **(9 августа (28 июля) 1895 – 22 июля 1958)**

Родился в дворянской семье. Отец – художник-передвижник в Петербурге, украинец, мать – актриса, русская, сообщил М. Зощенко в биографическом очерке «О себе, об идеологии и ещё кое-чём» (Литературные записки. 1922. 1 августа. № 3). В это время М. Зощенко в обычной для себя юмористической форме рассказывает о себе и своей «идеологии»:

«Вообще писателем быть очень трудновато. Скажем, тоже – идеология... Требуется нынче от писателя идеология. Вот Воронский (хороший человек) пишет:

...Писателям нужно «точнее идеологически определяться».

Этакая, право, мне неприятность! Какая, скажите, может быть у меня «точная идеология», если ни одна партия в целом меня не привлекает?

С точки зрения людей партийных, я беспринципный человек. Пусть. Сам же я про себя скажу: я не коммунист, не эсер, не монархист, я просто русский. И к тому же политически безнравственный... Нету у меня ни к кому ненависти – вот моя «точная идеология». Ну а ещё точнее? Ещё точнее – пожалуйста. По общему размаху мне ближе всего большевики. И большевичить с ними я согласен... И Россию люблю мужицкую...» (Там же). В этом же очерке М. Зощенко рассказывает о своей взрослой жизни: «В 13-м году я поступил в университет. В 14-м – поехал на Кавказ. Дрался на дуэли с правоведом К. После чего почувствовал немедленно, что я человек необыкновенный, герой и авантюрист – поехал добровольцем на войну. Офицером был... А после революции скитался я по многим местам России. Был плотником, на звериный промысел ездил к Новой Земле, был сапожным подмастерьем, служил телефонистом, милиционером служил на станции «Логово», был агентом уголовного розыска, карточным игроком, конторщиком, актёром, был снова на фронте добровольцем Красной Армии...» (Там же).

А отбросив юмористическую форму, можно сказать, что к этому времени М.М. Зощенко прошёл через большие жизненные испытания. Как только началась война, он поступил на офицерские курсы, получил чин прапорщика, два года был на фронте, трижды был ранен, заслужил четыре боевых ордена, командовал батальоном в чине штабс-капитана. И в Февральскую, и в Октябрьскую революции и занимал высокое положение, и исполнял рядовые должности, работая везде, куда бы ни бросала его жизнь. С 1914 года он мечтал быть писателем, делал заметки, набрасывал планы будущих произведений, но две войны отдалили осуществление этих планов. Был в семинаре К. Чуковского, но почему-то писал не то, что от него требовали. В это время М. Зощенко много читал. Его покорили сочинения Алексея Ремизова, с которым он познакомился и читал ему свои рассказы, получая одобрение знаменитого писателя. Зощенко тянуло к юмористическим и сатирическим рассказам, постепенно сложившимся в целое повествование про господина Синебрюхова, крестьянина и участника мировой войны. Герой рассказывает своим незамысловатым языком истории, в которые он попадает из-за суеты и конфликтов мировой и революционной поры. Он участвовал в боевых действиях против немцев, получил Георгиевский крест, увлекся «преlestной паненкой Викторией Казимировной», повидался со старым князем и упрятал его драгоценное имущество, пережил и многое другое, в том числе рассказывает о своей «роскошной» жизни, затем год сидел в тюрьме, работал батраком «при полном своём семейном хозяйстве». Все эти приключения господина Синебрюхова автор записал в апреле 1921 года, книга вышла под названием «Рассказы Назара Ильича, господина Синебрюхова» в Петрограде в 1922 году.

В это время Зощенко был одним из членов общества «Серапионовы братья», провозглашавшего независимость искусства от политики и идеологии. Лев Лунц в очерке «Почему мы Серапионовы братья» вспоминает: в феврале 1921 года, «в период величайших регламентаций,

регистраций и казарменного упорядочения, когда всем дан один железный и скучный устав, мы решили собираться без уставов, председателя, без выборов и голосований». И развивает свою тему, с которой был полностью согласен М.М. Зощенко: «Слишком долго и мучительно правила русской литературой общественность. Пора сказать, что некоммунистический рассказ может быть бездарным, но может быть гениальным. И нам всё равно, с кем был Блок-поэт, автор «Двенадцати», Бунин-писатель, автор «Господина из Сан-Франциско»... Мы верим, что литературные химеры – особая реальность, и мы не хотим утилитаризма. Мы пишем не для пропаганды. Искусство реально, как сама жизнь. И, как сама жизнь, оно без цели и без смысла: существует, потому что не может не существовать». Декларация не полностью устраивала всех «серапионов», но пафос её вполне устраивал всех членов общества, в том числе и М.М. Зощенко.

В журналах, газетах и альманахах 1922 года стали появляться рассказы М. Зощенко: «Лялька Пятьдесят», «Чёрная магия», «Весёлая жизнь», «Любовь», «Гришка Жиган», «Искушение», «Последний барин», в 1923 году увидели свет десятки других рассказов, в 1924 году бурная писательская деятельность продолжалась. Темы рассказов самые актуальные – о проститутках, о ворах и бандитах, о начальниках и подчинённых, о попах и взятках, о жертвах и героях революции. Вот рассказ «Жертва революции», в котором автор рассказывает, как Ефим Григорьевич снял сапог, показал «какие-то зажившие ссадины и царапины» и добавил, что он «был жертвой революции», «был задавлен революционным мотором». Дело же оказалось проще простого: он служил у графа полотёром, в доме пропали часы, подозрение пало на него, он, вспомнив, что положил часы в «кувшинчик с пудрой», побежал в дом графа, там его арестовали и ведут к машине, которая двинулась и задела полотёра. А про «Аристократку» в то время все знали, рассказ чуть ли не на всех подмостках читали знаменитые артисты. Дело тоже проще простого. Работник жилтоварищества, опять же своим неповторимым языком, рассказывает, как он познакомился с «аристократкой» и пригласил её в театр. «Аристократка» съела в буфете три пирожных, а денег у рассказчика было мало:

«И берёт третье.

Я говорю:

– Натощак – не много ли? Может вытошнить.

А она:

– Нет, говорит, мы привыкшие.

И берёт четвертое.

Тут ударила мне кровь в голову.

– Ложи, говорю, взад!» (Зощенко М. Собр.: В 4 т. М., 2009. Т. 1. С. 229).

М. Зощенко видел, что читатели и критики преувеличивали «смешное» в его рассказах, и решил пояснить свои творческие замыслы: «Они не юмористические. Под юмористическими мы понимаем рассказы, написанные для того, чтобы посмеяться; это складывалось помимо меня – это особенность моей работы» (Зощенко М. Как я работаю // Литературная учёба. 1930. № 3. С. 110).

Но М. Зощенко писал не только юмористические и сатирические рассказы, сделавшие его знаменитым. С 1923 по 1926 год М. Зощенко опубликовал в разных журналах и альманахах семь повестей, которые вышли книгой под названием «О чём пел соловей» (Л.: Госиздат, 1927) с подзаголовком «Сентиментальные повести». В следующих изданиях сборник стал называться «Сентиментальные повести» с четырьмя предисловиями к изданиям. «Эта книга, эти сентиментальные повести написаны в самый разгар нэпа и революции.

И читатель, конечно, вправе потребовать от автора настоящего революционного содержания, крупных тем, планетарных заданий и героического пафоса – одним словом, полной и высокой идеологии.

Не желая вводить небогатого покупателя в излишние траты, автор спешит уведомить с глубокой душевной болью, что в этой сентиментальной книге не много будет героического.

Эта книга специально написана о маленьком человеке, об обывателе, во всей его неприглядной красе» (*Зощенко М.* Собр. соч.: В 4 т. Т. 2. С. 7). Далее читатели узнают, что писал эти повести И.В. Коленкоров, потом идут подробности его биографии, а только потом мы узнаём, что автор – это М. Зощенко. И появляются одна за другой «Коза», «Аполлон и Тамара», «Мудрость», «Люди», «Страшная ночь», «О чём пел соловей», «Весёлое приключение». И Забежкин как персонаж повести «Коза» – типичный персонаж «среднеинтеллигентского типа», который из-за своей тупости попадает в нелепое положение, отсюда и весь неприглядный конец этой истории. Сборник «Сентиментальные повести» подвергся резкой рапповской критике. М. Зощенко вынужден был кое-что пояснить в своей творческой работе. «Дело в том, – писал М. Зощенко в статье «О себе, о критиках и о своей работе», – что в повестях («Сентиментальные повести») я беру человека исключительно интеллигентного. В мелких же рассказах я пишу о человеке более простом. И само задание, сама тема, тема и типы диктуют мне форму... Когда критики, а это бывает часто, делят мою работу на две части: вот, дескать, мои повести – высокая литература, а вот эти мелкие рассказы – журнальная юмористика, сатирик, собачья ерунда, это неверно.

И повести, и мелкие рассказы я пишу одной и той же рукой. И у меня нет такого тонкого подразделения: вот, дескать, сейчас я напишу собачью ерунду, а вот повесть для потомства.

Правда, по внешней форме повесть моя ближе подходит к образцам так называемой высокой литературы. В ней, я бы сказал, больше литературных традиций, чем в моём юмористическом рассказе. Но качественность их лично для меня одинакова» (*Зощенко М.* Статьи и материалы. Л., 1928. С. 9).

М. Зощенко вспоминает, что А.М. Горький, с которым он познакомился в 1921 году, резко критиковал одно из его сочинений настолько убедительно, что М. Зощенко отказался предлагать вещь в печать. Но все последующие вещи А.М. Горький очень хвалил, выделяя юмористический и сатирический талант автора. Биографы напоминают своим читателям, что у М. Зощенко с 1922 года, когда у него вышел первый сборник «Рассказы Назара Ильича, господина Си небрюхова», по 1946 год, день критической оценки творчества на Сек ретариате ЦК КПСС, вышло в разных издательствах больше девяти тысяч книг и книжечек, о нём очень много писали, высказывая и положительные, и резко отрицательные суждения, но отзывы А.М. Горького остаются незыблемыми для многих читателей его сочинений. Два шеститомника Собраний сочинений вышло в это время у М.М. Зощенко.

В 1930 году М. Зощенко послал А.М. Горькому свои книги, и Горький тут же ему ответил: «Недавно – недель шесть тому назад – получил четыре тома ваших рассказов (*Зощенко М.* Собр. соч. Л.: Прибой, 1929—1931. Т. 1—6. – В. П.) – исподволь прочитал их и часто читаю вслух, – вечерами, после обеда – своей семье и гостям. Отличный язык выработали вы, М.М., и замечательно легко владеете им. И юмор у вас очень «свой». Я высоко ценю вашу работу, поверьте: это – не комплимент. Ценю и уверен, что вы напишете весьма крупные вещи. Данные сатирика у вас – налицо, чувство иронии очень острое, и лирика сопровождает крайне оригинально. Такого соотношения иронии и лирики я не знаю в литературе ни у кого, лишь изредка удавалось это Питеру Альтенбергу, австрийцу, о котором Р.М. Рильке сказал: «Он иронизирует, как влюблённый в некрасивую женщину» (*Горький и советские писатели.* М., 1963. С. 159).

Но в натуре М.М. Зощенко было и то, что весьма натурально характеризует его личность в эти разнузданные нэповские годы. Вспоминая рассказ М. Зощенко «Забавное приключение», биограф писателя А.К. Жолковский писал: «Иногда Михаил Зощенко знакомится со своими дамами в обществе их мужей... а в дальнейшем после окончания романов обедает или живёт в гостях у бывших любовниц и их новых мужей. Нередко М.З. вступает в связи с женщинами, у которых есть муж и другой любовник, а то и несколько...» (*Жолковский А.К.* Михаил Зощенко,

поэтика недоверия. М., 1999. С. 102). Вот за эту чрезмерную увлечённость любовными связями он и получил прозвище – «пошляк», о котором хорошо знали в верхах государства.

В 30-х годах сатира и юмор начали исчезать из художественной литературы, господствовавшая тогда рапповская критика увидела в этом направлении клеветнические помыслы писателей, якобы старавшихся разоблачить весь советский быт и сложившиеся обычаи. Всеволод Мейерхольд задумал поставить на сцене комедию М. Зощенко «Уважаемый товарищ», но из этого ничего не получилось. И в этом случае М. Зощенко не унывает. В письме А.М. Горькому 30 сентября 1930 года он писал:

«Я бы не хотел, чтобы вы имели обо мне ложное представление. Мебель и квартира никогда еще не играли никакой роли в моей жизни. Я живу в той же обстановке, как и в 19-м году. И сплю на той же кровати, на которой спал до того, как сделаться писателем. Правда, я больной, и тишина мне другой раз просто необходима, но, пожалуй, и к этому можно привыкнуть.

Я нарочно, для собственного успокоения, конечно, не хочу равняться ни с кем, но вот ихняя жизнь на меня очень успокоительно подействовала и привела в порядок. В сущности говоря, страшно плохо все жили, например, Сервантесу отрубили руку. А потом он ходил по деревням и собирал налоги. И, чтобы напечатать своего «Дон-Кихота», ему пришлось сделать льстивое посвящение какому-то герцогу. Данте выгнали из страны, и он влачил жалкую жизнь. Вольтеру сожгли дом. Я уж не говорю о других, более мелких, писателях.

И тем не менее они писали замечательные и даже удивительные вещи и не слишком жаловались на свою судьбу. Так что если бы писатели дождались золотого века, то, пожалуй, от всей литературы ничего бы и не осталось» (Там же. С. 161—162).

Горький, прочитав книгу М. Зощенко «Письма к писателю», почувствовал, что у М. Зощенко есть большие возможности создать книгу, в которой он может стать «как нигде и никогда – настоящим и близким человеком читателю. И хотя весьма часто это – процесс погружения в чепуху, в сорьё быта, но – на мой взгляд – это все же интереснейший процесс плотного сближения с жизнью сего дня» (Там же. С. 163). М. Зощенко, уверял Горький, может написать «что-то вроде юмористической «Истории культуры». М. Зощенко согласился с Горьким, жизненные сюжеты подсказывали ему нечто подобное, однако прежде у него получилась не «История культуры», а «Возвращённая молодость» (Л., 1933), а потом и «Голубая книга» (М.; Л.: Советский писатель, 1935), которую автор посвятил А.М. Горькому.

В повести «Возвращённая молодость», которую он написал за несколько месяцев, а изучал и собирал материалы года четыре, М. Зощенко изобразил жизнь стареющего учёного, педагога и астронома Василия Петровича Волосатова, который часто думал «о своей неприглядной старости, о своём утомлении и о своём желании задержать это страшное разложение и распад» (Зощенко М. Собр. соч.: В 4 т. Т. 3. С. 29). Автор с беспощадной дотошностью описывает дряхлость и гримасы неудовольствия героя. Перечисляя средства омоложения, в главе «Возвращённая молодость» описывается в том числе и любовь. Соседка Наталья Каретникова давно мечтала удачно выйти замуж, и ей посоветовали выйти за учёного-астронома. Сначала девушка противилась, а потом смирилась, пошла за профессора, который так увлёкся юной девицей, что перестарался в любовных утехх и получил удар, правда, через месяц лечения в больнице он пришёл в себя, и автор с облегчением констатирует: «Болезнь его исчезла, и только сильная бледность говорила о недавнем несчастье. Походка его была твёрдая и мужественная» (Там же. С. 79). И всё прошло, он вернулся к семье, а Туля (Наталья Каретникова) благополучно вышла замуж за инженера. И далее автор даёт интереснейшие комментарии, взятые из множества книг и журналов.

После создания Союза писателей СССР в 1934 году положение в художественной литературе резко изменилось. О сатире в прежнем виде не могло быть и речи, и у М. Зощенко изменились и темы, и стиль, ослабла его острота и внимание к острым социальным проблемам, всё реже появлялись юмористические и сатирические произведения... У него вышли повесть

«История одной жизни» (1934) о преступнике, который исправился, «Голубая книга» (1935), биография «Тарас Шевченко» (1939) к 125-летию со дня его рождения, из восьми повестей, написанных в 30-х годах, подсчитали биографы, шесть биографических, в том числе «Керенский».

25 марта 1936 года А.М. Горький писал М. Зощенко:

«Вчера прочитал я «Голубую книгу». Compliments мои едва ли интересны для вас и нужны вам, но всё же кратко скажу: в этой работе своеобразный талант ваш обнаружен ещё более уверенно и светло, чем в прежних. Оригинальность книги, вероятно, не сразу будет оценена так высоко, как она заслуживает, но это не должно смущать вас.

Вы уже почти безукоризненно овладели вашей «манерой» писать, но, кажется мне, иногда не совсем правильно отбираете материал, т. е. оперируете фактами недостаточно типичными.

Эх, Михаил Михайлович, как хорошо было бы, если б вы дали в такой же форме книгу на тему о страдании! Никогда и никто ещё не решался осмеять страдание, которое для множества людей было и остаётся любимой их профессией. Никогда ещё и у никого страдание не возбуждало чувства брезгливости. Освещённое религией «страдающего бога», оно играло в истории роль «первой скрипки», «лейтмотива», основной мелодии жизни. Разумеется – оно вызывалось вполне реальными причинами социологического характера, это – так!

Но в то время, когда «просто люди» боролись против его засилия хотя бы тем, что заставляли страдать друг друга, тем, что бежали от него в пустыни, в монастыри, в чужие края и т. д., литераторы – прозаики и стихотворцы – фиксировали, углубляли, расширяли его «универсализм», невзирая на то что даже самому страдающему Богу страдание опротивело и он взмолился: «Отче, пронеси мимо меня чашу сию!»

Страдание – позор мира, и надобно его ненавидеть для того, чтоб истребить.

Но вот в наши дни роды становятся безболезненными благодаря заботам науки о человеке. С этого противопоставления и начать бы книгу об истреблении страдания и указать бы, что литераторы как будто до пресыщения начитались церковной агиографической литературой о великомучениках, якобы угодных Богу...» (С. 167—168).

Но все эти годы М.М. Зощенко тревожили слова из последнего письма А.М. Горького о страдании, он и сам много думал о причинах страдания и как его избежать: «Я написал было ответ, однако не послал его, так как я узнал, что Горькому хуже. Я не хотел тревожить его, больного. В этом ответе я писал, что именно такая книга у меня намечена. Однако (писал я) в этой книге я бы хотел не только высмеять «страдальцев», но найти хотя бы некоторые причины страданий, для того чтобы понять, откуда возникают эти страдания» (Старков А. Михаил Зощенко. Судьба художника. М., 1974, 1990. С. 185).

В предисловии к задуманной повести «Перед восходом солнца» М. Зощенко писал: «Эту книгу я задумал давно. Сразу после того, как выпустил в свет мою «Возвращённую молодость».

Почти десять лет я собирал материалы для этой новой книги. И выжидал спокойного года, чтоб в тиши моего кабинета засесть за работу.

Но этого не случилось.

Напротив. Немецкие бомбы дважды падали вблизи моих материалов. Извёсткой и кирпичами был засыпан портфель, в котором находились мои рукописи. Уже пламя огня лизало их. И я поражаюсь, как случилось, что они сохранились.

Собранный материал летел вместе со мной на самолёте через немецкий фронт из окружённого Ленинграда.

Я взял с собой двадцать тяжёлых тетрадей. Чтобы убавить их вес, я оторвал коленкорывые переплёты. И все же они весили около восьми килограммов из двенадцати килограммов багажа, принятого самолётом. И был момент, когда я просто горевал, что взял этот хлам вместо тёплых подштанников и лишней пары сапог.

Однако любовь к литературе восторжествовала... Весь год я был занят здесь писанием различных сценариев на темы, нужные в дни Великой Отечественной войны...» Позже М. Зощенко решил не откладывать свою работу, она актуальна, злободневна: «Ведь мои материалы говорят о торжестве человеческого разума, о науке, о прогрессе сознания! Моя работа опровергает «философию» фашизма, которая говорит, что сознание приносит людям неисчислимые беды, что человеческое счастье – в возврате к варварству, к дикости, в отказе от цивилизации... В августе 1942 года я положил мои рукописи на стол и, не дожидаясь окончания войны, приступил к работе... Это книга о том, как я избавился от многих ненужных огорчений и стал счастливым... Это будет литературное произведение. Наука войдёт в него, как иной раз в роман входит история («Зощенко М. Собр. соч.: В 4 т. С. 299—300). И автор рассказывает о том, как он стремился к людям, был порой счастлив, встречаясь с друзьями, подругами, его радовали эти встречи, а потом неожиданно наступала хандра, и с этим он ничего не мог поделать. Он приводит шестьдесят три разных случая из своей жизни, полные огромных потрясений, но не может объяснить, почему наступает хандра. В 1920 году он знакомится с Ремизовым, Замятиным, Горьким, Блоком, Есениным, Маяковским, а всё время после этого чувствует себя несчастным. Потом он начинает своё повествование о детских и школьных годах, приводит ещё тридцать восемь историй, но ответа на свой вопрос так и не находит. И наконец М. Зощенко садится за книги учёных, философов, психологов, писателей. Почему он пишет эту книгу тогда, когда рвутся немецкие бомбы в грозные годы войны. Нет, он приравнивает эту книгу к бомбе, которая разорвётся в лагере фашистов и «уничтожит презренные идеи, рассеянные там и сям» (Там же. С. 495).

М. Зощенко изучает биографии Э. По, Н. Гоголя, изучает исследования Фрейда и других учёных и приходит к выводу, что Горький прав, сказав, что «страдание – позор мира». «И я целиком разделяю его мнение. Чтобы истребить страдание, существует наука. Она сделала немало. Но впереди предстоит сделать ещё больше. Огромный и светлый путь лежит впереди» (Там же. С. 535). «Разум побеждает страдания», «Разум побеждает старость» – вот названия глав, которыми автор заключает свою повесть «Перед заходом солнца». И в этом актуальный и злободневный смысл повести, написанной в 1943 году и напечатанной в журнале «Октябрь» (1943. № 6/7, 8/9); последняя часть повести была напечатана в журнале «Звезда» (1972. № 3) под названием «Повесть о разуме».

Сначала в редакции журнала возникли серьёзные претензии к повести. И М. Зощенко тут же ответил, приведя в письме свои возражения: «Мне кажется несправедливым оценивать работу по первой её половине, ибо в первой половине нет разрешения вопроса. Там приведён лишь материал. Поставлены задачи и отчасти показан метод. И только во 2-й половине развёрнута художественная и научная часть исследования, а также сделаны соответствующие выводы» (Чудакова М. Поэма Михаила Зощенко. М., 1979. С. 167). Содержание повести «Перед заходом солнца» возмутило многих идеологических работников. И тут же появилась резко критическая статья Л. Дмитриева «О новой повести М. Зощенко» в газете «Литература и искусство» (1943. 4 декабря), в которой автор назван «мещанским хлюпиком, нудно копающимся в собственном интимном мирке», а повесть зачислена в разряд «пошлых» и «аморальных». А эта газета – голос ЦК ВКП(б). Через два дня Президиум Союза советских писателей на своём заседании единогласно признал повесть «антихудожественной, чуждой интересам народа», при этом за это решение голосовали А. Фадеев, С. Маршак, В. Шкловский, писатели, близкие М. Зощенко. После этого решения М. Зощенко был близок к отчаянию: ведь повесть прочитана в ЦК ВКП(б) и разрешена, были положительные отзывы учёных-специалистов, видимо, кому-то не понравилась и была дана команда подвергнуть вещь критике. Но всё это оказалось «мелочью» по сравнению с тем, что было написано в «Большевике» (1944. № 2) и «Пропагандисте» (1944. № 6). Повесть названа «вредной», «галиматьей, нужной лишь врагам нашей родины», автор её назван «клеветником» и «пошляком», его мировоззрение «рас-

ходится с идеологическими основами мировоззрения народа». Когда М. Зощенко вернулся в Ленинград в апреле 1944 года, поначалу его встретили холодно, но в конце июня неожиданно ввели в редколлегия журнала «Звезда», его материалы начали публиковать «Ленинград», «Известия», «Комсомольская правда». В итоге М. Зощенко оказался в центре схватки противоборствующих сторон в ЦК ВКП(б), в центре борьбы между Ждановым и Маленковым за место первого заместителя И. Сталина.

М. Зощенко написал письмо И. Сталину. Затем одно за другим последовали события, разгромившие и повесть, и всё творчество М. Зощенко, обсуждение журналов «Звезда» и «Ленинград» на заседании Секретариата ЦК ВКП(б), критика в журналах, доклад А. Жданова, исключение из Союза писателей, второе письмо И. Сталину и долгое творческое молчание писателя, занимавшегося только переводами, чтобы кормить семью.

К. Чуковский, Вс. Иванов, В. Каверин, Л. Кассиль, Э. Казакевич, Н. Тихонов обратились в Президиум ЦК КПСС с письмом, в котором говорилось о необходимости реабилитации М.М. Зощенко:

«Считаем своим нравственным долгом поставить вопрос о восстановлении доброго имени Михаила Михайловича Зощенко, известного русского писателя, высоко ценимого Горьким.

Уже десять лет большой художник, безупречный советский гражданин и честнейший человек заклеен в глазах народа, как враждебный нашему обществу «подонки» и «мещанины»... Необходимо как можно скорее принять меры к защите писателя, к спасению человека. Необходимо организовать издание его сочинений, вернуть писателя Зощенко советской литературе» (Дружба народов. 1988. № 3. С. 189).

В июне 1953 года М. Зощенко вновь был принят в члены Союза писателей.

В конце 1956 года в Госиздате вышел однотомник М.М. Зощенко.

«Большой художник, безупречный советский гражданин» был возвращён народу.

Зощенко М.М. Соч.: В 4 т. М., 2009.

Старков А. Михаил Зощенко. Судьба художника. М., 1974, 1990.

Чудакова М. Поэтика Михаила Зощенко. М., 1979.

Михаил Зощенко в воспоминаниях современников. М., 1981.

Николай Алексеевич Заболоцкий **(7 мая (24 апреля) 1903 – 14 октября 1958)**

Родился в обеспеченной семье сорокалетнего агронома Алексея Агафоновича Заболотского (1864—1929) и школьной учительницы Лидии Андреевны Дьяконовой (1879—1926). В «Автобиографических очерках» Николай Заболоцкий писал, что предки его – крестьяне деревни Красная Гора Уржумского уезда Вятской губернии. Дед Агафон прослужил двадцать пять лет в царской армии, вышел в отставку и стал уржумским мещанином, служил лесным объездчиком в лесничестве. Своего сына Алексея отдал в Казанское сельскохозяйственное училище на казённую стипендию. «Отец стал агрономом, человеком умственного труда, – первый в длинном ряду своих предков-земледельцев. По своему воспитанию, нраву и характеру работы он стоял где-то на полпути между крестьянством и тогдашней интеллигенцией... Отцу были свойственны многие черты старозаветной патриархальности, которые каким-то странным образом уживались в нём с его наукой и с его борьбой против земледельческой косности крестьянства. Высокий, видный собою, с красивой чёрной шевелюрой, он носил свою светлую бороду на два клина, ходил в поддёвке и русских сапогах, был умеренно религиозен, науки почитал, в высокие сферы мира сего предпочитал не вмешиваться и жил интересами

своей непосредственной работы и заботами своего многочисленного семейства» (*Заболотский Н.* Собр. соч.: В 3 т. М., 1983. Т. 1. С. 494—495).

В 1913 году десятилетний Николай поступил в реальное училище в Уржуме, который ему тогда показался огромным и счастливым городом. До этого времени Николай учился в начальной школе, уже писал стихи и прочитал множество книг – у отца была хорошая библиотека. «Наш учебный день начинался в актовом зале общей молитвой, – продолжал свой автобиографический рассказ Н. Заболотский. – Здесь, на передней стене, к которой мы становились лицом, висел большой, до самого потолка, парадный портрет царя в золотой раме. Царь был изображён в мантии и во всех регалиях. Классы выстраивались в установленном порядке, но из них выделялся хор, который становился с левой стороны. Когда всё приходило в порядок и учителя, одетые в мундиры, занимали свои места, в зале появлялся директор, и молитва начиналась... и всё это заканчивалось пением гимна «Боже, царя храни» (Там же. С. 499—500).

Николай Заболотский с удовольствием описывает своё реальное училище, большие и светлые комнаты, пёстрый состав учителей, вспоминает занятия по немецкому и французскому языкам, обычные детские и юношеские забавы, о которых много писали и в прежние годы.

В 1920 году Н. Заболотский приехал в Москву, поступил на филологический факультет МГУ и в медицинский институт (из-за пайка). В Москве его покорила разнообразная литературная жизнь, Маяковский, Есенин, Блок, Хлебников захватили его творческую душу, он поклонялся их творческим устремлениям. Потом из-за голода ему пришлось уехать из Москвы в Уржум, и уже в 1921 году в Петрограде он поступил на факультет языка и литературы Педагогического института имени Герцена. И здесь был голод, «хроническое безденежье и полуголодное существование», студенты шли в порт и разгружали корабли, получали за работу продуктами, но студенческая молодёжь не унывала, возникли небольшое содружество поэтов «Мастерская слова» и журнал «Мысль», в котором были напечатаны первые его стихотворения. В письме земляку М.И. Касьянову 7 и 11 ноября 1921 года Н. Заболотский сообщал:

«Здесь Мандельштам пишет замечательные стихи. Послушай-ка.

Возьми на радость из моих ладоней
Немного солнца и немного мёда,
Как нам велели пчелы Персефоны...»

И приводит свои стихи с ремаркой: «После сладкого стиха отведай горького». И далее: «Практические дела с каждым днём все хужеют – бунтует душа, а жизнь не уступает. Проклятый желудок требует своих минимумов, а минимумы пахнут десятками, бесконечными десятками и сотнями тысяч... Вообще благодаря знакомым мой ум начинает освежаться под влиянием новых книг, которые начинают циркулировать через мои руки. Теперь читаю. Используя всякую возможность. Хочется, до боли хочется работать над ритмом, но обстоятельства не позволяют заняться делом. Пишу не очень много. Но чувствую непреодолимое влечение к поэзии О. Мандельштама («Камень») и пр. Так хочется на веру принять его слова.

– Есть ценностей незыблемая скала...

– И думал я: витийствовать не надо...

И я не витийствую. По крайней мере, не хочу витийствовать. Появляется какое-то иное отношение к поэзии, тяготение к глубоким вдумчивым строфам. Тяготение к сильному смысловому образу. С другой стороны – томит душу непосредственная бессмысленность существования. Есть страшный иску́с – дорога к сладостному одиночеству» (Там же. Т. 3. С. 300—303).

В свои восемнадцать лет Николай Заболотский уже многое познал, а главное – на последние деньги купил книги Д.Г. Гинцбурга «О русском стихосложении», В. Брюсова «Опыты» и Н. Шебуева «Версификация», слушая лекции в институте, где деканом факультета был В.А.

Десницкий, известный писатель и друг А.М. Горького, который хорошо знал историю литературы. Заболотский получил хорошее историко-литературное образование.

В 1925 году Н. Заболоцкий (в этом году он чуть-чуть изменил свою фамилию) окончил институт и был призван в армию. Сдав экзамен на должность командира взвода, он в 1927 году был уволен в запас. И после этого начались поиски работы. Напечатав несколько стихотворений и рассказов в журналах «Костёр», «Пионер», «Чиж», он обратил внимание С. Маршака, который порекомендовал молодого литератора на работу в журналы «Чиж» и «Ёж». После одного из выступлений Заболоцкий познакомился с молодыми поэтами Даниилом Ивановичем Хармсом (наст. фам. Ювачёв), В. Введенским, К. Вагиновым, Николаем Олейниковым, которые называли себя «Левым флангом», а потом – обэриутами (Объединение реального искусства). Принял участие в написании поэтической платформы – «Общественное лицо ОБЭРИУ. Поэзия обэриутов» (1928), где было обращено внимание на то, что огромный сдвиг в культуре и быте задерживается «многими ненормальными явлениями»:

«Требование общепонятного искусства, доступного по своей форме даже деревенскому школьнику, мы приветствуем, но требование **только** такого искусства заводит в дебри самых страшных ошибок. В результате мы имеем груды бумажной макулатуры, от которой ломаются книжные склады, а читающая публика первого Пролетарского Государства сидит на переводной беллетристике западного буржуазного писателя.

Мы очень хорошо понимаем, что единство правильного выхода из создавшегося положения сразу найти нельзя. Но мы совершенно не понимаем, почему ряд художественных школ, упорно, честно и настойчиво работающих в этой области, сидят как бы на задворках искусства, в то время как они должны всемерно поддерживаться всей советской общественностью. Нам непонятно, почему Школа Филонова вытеснена из Академии. Почему Малевич не может развернуть своей архитектурной работы в СССР, почему так нелепо освящен «Ревизор» Терентьева? Нам непонятно, почему т. н. левое искусство, имеющее за своей спиной немало заслуг и достижений, расценивается как безнадежный отброс и ещё хуже – как шарлатанство. Сколько внутренней нечестности, художественной несостоятельности таится в этом диком подходе» (*Афиши Дома печати*. Л., 1928. № 2. А также: *Заболоцкий Н.* Собр. соч.: В 3 т. Т. 1. С. 521—524).

И далее следует перечисление всех обэриутов: Александр Иванович Введенский (1904—1941, в заключении), пьеса «Минин и Пожарский» (1926), книги «Много зверей» (1928), «Кто?» (1930), «Щенок и котёнок» (1937), «О девочке Маше, о собаке Петушке и кошке Ниточке» (1937); Константин Константинович Вагинов (наст. фам. Вагингейм; 1899—1934), сборники стихотворений, романы «Козлиная песнь» (1928), «Труды и дни Свистонова» (1929), «Бамбочада» (1931); Николай Макарович Олейников (1898—1942, в заключении), «Первый свет» (1926), «Боевые дни» (1927), «Танки и санки» (1928); Даниил Иванович Хармс (наст. фам. Ювачёв; 1905—1942, в заключении), пьеса «Елизавета Бам», написанная в 1927 году и поставленная в театре 1928 году, была подвергнута острой критике, «Во-первых и во-вторых» (1929), «Иван Иванович» (1929), «Игра» (1930), «Миллион» (1931), «Лиза и заяц» (1940) и ещё несколько детских книжек и драматических произведений, которые не были поставлены в театре.

«Таковы грубые очертания литературной секции нашего объединения в целом и каждого из нас в отдельности. Остальное договорят наши стихи.

Люди конкретного мира, предмета и слова, – в этом направлении мы видим своё общественное значение. Ощущать мир рабочим движением руки, очищать предмет от мусора ставропальных истлевших культур, – разве это не **реальная** потребность нашего времени? Поэтому и объединение наше носит название ОБЭРИУ – Объединение Реального Искусства» (Там же).

К 1928 году у Николая Заболоцкого накопилось стихотворений на целую книгу. 28 июня 1928 года он просит художника Л.А. Юдина сделать обложку книги, которая, по его предпо-

ложениям, должна выйти в сентябре – октябре: «В этом деле нельзя рассчитывать на материальное вознаграждение, т. к. К-во существует пока в кредит и, например, я за книгу ничего не получаю. Если Вы и не отказались бы сделать эту работу, то лишь как дружескую услугу для меня лично. Мне кажется, Ваш шрифт, использованный для большого плаката к «3 обэриутским часам», очень идёт к книге... Слово «Столбцы» должно быть сделано Вашим шрифтом, оно доминирует...» (Там же. С. 307).

Сборник стихотворений Николая Заболоцкого «Столбцы» вышел в 1929 году, книга в несколько дней разошлась в Москве и Ленинграде и вызвала, по выражению автора, «порядочный скандал», автор был «причислен к лику нечестивых» (Там же. С. 313).

Название книги «Столбцы» было сложным и малопонятным, поэтому Заболоцкий пояснил: «В это слово я вкладываю понятие дисциплины, порядка, – всего того, что противостоит стихии мещанства» (*Воспоминания* о Н. Заболоцком. М., 1984. С. 105). Павел Антокольский уточняет это своими словами: в книге раскрыто «чувство сенсации, новизны, прорыва в область, никем ещё не обжитую до Заболоцкого» (Там же. С. 200). Были опубликованы положительные рецензии о сборнике Н. Степанова, И. Фейнберга, М. Зенкевича, Н. Рыкова. Но время резко изменилось, наступил «год великого перелома», и вскоре появились отрицательные статьи в рапповском духе: А. Селивановский «Система кошек» (На литературном посту. 1929. № 15), П. Незнамов «Система девок» (Печать и революция. 1930. № 4), А. Горелов «Распад сознания» (Стройка. 1930. № 1), В. Вихлянцев «Социология бессмысленки» (Сибирские огни. 1930. № 5), С. Малахов «Лирика как орудие классовой борьбы» (Звезда. 1931. № 9). «Критика обвиняет меня, – писал Заболоцкий М. Касьянову 10 сентября 1932 года, – в индивидуализме, и поскольку это касается *способа писать, способа думать и видеть*, то, очевидно, я действительно чем-то отличаюсь от большинства ныне пишущих. Ни к какой лит. группировке я не примыкаю, стою отдельно (из Обэриу он вышел в 1929 году. – В. П.), только вхожу в Союз советских писателей. У меня много врагов, но и много друзей.

Отдельные мои стихи ты можешь найти в толстом ленинградском журнале «Звезда» за 1929 год...» (Там же. С. 314).

7 января 1932 года Николай Заболоцкий, прочитав книгу К.Э. Циолковского «Растение будущего. Животное космоса. Самозарождение» (1929), заинтересовался этими проблемами и написал автору письмо с просьбой прислать ему другие свои книги: «...искусство будущего так тесно сольётся с наукой, что уже и теперь пришло для нас время узнать и полюбить лучших наших учёных – и Вас в первую очередь». 18 января 1932 года Николай Заболоцкий, получив книги К. Циолковского, сердечно благодарит его и сообщает:

«На меня надвинулось нечто до такой степени новое и огромное, что продумать его до конца я пока не в силах: слишком воспламенена голова... Консервативное чувство, воспитанное в нас веками, цепляется за наше знание и мешает ему двигаться вперёд. А чувствование себя государством есть, очевидно, новое завоевание человеческого гения.

Это ощущение, столь ясно выраженное в Ваших работах, было знакомо гениальному поэту Хлебникову, умершему в 1922 году. Привожу его стихотворение «Я и Россия»:

Россия тысячам тысяч свободу дала.
Милое дело! Долго буду помнить про это...»

Николай Заболоцкий делится с К. Циолковским, что в своих ненапечатанных поэмах много думает о будущем Земли, о человечестве, о животных и растениях. Прочитав работы К. Циолковского, он вернётся к этим произведениям, ему «многое придётся передумать заново» (Там же. С. 309–311). И Николай Заболоцкий приводит отрывок из своей поэмы «Торжество земледелия», в которой он, похоже, заимствует некоторые мысли из книг К. Циолковского – если только эти мысли не приходили ему ранее. Рассказывая замысел поэмы, Н.

Заболоцкий 28 марта 1936 года в Доме писателей в Ленинграде говорил: «Я начал писать смело, непохоже на тот средний безрадостный тон поэтического произведения, который к этому времени определился в нашей литературе. В это время я увлекался Хлебниковым, и его строки: «Я вижу конские свободы / И равноправие коров...» глубоко поражали меня. Утопическая мысль о раскрепощении животных нравилась мне. Я рассуждал так: «...Вместе с человеком начинается новая жизнь для всей природы, ибо человек неотделим от природы, он есть часть природы, лучшая, передовая её часть. В борьбе за существование победил он и занял первое место среди своих сородичей – животных. Человек так далеко пошёл, что в мыслях стал отделять себя от всей прочей природы, приписал себе божественное начало. Он мыслил так: я и природа. Я – человек, властелин, с одной стороны; природа, которую я должен себе подчинить, чтобы мне жилось хорошо, – с другой. Теперь дело меняется. Приближается время, когда, по слову Энгельса, люди будут не только чувствовать, но и сознавать своё единство с природой, когда делается невозможным бессмысленное и противоестественное представление о какой-то противоположности между духом и материей, человеком и природой, душой и телом. Настает время, когда человек – эксплуататор природы – превратится в человека – организатора природы» (Литературный Ленинград. 1936. 1 апреля).

В эти годы Николай Заболоцкий – счастливый муж, в 1929 году женился на Екатерине Васильевне Клыковой (1906—1997), и счастливый отец, у них родился сын Никита.

Много неудобств и жалоб на жизнь. К примеру, подготовил сборник стихотворений, написана вступительная статья к сборнику, а книга не пошла в печать, нашли там что-то не подходящее времени. Но в журнале «Звезда» выходили стихи и поэма. Он получал гонорар и ехал к своей семье, которая жила то в Луге, то ещё в каком-нибудь местечке. 9 февраля 1933 года Н. Заболоцкий сообщает Екатерине Васильевне, что в «Еже» – скандал», а «В журналах у меня всё ладно», «Без вас мне здесь по-настоящему скучно, и чувствую себя просто несчастным человеком». 26 мая 1933 года сообщает Е. Клыковой: «В Москве шум из-за «Торжества Земледелия». Говорят, что «Звезда» впервые за всё время её существования на столах у всех москвичей; одни хвалят и очень, другие в бешенстве, третьи злорадствуют – вот, мол, до чего докатились. Так или иначе, [угол письма оборван] Москвы надо что-нибудь ждать, [посмотрим] что будет...» (Там же. С. 316).

И действительно, тут же появилась статья Е. Усиевич «Под маской юродства», в которой дана резко отрицательная оценка поэмы: «злая карикатура на социализм», «пасквиль на коллективизацию сельского хозяйства», «мы должны с ним драться, разоблачая его как врага» (Литературный критик. 1933. № 4). А чуть позднее в газете «Правда» появились две статьи В. Ермилова «Юродствующая поэзия и поэзия миллионов» (1933. 21 июля) и С. Розенталя «Тени старого Петербурга» (1933. 30 августа), в которой автору поэмы даны резко отрицательные отзывы. Н. Заболоцкий только что закончил работу над вторым сборником стихотворений, редакция потребовала от него резких изменений, он многое выбросил, но книга в 1933 году так и не появилась. Спустя три года Н. Заболоцкий подвёл итоги критических выступлений: «Кажется, ни над одним советским поэтом критика не издевалась так, как надо мной. И какие бы ни были литературные грехи, все же подобные статьи и выступления не делают чести новой критике» (Литературный Ленинград. 1936. 1 апреля).

Эти годы были самыми трудными в становлении Н. Заболоцкого как поэта. После 1933 года всё труднее и труднее было заниматься собственным творчеством, что-то слагалось, но, судя по всему, не укладывалось в программное русло социалистического реализма, и Николай Заболоцкий увлёкся переводом и толкованием «Слова о полку Игореве» и переводом по подстрочникам грузинской поэзии. Он побывал в Грузии, познакомился с известными поэтами Грузии, и десятки переводов грузинских поэтов появились в газетах, журналах и издательствах.

Это совпало с трагическими событиями: в стране после убийства С.М. Кирова начались судебные процессы над партийными и государственными деятелями.

Но Николай Заболоцкий не оставлял надежды издать второй сборник, стихотворения его стали более реалистичными, уже не только Хлебников был его учителем, но и Пушкин, и Тютчев.

А. Безыменский резко говорил на съезде писателей в 1934 году о многих поэтах, которые были певцами классового врага, о Гумилёве и Есенине, о Клюеве и Клычкове, о П. Васильеве и Н. Заболоцком: «Гораздо более опасна маска юродства, которую надевает враг. Этот тип творчества представляет поэзия Заболоцкого, недооценённого как враг в докладе т. Тихонова... Заболоцкий издевается над нами... И Заболоцкий и Васильев не безнадёжны...» (*Первый Всесоюзный съезд советских писателей. 1934. С. 550*). Но пафос съезда был в том, чтобы не только критиковать, но и воспитывать поэтов. Н. Заболоцкий задумался над своим будущим. В 1936 году Н. Заболоцкий написал стихотворение «Север», которое, по мнению биографов, открывает новую страницу в творчестве поэта. Да и он сам это почувствовал. «Это стихотворение, – писал он в статье «Статьи «Правды» открывают нам глаза», – представляется мне простым, доступным для широкого читателя, и в то же время та пластическая выпуклость, которая была для меня самоцелью в «Столбцах», здесь дана на новой основе. Здесь она уже не самоцель, она лишь средство. Лишь иллюстрация, лишь аргумент в пользу завоевания «Севера». Появилась историческая перспектива, мысль, общественное содержание, и, благодаря этому, изменилась функция приёма», поэт почувствовал «простую человеческую правду, которая и составляет самый секрет всяческого искусства, которая делает искусство народным» (*Литературный Ленинград. 1936. 1 апреля*).

В статье «Новый путь» О. Берггольц писала о стихах Заболоцкого: «Стихи прекрасны... они обладают громадным обаянием скульптурной, любовной изобразительности» (*Литературный Ленинград. 1936. 23 декабря*). В этом же году Н. Заболоцкий написал «Горийскую симфонию», в которой высказал своё отношение к родному месту «великого картвела». В 1937 году в «Литературном современнике» вышло десять стихотворений, в том числе «Утренняя песня», «Прогулка», «Людейников в саду», «Север», «Засуха», «Начало зимы», «Вчера, о смерти размышляя», «Ночной сад», «Всё, что было в душе», «Горийская симфония» (1937. № 3). В «Ленинградской правде» и «Известиях» тут же появились разноречивые рецензии на эту стихотворную подборку. Сборник стихотворений «Вторая книга» вышел в 1937 году. И вот в этот самый момент каким-то краем Николай Заболоцкий попал в число преступников, участников блока троцкистов, задумавших путем заговора вернуться во власть. 19 марта 1938 года сотрудники НКВД арестовали поэта, который подробно описал спустя много лет «Историю моего заключения» (Даугава. 1988. № 3), материал в последующем издан в книге: *Заболоцкий Н. Полное собрание стихотворений и поэм / Составление, подготовка текста, хронологическая канва и примечания Никиты Заболоцкого. СПб., 2002. С. 44–54*) Был обыск, забрали два чемодана с книгами и рукописями, били, ругали, заставляли признаться во всех преступлениях против советской власти; сидел в различных камерах, испытал все муки и страдания, которые выпадали на долю политических арестованных:

«Издевательство и побои испытывал в то время каждый, кто пытался вести себя на допросах не так, как это было угодно следователю, т. е., попросту говоря, всякий, кто не хотел быть клеветником.

Дав. Ис. Выгодского, честнейшего человека, талантливого писателя, старика, следовательно таскал за бороду и плевал ему в лицо. Шестидесятилетнего профессора математики, моего соседа по камере, больного печенью (фамилию его не могу припомнить), следователь-садист ставил на четвереньки и целыми часами держал в таком положении, чтобы обострить болезнь и вызвать нестерпимые боли. Однажды по дороге на допрос меня по ошибке втолкнули в чужой кабинет, и я видел, как красивая молодая женщина в чёрном платье ударила следователя по лицу и тот схватил её за волосы и стал пинать её сапогами. Меня тотчас же выволокли из комнаты, и я слышал за спиной её ужасные вопли.

Чем объясняли заключённые эти вопиющие извращения в следственном деле, эти бесчеловечные пытки и истязания? Большинство было убеждено в том, что их всерьёз принимают за великих преступников» (Там же. С. 50).

2 сентября 1938 года Н. Заболоцкий Особым совещанием был осужден на пять лет исправительно-трудовых лагерей. Сначала работал на лесоповале недалеко от Комсомольска-на-Амуре, потом чертёжником в проектно бюро. 18 августа 1944 года был освобождён, приехала жена с двоими детьми, жили в избе села Михайловского, недалеко от лагеря. В 1946 году приехал в Москву, был восстановлен в Союзе писателей, жил сначала на даче писателя В. Ильенкова в Переделкине, потом на даче В. Каверина. И началась работа над изданием сборника стихотворений в издательстве «Советский писатель». В «Новом мире» в 1947 году появились стихи Н. Заболоцкого «Творцы дорог» и «Город в степи» (№ 10), стихи колоритные, звучные, лишь лёгкой тенью напоминали о себе прожитые в лагере годы.

А. Фадеев прочитал сборник стихотворений Н. Заболоцкого и дал положительную рецензию. Книга пошла в набор, но тут вышло новое решение ЦК КПСС о музыке, где вновь были подняты вопросы об идеологической идейности, о проблемах социалистического реализма, «о декадентских тенденциях в советской музыке». И А. Фадеев тут же написал письмо главному редактору издательства А. Тарасенкову:

«Тов. Тарасенкову.

Дорогой Толя! Когда-то я читал этот сборник и в целом принял его. Но теперь, просматривая его более строгими глазами, учитывая особенно то, что произошло в музыкальной области, и то, что сборник Заболоцкого буквально будут рассматривать сквозь лупу, – я нахожу, что он, сборник, должен быть сильно преобразован.

1. Всюду надо или изъять, или попросить автора переделать места, где зверям, насекомым и пр. отводится место, равное человеку... главным образом потому, что это уже не соответствует реальности: в Арктике больше людей, чем моржей и медведей... В таком виде это идти не может, это снижает то большое, что вложено в эти произведения.

2. Из сборника абсолютно должны быть изъяты следующие стихотворения: Утро, Начало зимы, Метаморфозы, Засуха, Ночной сад, Лесное озеро, Уступи мне, скворец, уголок, Ночь в Пасанаури...

С приветом А. Фадеев.

5. IV.48».

В результате книга всё-таки вышла, но в ней остались 17 стихотворений и «Слово о полку Игореве». Стихотворения «Север» и «Творцы дорог» были значительно сокращены. «Для писателя, имеющего судимость и живущего под агентурным надзором госбезопасности, и такое издание книги было большим достижением» (Заболоцкий Н. Полное собрание стихотворений и поэм. С. 675).

Сейчас невозможно понять, почему А. Фадеев запретил эти стихотворения. Там нет ничего, что и в то время могло бы противостоять победному настроению русского народа. Вот «Метаморфозы»: «Как мир меняется! И как я сам меняюсь! / Лишь именем одним я называюсь, – / На самом деле то, что именуют мной, – / Не я один. Нас много. Я живой... Как всё меняется! Что было раньше птицей, / Теперь лежит написанной страницей; / Мысль некогда была простым цветком; / Поэма шествовала медленным быком; / А то, что было мною, то, быть может, / Опять растёт и мир растений множит. / Вот так, с трудом пытаюсь развивать / Как бы клубок какой-то сложной пряжи, / Вдруг и увидишь то, что должно называть / Бессмертием. О, суеверья наши!» (1937). Никита Заболоцкий напоминает читателям, что размышления Николая Заболоцкого возникали под влиянием сочинений Лукреция, Гёте, под воздействием К. Циолковского, с которым он переписывался.

В творчестве этих лет у Николая Заболоцкого нет и тени страданий от лагерной жизни, напротив, все мотивы его стихотворений связаны с могучей созидательной деятельностью сидевших в лагере. Вот «Творцы дорог»: разбудил всех рожок, люди вышли на работу, заложили бикфордовы шнуры, «И вдруг – удар, и вздрогнула берёза, / И взвыло чрево каменной горы. / И, выдохнув короткий белый пламень / Под напряженьем многих атмосфер, / Завыл, запел, взлетел под небо камень, / И заволокся дымом весь карьер. / ...И мы бежим нестройною толпою, / Подняв ломы, громам наперерез. / Так под напором сказочных гигантов, / Работающих тысячами рук, / Из недр вселенной ад поднялся Дантов / И, грохнув наземь, раскололся вдруг... / Здесь, в первобытном капище природы, / В необозримом капище болот, / Врубаясь в лес, проваливаясь в воды, / Срываясь с круч, мы двигались вперёд...» (1946, 1947) (Там же. С. 205, 226—229).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.